Дм. Львовичъ.

ПО КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ.

Съ 28 рисунками художника Н. И. Ткаченко.

14489

ПЕТРОГРАДЪ.
Изданіе А. Ф. ДЕВРІЕНА.
1914.

РЫБАКИ.

Скоро будетъ озеро, большое такое озеро — Татыръ зовется... — утѣшаетъ меня мой проводникъ, киргизъ Нургужа Атабековъ, съ которымъ мы самъ-другъ странствуемъ по степи. — Чакрымовъ [1]) съ пять осталось всего — не больше...

Охъ, знаю я эти киргизскіе чакрымы — они иногда предлинные! А тутъ солнце печетъ, какъ подъ экваторомъ, пить до смерти хочется, однотонный, бѣлесый просторъ степи слѣпитъ глаза... Лошади тоже умаялись — еле плетутся, сердечныя... Одинъ только Нургужа не унываетъ. Бодро ѣдетъ онъ рядомъ со мною на своемъ пѣгомъ, вислозадомъ маштачкѣ, насвистываетъ себѣ подъ носъ какую-то пѣсенку, помахиваетъ плетью-камчей и зорко всматривается въ даль...

— Теперь ужъ совсѣмъ недалеко, — немного погодя увѣряетъ онъ — вотъ, какъ перевалимъ за тѣ холмы, такъ сейчасъ Татыръ будетъ...

---

[1]) Мѣра разстоянія — насколько хватаетъ звукъ человѣческаго голоса; приблизительно равняется нашей верстѣ.

Знакомые киргизы тамъ рыбачутъ... рыбы у нихъ достанемъ...

Любопытное существо этотъ Нургужа... Маленькій, подвижной, съ вороватыми раскосыми глазками на безбородомъ личикѣ, онъ, ни мало не раздумывая, сразу согласился сопровождать меня въ степь, гдѣ намъ предстояло провести мѣсяца два, по крайней мѣрѣ; домъ, семья, служба (Нургужа гдѣ-то что-то караулилъ), все мгновенно пошло на смарку. Помню, условились мы, какъ должно, порядились... Вручилъ я ему небольшой задатокъ...

— Когда же ты наладишься? — спрашиваю.

— Если тюре прикажетъ — хоть сегодня, — не сморгнувъ, отвѣчаетъ Нургужа, и, дѣйствительно, вечеромъ того же дня онъ явился ко мнѣ въ полной готовности къ походу, со всѣмъ необходимымъ припасомъ и съ тремя заказанными ему лошадьми — двѣ для насъ и одна подъ вьюкъ, — а еще черезъ часъ съ небольшимъ мы двинулись „въ чужу-дальню сторонушку незнаменькую“, какъ поется въ старинной пѣснѣ...

Съ первыхъ же дней я убѣдился, что пріобрѣлъ въ лицѣ Нургужи не просто проводника, или спутника, а нѣчто гораздо болѣе цѣнное, нѣчто, сокровищу подобное... Изучилъ онъ свою степь вкрестъ и вдоль поперекъ поразительно, до мельчайшихъ подробностей; помнилъ всѣ овраги, рѣченки, колодцы, даже могилы, при чемъ повсюду у него оказывались разные род-

Нургужа.

ственники, или пріятели, у которыхъ можно было и отдохнуть, и переночевать, и запастись кое-какой провизіей для дальнѣйшаго пути. Сверхъ того, Нургужа зналъ множество киргизскихъ пѣсенъ, разсказовъ и легендъ, которыми охотно дѣлился со мной, и, вдобавокъ, обладалъ цѣлымъ арсеналомъ мелкихъ, но полезныхъ практическихъ познаній, напр., искусно владѣлъ иглой, лечилъ лошадей, заговаривалъ — такъ онъ увѣрялъ меня, по крайней мѣрѣ — кровь, порчу и дурной глазъ, безоши-

бочно оріентировался по звѣздамъ и даже умѣлъ весьма сносно стряпать. Но, что всего важнѣе, Нургужа и по своему характеру могъ плѣнить кого угодно. Истый сынъ степей [1]), любитель-кочевникъ, онъ видѣлъ въ нашемъ совмѣстномъ путешествіи одно сплошное наслажденіе, и потому все время находился въ какомъ-то радостномъ, сіяющемъ возбужденіи — усердно сыпалъ шутками и пряным киргизскимъ юморомъ, съ прибаутками ложился спать и съ прибаутками просыпался, весело готовилъ нашъ немудрый обѣдъ, ухаживалъ за мною, какъ самая преданная нянька и всегда умѣлъ поддержать мое, подчасъ падавшее настроеніе. Словомъ, повторяю — это былъ кладъ, а не человѣкъ!.. Боюсь только, что, по забывчивости, я не всѣ его таланты перечислилъ...

А мы все двигались впередъ...

Наконецъ, съ одного изъ увалов открылось оповѣщенное Нургужей озеро.

Блѣдно-голубое, зеркально-тихое, оно плоско уходило въ дымчатую даль, постепенно сливаясь тамъ съ небомъ, такимъ же голубымъ и тихимъ, какъ оно. Невысокія желтыя скалы, поросшія цѣпкой колючкой, обрывисто падали въ прозрачную воду, и мягко отражались въ ней ихъ

---

[1]) По-татарски „киргизъ“ — кыръ-гизъ — значитъ „степь“ - „гуляй“, иначе „дитя степей“. Всѣ иныя толкованія этого слова, напр., „сорокъ дѣвушекъ“ (кыркъ-гизъ) и др. представляются неправдоподобными.

неприхотливыя очертанія. Посреди озера лѣниво плавали гагары и лысухи, у противоположнаго берега, въ колеблющихся струяхъ марева, бѣлѣло стадо пеликановъ. Вокругъ, сколько хваталъ глазъ — ни зелени, ни кустика... Все было выжжено солнцемъ, все было пустынно и мертво...

Я невольно залюбовался этой первобытной картиной — пейзажъ былъ совсѣмъ библейскій: такъ, вѣроятно, выглядитъ какое-нибудь Тиверіадское озеро въ Палестинѣ...

— А, Кудаимъ ай[1]), какое прекрасное озеро Татыръ, — разглагольствовалъ тѣмъ временемъ Нургужа. — А сколько рыбы въ немъ — даже удивительно!.. хоть ковшомъ черпай... здѣсь каждый годъ рыбачутъ знакомые мнѣ киргизы... Вотъ только не видать ихъ что-то... Ну, да мы ихъ найдемъ, непремѣнно найдемъ...

Чудакъ Нургужа! Заманчивая мечта о свѣжей ухѣ, очевидно, давно уже сосетъ его сердце, и теперь онъ ерзаетъ въ сѣдлѣ и узкіе глазки его безпокойно шныряютъ вдоль озера...

— Ты увлекаешься, Нургужа, — поддразниваю я его; — никакихъ рыбаковъ здѣсь нѣтъ и никакой ухи мы не получимъ; развѣ, что сами попробуемъ наловить... ведромъ, напримѣръ, какъ ты насчетъ этого полагаешь?..

— Ахъ, тюре, зачѣмъ такъ говорить, — добродушно отшучивается мой спутникъ, — есть у насъ

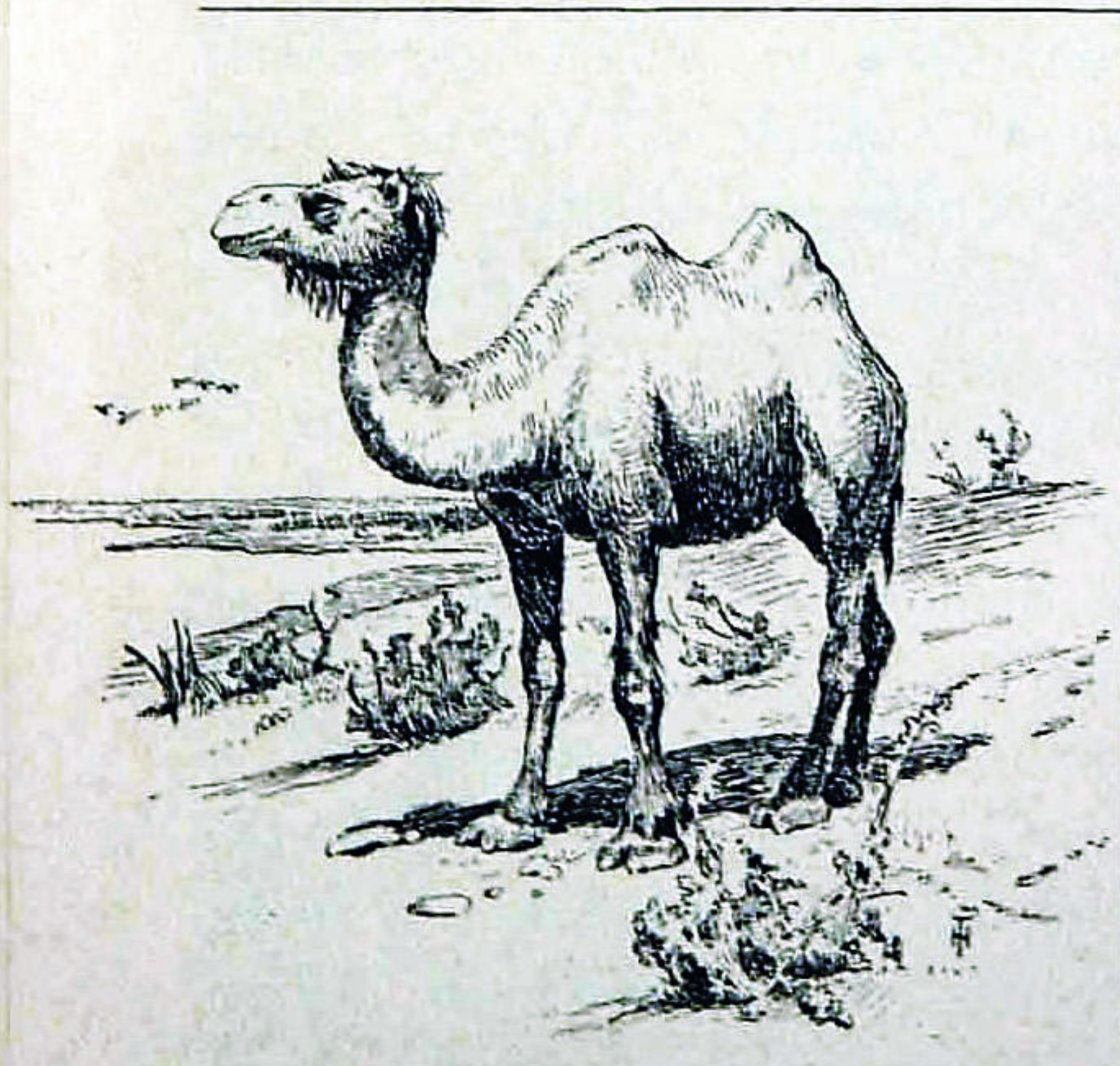
[1]) О, Боже мой!..

у киргизовъ поговорка: „умитсизъ сайтанъ“ — это значитъ, что у одного только дьявола нѣтъ надежды... А про человѣка сказано — вѣкъ живи, вѣкъ надѣйся...

— Эйтсынъ, эйтсынъ[1])... — смѣясь, подтверждаю я, — а ухи-то все-таки не будетъ...

Вдругъ Нургужа круто осадилъ лошадь.

— Смотрите, смотрите!.. Развѣ я не правъ былъ?.. — радостно заголосилъ онъ, указывая куда-то по направленію озера; — вонъ, тамъ тюйе[2]) ходилъ... Пусть лопнетъ мое брюхо, если я лгу...

Двугорбый верблюдъ.

За разстояніемъ, я, конечно, ничего разглядѣть немогъ, но, подъѣхавъ ближе, дѣйствительно увидалъ на пескѣ характерные отпечатки верблюжьихъ лапъ, столь похожіе на гигантскіе листья ненюфары... Мы двинулись по этому одинокому слѣду и вскорѣ, за выступомъ

[1]) Истинно такъ, да будетъ. [2]) Двугорбый верблюдъ.

прибрежной скалы, наткнулись и на самаго верблюда. Онъ мирно поѣдалъ свой излюбленный джантакъ [1]), но при нашемъ появленіи поднялъ голову и долго стоялъ такъ, неподвижно, какъ изваяніе, провожая насъ упорнымъ, не то враждебнымъ, не то пренебрежительнымъ взглядомъ. Признаюсь, я плохо выношу этотъ взглядъ — такъ явно онъ непріязненъ и злобенъ... Чувствуется, что верблюдъ, хотя наружно и подчинился человѣку, но въ душѣ остался попрежнему звѣремъ, дикимъ и неукротимымъ, ненавидящимъ своего поработителя...

— Ну вотъ, что я вамъ говорилъ?.. — ликовалъ Нургужа при видѣ верблюда; — теперь-то уже навѣрно рыбаки здѣсь гдѣ-нибудь поблизу...

Однако, его торжество скоро смѣнилось разочарованіемъ: проѣхали мы еще вдоль озера не менѣе двухъ верстъ — никакихъ признаковъ человѣка...

Наконецъ стали...

— Что за притча, — ворчалъ Нургужа, безпомощно озираясь кругомъ; — куда же они дѣвались?.. Вѣдь не разгуливаетъ же этотъ верблюдъ въ одиночку по степи... Развѣ еще немного дальше проѣдемъ — нерѣшительно добавилъ онъ.

Но тутъ я самымъ предательскимъ образомъ запротестовалъ: это безразсудно. Лошади устали,

---

[1]) Особый родъ степной колючки.

мы тоже... Надо сдѣлать привалъ, напьемся чаю, закусимъ... Да и гдѣ мы будемъ искать какихъ-то рыбаковъ, которыхъ, можетъ-быть, давнымъ давно уже нѣтъ на озерѣ!..

— Ахъ, какая же досада, что у насъ ухи сегодня не будетъ, — съ комической искренностью сокрушался Нургужа, развъючивая лошадей. — Вѣдь если бы вы только знали, какая сладкая рыба въ здѣшнемъ озерѣ... Вотъ ужъ неудача, такъ неудача!.. А что я вамъ скажу, тюре, — спустя немного, продолжалъ онъ, понизивъ голосъ; — можетъ-быть то былъ и не верблюдъ вовсе...

— Какъ не верблюдъ?..

— Да такъ... Это бываетъ... Представится, будто верблюдъ, а на самомъ дѣлѣ ничего нѣтъ... Джины [1]) часто оборачиваются то верблюдомъ, то бараномъ, то даже человѣкомъ...

— Что за вздоръ, Нургужа!.. Какой тутъ джинъ?.. Самый настоящій, живой тюйе... Да и джиновъ на свѣтѣ нѣтъ...

Нургужа только рукой махнулъ: это вы, русскіе, такъ думаете... А я, навѣрное, знаю, что есть... и всякій киргизъ скажетъ вамъ то же самое...

Я не сталъ особенно разубѣждать своего спутника: въ концѣ концовъ не все ли равно, существуютъ джины, или не существуютъ?..

---

[1]) Духи, злые и добрые, населяющіе, по понятіямъ киргизовъ, землю и, въ особенности, степь.

Заарканивъ лошадей и пустивъ ихъ пастись по берегу озера, гдѣ имѣлась еще кое-какая растительность, мы отправились за топливомъ и скоро насбирали цѣлую копну сухого бурьяна...

Весело разгорѣлся нашъ костеръ, еще веселѣе закипѣлъ нашъ чайникъ и, хотя самый чай вышелъ изрядно солоноватымъ, а вдобавокъ, благодаря усердію Нургужи, жестоко отдавалъ вѣникомъ, но похлебали мы его съ наслажденіемъ... Утоливъ жажду, принялись за ѣду — и ѣда оказалась превкусной...

— А не подремать ли намъ немного? — обратился я къ Нургужѣ; ужъ очень хорошо здѣсь да и ко сну что-то клонитъ... Кстати, и лошади отдохнутъ...

— Спите, спите... — какъ-то особенно поспѣшно отвѣтилъ онъ; — а мнѣ позвольте вашъ мултыкъ [1]) — пойду, можетъ-быть подстрѣлю что-нибудь къ ужину... Утку какую-нибудь.

Этакій плутоватый киргизишка, не безъ основанія заподозрилъ я; и вовсе не утки у него на умѣ, а рыбаки!..

— Ступай...

Онъ ушелъ, а я, растянувшись на тепломъ пескѣ въ тѣни скалы, подложилъ подъ голову свернутый азямъ и почти мгновенно заснулъ...

Но Нургужа не далъ мнѣ отдохнуть, какъ слѣдуетъ. Вѣроятно, и часа времени не прошло,

---

[1]) Ружье.

какъ онъ уже вернулся и, расталкивая меня, неумолимо тараторилъ.

— Вставайте, тюре, вставайте!.. вѣдь я отыскалъ-таки рыбаковъ — и совсѣмъ близко... Отсюда двухсотъ шаговъ не будетъ... И рыба у нихъ есть свѣжая, хорошая такая рыба... Вставайте, тюре, поѣдемъ скорѣе къ нимъ!..

— Провалился бы ты со своими рыбами,— подумалось мнѣ, но волей-неволей пришлось, конечно, встать: Нургужа, все равно, не отсталъ бы отъ меня... Наскоро сложили мы вещи, кое-какъ завъючили лошадей и направились къ пресловутымъ рыбакамъ...

Ихъ станъ оказался, дѣйствительно, недалеко.

Въ узкомъ ущельи, среди прибрежныхъ скалъ, былъ разбитъ ихъ кошъ, грязный и закоптѣлый. Около него, высоко задравъ оглобли, стояла ветхая, перекосившаяся арба, валялись въ безпорядкѣ разныя хозяйственныя и рыболовныя принадлежности, гнили объѣдки рыбы, кости, чешуя... Тутъ же паслись двѣ стреноженныя лошади и старенькій, облѣзшій верблюдъ... Ближе къ берегу лежалъ опрокинутый вверхъ дномъ рыбачій челнъ-каикъ, рядомъ съ разостланной для просушки дырявой сѣтью, надъ починкой которой возился одинъ изъ киргизовъ... Двое другихъ безмятежно спали на самомъ солнопекѣ... Женщина, въ высокомъ бѣломъ джаулыкѣ[1]), перевитомъ тонкимъ позу-

[1]) Головной уборъ замужнихъ киргизокъ.

Рыбачій станъ на озерѣ Татыръ.

ментомъ, готовила какое-то варево въ казанѣ, подвѣшеннымъ надъ очагомъ, и ѣдкій дымокъ отъ кизяка стоялъ въ неподвижномъ воздухѣ и слегка щипалъ глаза... При нашемъ приближеніи изъ-за юрты выскочила пара огромныхъ кудлатыхъ псовъ и злобно набросилась на насъ. Женщина торопливо подбѣжала и съ бранью отогнала ихъ прочь... Подошли и мужчины...

— Аманъ, аманъ, солемъ элейкюмъ[1]), — раздались взаимныя привѣтствія...

— Вотъ это племянникъ мой, — указалъ Нургужа на одного изъ подошедшихъ; — сынъ моей сестры, Сабыръ...

То былъ молодой, стройный киргизъ, съ пріятнымъ открытымъ лицомъ, одѣтый въ рваный кафтанъ изъ домотканнаго шекпека и въ розовые ситцевые шелбары[2]). На головѣ у него красовалась плисовая шапка-конфедератка, отороченная по торгайской модѣ корсачьимъ мѣхомъ.

Онъ, улыбаясь, протянулъ мнѣ свою маленькую, жилистую руку...

Скоро я чувствовалъ себя точно среди давнихъ знакомыхъ. Наши хозяева оказались на рѣдкость доброжелательными и общительными людьми. Быстро развъючили они лошадей, перетащили вещи въ юрту, поставили грѣть воду для чая...

---

[1]) Здравствуй, будь здоровъ. [2]) Штаны.

— А можетъ-быть тюре[1]) сперва ухи хочетъ?— ласково допытывался молодой киргизъ — такъ мы сейчасъ приготовимъ... Вонъ тамъ, — указалъ онъ на плетеный садокъ, засунутый между камышей, — у насъ рыба живая есть — разная рыба есть...

Но я отложилъ уху до вечера: мы не голодны, недавно завтракали... Пока, лучше выпьемъ чаю...

За чаепитіемъ завязалась общая бесѣда.

— Много уже лѣтъ ѣздимъ мы сюда, на Татыръ, — разсказывалъ одинъ изъ рыбаковъ. пожилой киргизинъ, съ неестественно выпученными глазами на плоскомъ, точно раздавленномъ лицѣ, и темно-краснымъ шрамомъ черезъ всю щеку; — сколько здѣсь раньше было рыбы!.. Повѣрите ли — сѣти рвались!.. Теперь — куда меньше... Возили мы ее продавать въ Торгай, а то и дальше — въ Джаръ-Моллы [2]), даже до Акъ-Мечети [3]) однажды доѣзжали... Хорошо иногда зарабатывали...

— А теперь, развѣ не возите?

— Почему не возимъ, возимъ и теперь... Вотъ недавно отправили двѣ арбы, да еще на арбу осталось въ запасѣ. Какъ вернутся — опять отправимъ... Только заработки стали много хуже прежнихъ...

---

[1]) Господинъ, чиновникъ.
[2]) Такъ киргизы зовутъ городъ Иргизъ.
[3]) Прежнее названіе города Перовска.

— Почему это?

— Худай биляды [1])!.. Должно быть чрезчуръ много нашего брата рыбака развелось. Раньше вѣдь киргизы этимъ дѣломъ мало занимались...

— А зимуете вы далеко отсюда?

— Зачѣмъ далеко — близко... на Сары-Торгаѣ, около Каратала... Съ полдня ходу будетъ. Тамъ у насъ и земля есть, тары [2]) мала-мала сѣемъ, арпу [3])... Мы вѣдь не кочуемъ...

— Отчего не кочуете?

— Верблюдовъ нѣтъ у насъ... На одномъ такомъ старикѣ куда уѣдешь, — смѣясь, указалъ киргизъ на пасшагося верблюда; — вотъ сородичи мои, которые побогаче, тѣ кочуютъ, каждый годъ на лѣто уходятъ въ ханство [4])... И теперь тамъ — не вернулись еще...

— А беретъ съ нихъ ханъ за это что-нибудь?

— Оой, ой, шибко беретъ!.. И хараджъ съ посѣва беретъ, и зякетъ со скота [5])... за все беретъ... Они было уже просили уѣзднаго начальника, чтобы заступился за нихъ передъ ханомъ — да только ничего изъ этого не вышло: должно быть ханъ-то посильнѣе нашего начальника...

---

[1]) Богъ вѣдаетъ!.. [2]) Просо. [3]) Ячмень. [4]) Подъ словами „ханство", „ханъ" Торгайскіе киргизы всегда подразумѣваютъ Хивинское ханство, хивинскаго хана. [5]) Разные виды хивинскихъ податей.

— Дѣло вовсе не въ томъ, кто кого сильнѣе, — попытался я защитить престижъ мѣстной администраціи; — просто всякій ханъ имѣетъ право брать у себя подати... А кто не хочетъ платить, пусть и не лѣзетъ въ его землю — вотъ и все...

— Поневолѣ полѣзешь, если здѣсь кочевать негдѣ стало — горячо возразилъ мой собесѣдникъ; — раньше, вотъ, у моихъ родичей были джяйляу [1]) подъ Кустанаемъ — а теперь тамъ землю позахватывали поселенцы... Да если бы еще русскіе тамъ селились не — бѣда... Съ русскими можно жить... А то — хохлы!..

— Чѣмъ же хохлы хуже? — изумился я; — такіе же русскіе люди...

Киргизъ отмахнулся отъ меня, какъ отъ докучливой мухи...

— Іоппермай!.. [2]) Развѣ это люди?.. — презрительно пояснилъ онъ. Работать не работаютъ, землю, какъ слѣдуетъ, пахать не умѣютъ... Только и знаютъ, что пьяными пѣсни пѣть, да утокъ стрѣлять!.. А ля-ля, ля-ля, ля... — передразнилъ онъ своихъ недруговъ — тьфу, глупцы!.. сутяги!..

Всѣ засмѣялись...

— Ого, да ты поешь совсѣмъ какъ хохолъ, — съ напускной серьезностью заявилъ Нургужа, —

---

[1]) Лѣтнія кочевья киргизовъ.

[2]) Особое воскличаніе, вродѣ, — о, Господи!..

не правда ли, тюре?.. Ну-ка, спой намъ еще что-нибудь!..

Киргизы расхохотались еще пуще. Даже верблюдъ пересталъ жевать и удивленно уставился въ нашу сторону.

— А откуда у тебя рубецъ на щекѣ? — полюбопытствовалъ я.

Мой хохлофобъ замялся...

— Это я когда-то съ Мурзагуломъ Чимановымъ на темирскихъ киргизовъ войной ходилъ, — неувѣренно улыбаясь, отозвался онъ; — давно это было... Лѣтъ съ десятокъ назадъ... Тюре слышалъ про Мурзагула Чиманова?..

— Нѣтъ, не слышалъ... Кто это такой?

Мои киргизы вдругъ всполошились и залопотали всѣ заразъ: — Чимановъ!.. О, Чимановъ!.. Кто его не знаетъ!.. Это — батырь, настоящій батырь!.. Первый казакъ [1]) по всей степи!.. Первый аксакалъ [2])!..

Признаюсь, я былъ нѣсколько сконфуженъ своимъ невѣжествомъ...

Изъ разговоровъ выяснилось, что Чимановъ, дѣйствительно, своего рода знаменитость... (впослѣдствіи, мнѣ довелось лично познакомиться съ этимъ, безусловно, недюжиннымъ человѣкомъ). Бурный, своевольный, съ замаш-

---

[1]) Киргизы называютъ себя не иначе, какъ казаками. Даже самое слово „киргизъ“ — имъ неизвѣстно.

[2]) Въ дословномъ переводѣ, значитъ „бѣлая борода“. Фигурально — старѣйшина, почетный человѣкъ.

ками восточнаго деспота, онъ пользовался среди киргизовъ совершенно исключительнымъ вліяніемъ. Его слово было закономъ, и — горе ослушникамъ!.. Мстительный Чимановъ ничего не забывалъ и не прощалъ: „у него память длинная и рука тяжелая“, образно говорили о немъ киргизы... Немудрено поэтому, что вся степь боялась его, какъ огня, даже русскія власти склонны были мирволить ему и смотрѣть сквозь пальцы на его дерзкія продѣлки.

Такъ, напримѣръ, однажды ему сообщили, что какіе-то Темирскіе киргизы поставили зимовки на Эмбѣ, гдѣ обычно лѣтовали его родичи. Быстро собралъ онъ до пятисотъ всадниковъ и, недолго думая, нагрянулъ туда. Произошло форменное сраженіе, нѣсколько киргизовъ пало въ бою, многіе были ранены, въ томъ числѣ и мой собесѣдникъ, но чимановцы одолѣли враговъ, до основанія разрушили ихъ жилища, а скотъ угнали къ себѣ... Расправа была короткая и рѣшительная — совсѣмъ на азіатскій манеръ, и Чиманову (онъ былъ въ то время волостнымъ управителемъ) этотъ чисторазбойничій набѣгъ сошелъ съ рукъ благополучно: непріятное дѣло было замято...

Не разъ, подъ видомъ баранты [1]), жадный киргизъ занимался и самыми обыкновенными

[1]) Особый видъ степнаго самосуда, состоящій въ угонѣ скота у обидчика.

грабежами и также совершенно безнаказанно... На его же душѣ лежитъ, вѣроятно, и нѣсколько степныхъ убійствъ, крайне загадочныхъ по обстановкѣ, истинные виновники которыхъ такъ и остались необнаруженными... Наконецъ, тамъ, гдѣ нельзя было взять силой — Чимановъ пускалъ въ ходъ коварство, доносы, лжесвидѣтельства.

— Да мало ли что вытворялъ въ свое время Мурзагулъ, — восторженно добавилъ Нургужа. — Помните, какъ на Челкарѣ онъ землю продавалъ, и землю-то не свою, а чужую... „Мнѣ, говоритъ, самъ падса [1]) позволилъ продавать землю, гдѣ хочу“ — и продавалъ!.. Сколько денегъ онъ тогда въ карманъ запихалъ — страсть !. А въ позапрошломъ году, какой онъ бунтъ на Мугоджарахъ поднялъ, чтобы, значитъ, никто не смѣлъ податей платить... Много народу за это засудили, а ему, хоть бы что!.. Да, большой батырь [2]), большой батырь!..

Киргизы сочувственно кивали головами — подвиги Чиманова были имъ, повидимому, по душѣ...

— А гдѣ теперь Чимановъ, — спросилъ я.

— У себя, на Мугоджарахъ кочуетъ... Недавно сына женилъ, большой той сдѣлалъ, тысячъ пять народу въ гости созвалъ... Байга

---

1) Царь; такъ киргизы называютъ русскаго Государя.
2) Богатырь.

была, кюрöсъ[1])... Самъ уѣздный начальникъ съ помощникомъ у него пировалъ. Сколько барановъ тамъ съѣли — и не счесть!.. А кумысу сколько выпили — море цѣлое!.. Изъ нашего аула нѣкоторые ѣздили туда, такъ разсказывали...

— Что же, онъ очень богатъ, должно быть, этотъ Чимановъ?

— О, богатый бай[2]) шибко богатый!.. Пожалуй, богаче его нѣтъ никого въ степи!.. Однихъ верблюдовъ у него головъ 500, если не больше... Джуйрыковъ (скакуновъ) цѣлые табуны держитъ. Да какихъ еще джуйрыковъ!.. Не кони — вѣтеръ!.. А вотъ податей не платитъ нисколько — ни тіина[3]) не платитъ...

— Какъ же такъ, — удивился я; — первый богачъ — и ничего не платитъ?.. Почему?..

— Оттого-то и не платитъ, что богачъ... Человѣкъ онъ вліятельный, сильный, съ уѣзднымъ дружбу ведетъ — кто же посмѣетъ съ него что-нибудь требовать?..

— Но это же несправедливо!.. — возмутился я. — Вѣдь съ васъ управитель, небось, беретъ подать въ казну?..

— Какъ не беретъ — беретъ... — удостовѣрили въ одинъ голосъ киргизы. — Сколько по раскладкѣ причитается, столько и беретъ... Съ

---

[1]) Байга — скачка; кюрöсъ — борьба на призы; любимыя развлеченія киргизовъ на тояхъ (угощеніяхъ) устраиваемыхъ ихними богачами. [2]) Богачъ. [3]) Копейка.

кого — пять рублей, съ кого — десять, а то и больше... А съ Чиманова, развѣ что возьмешь?.. Онъ самъ себѣ господинъ, и никакого суда на него нѣтъ...

— И никакого суда на него нѣтъ... — словно эхо, отозвался голосъ моего Нургужи. — Вотъ это — вѣрно... Недаромъ говорится: куатты өргө жюзөръ[1])...

Никто ему не возразилъ. Очевидно, такой порядокъ вещей представлялся киргизамъ совершенно нормальнымъ...

Удивительное міросозерцаніе!.. Весь современный востокъ сказался въ немъ...

Славные степные витязи давно поисчезали — нѣтъ подходящей арены для ихъ вольныхъ дѣяній... Отошли въ вѣчность и мудрые властители народные, султаны — спятъ они подъ своими мазарами[2]), никому не нужные, всѣми забытые... Взамѣнъ, идеями массъ управляетъ теперь сумъ — рубль, это новое степное божество, которое создаетъ и величіе, и счастье поклоняющихся ему, къ которому сводятся всѣ благопожеланія, всѣ надежды рядового киргиза... Все нынѣ пріобрѣло матеріальную, мѣновую цѣнность — и совѣсть бія[3]), и честь аксакала, и должностная печать управителя, и только въ пѣсняхъ можно еще найти блѣдные отклики

---

1) Сильный и противъ теченія плыветъ.
2) Мазаръ — надмогильное сооруженіе, мавзолей.
3) Киргизскій народный судья.

того чудеснаго прошлаго, когда въ степи царила аристократія духа, когда сказочные батыри совершали свои безкорыстные подвиги, когда и ханы, и народъ, чутко прислушивались къ правдивымъ совѣтамъ благочестивыхъ хаджей и вѣщихъ дуванны [1]), и всѣмъ жилось поэтому такъ легко и свободно...

И все это миновало, и никогда не вернется... „Ölгенъ кельмесъ, ошкенъ джанбасъ“ — гласитъ старая киргизская пословица [2])...

Долго ли продолжалось общее молчаніе — не помню... Нашъ костеръ медленно угасалъ, но никто, казалось, не обращалъ на это вниманія, хотя солнце давно уже скрылось за потемнѣвшія скалы и откуда-то потянуло острымъ, сырымъ холодкомъ...

И еще длилось молчаніе... Огонь въ кострѣ совсѣмъ потухъ — только уголья чадили, слабо потрескивая и постепенно обволакиваясь сизыми налетами... По неподвижной глади озера заклубились сѣрые дымки вечернихъ испареній... Съ востока, въ фіолетовомъ сумракѣ неба вставалъ надъ безмолвной равниной мѣсяцъ — огромный, плоскій, точно выкованный изъ красной мѣди щитъ...

---

[1]) Хаджи — паломникъ, посѣтившій Мекку; дуванны — юродивый.

[2]) Мертвое не воскреснетъ, потухшее не загорится.

НОЧЛЕГЪ НА КАРА-СУ.

Становилось уже совсѣмъ темно, когда мы подъѣзжали къ урочищу Кара-су, гдѣ намъ предстояло сегодня ночевать. Близъ этого урочища, точнѣе — озера, долженъ былъ, по увѣренію моего спутника, всезнающаго Нургужи Атабекова, находиться какой-то, ему одному извѣстный аулъ, который объ эту пору ежегодно будто бы прикочевываетъ сюда. По этому поводу, Нургужа однажды даже развилъ мнѣ цѣлую прехитрую теорію круговыхъ передвиженій киргизовъ по степи, и хотя, признаюсь, я не слишкомъ довѣрялъ ей вообще, но тѣмъ не менѣе...

— Киргизы здѣсь!.. Прикочевали... — неожиданно разрѣшилъ мои сомнѣнія Нургужа.

— Почемъ ты знаешъ?.. Ничего не видно...— попробовалъ было я ему вовразить, но онъ кратко отозвался:

— Дымомъ запахло.

Этакій нюхъ дъявольскій, подумалось мнѣ; что у добраго пойнтера!..

— А вотъ и собака залаяла,— спустя немного добавилъ Нургужа. — Неужто вы не слышите?..

Увы, несмотря на всѣ старанія, я ровно ничего не слышалъ — ни запаха дыма, ни собачьяго лая!..

Вскорѣ, однако, пришлось убѣдиться въ справедливости словъ моего спутника. Аулъ, дѣйствительно, оказался именно тамъ, гдѣ ему и надлежало быть... Вотъ онъ уже недалеко — на берегу озера, наполовину скрытый густой зарослью камышей и тальника... Видно, какъ свѣтятся и чадятъ, словно небольшіе вулканы, округлыя верхушки его юртъ, какъ движутся около нихъ какіе-то темные силуэты... Смутные, заглушенные разстояніемъ звуки доносятся оттуда... постепенно они растутъ, становятся все опредѣленнѣе, все яснѣе... Вотъ, слышно — заблеяли испуганныя овцы... Лошадь тревожно заржала, почуявъ, вѣроятно, приближеніе чужихъ... Раздался взрывъ звонкаго дѣвичьяго смѣха... Грубо прозвучала гортанная киргизская рѣчь... Вотъ уже явственно запахло конскимъ навозомъ, теплымъ бараньимъ саломъ и еще тѣмъ специфическимъ, пряным запахомъ, который такъ свойственъ киргизскому жилью и который навѣрное хорошо знакомъ всякому, кто хоть разъ побывалъ въ степи... Все ближе... ближе... еще минута — и мы въѣхали, наконецъ, въ черту аула!..

Нѣсколько дюжихъ собакъ злобно ринулось намъ навстрѣчу. Слѣдомъ — высыпали и киргизы и обступили насъ плотнымъ кольцомъ.

Мы остановились.

— Кымъ келеды?.. Кайданъ?.. Кымъ?.. [1])— раздавались въ темнотѣ полуопасливые, полулюбопытствующіе голоса...

— Солемъ элейкюмъ, солемъ элейкюмъ [2]), — успокоительнымъ тономъ отвѣчалъ Нургужа. — Не бойтесь, казаки, мы мирные путники, ѣдемъ издалека... Нѣтъ ли между вами Урмана Бардыбаева, или Доспая Амирова?..

— Іоппермай [3])!.. Да вѣдь это говоритъ Нургужа Атабековъ изъ Торгая, — радостно заголосилъ вдругъ кто-то изъ киргизовъ. — Ну да — онъ!.. Аманъ-ба [4])? Какъ ты сюда попалъ?.. Кто это съ тобою?..

— Это ѣдетъ тюре одинъ, изъ Петербурга... Вмѣстѣ ѣздимъ — не безъ важности пояснилъ Нургужа послѣ взаимныхъ привѣтствій; — а гдѣ твоя юрта, Доспай? Мы у тебя хотимъ остановиться..

— Милости прошу, милости прошу, — повторялъ тотъ, мягко тиская обѣими своими пухлыми и теплыми ладонями мою руку; — поѣзжайте за мною... тутъ рядомъ, совсѣмъ близко... Пошелъ вонъ, проклятый!.. — пнулъ онъ ногой какого-то особенно настойчиваго пса...

---

[1]) Кто ѣдетъ?.. Откуда?.. Кто?..
[2]) Киргизское привѣтствіе.
[3]) Киргизское восклицаніе, непереводимое на русскій языкъ.
[4]) Здоровъ ли?..

Нашъ хозяинъ, Доспай Амировъ, принадлежалъ, видимо, къ очень зажиточнымъ киргизамъ. Его просторная, высокая юрта была чисто прибрана и на рѣдкость нарядно, домовито обставлена. Тѣмносѣрая мягкая кошма устилала полъ, все кереге [1]) кругомъ было сплошь завѣшано разшитыми ковриками и покрывалами, поверхъ которыхъ, опоясывая внутренность юрты, пестрѣлъ широкій узорчатый баскуръ [2]), а поддерживавшіе крышу стропилауки, равно какъ и самый чонгаракъ [3]), были ярко размалеваны красной и зеленой краской. Своеобразное убранство помѣщенія довершалось многочисленными уй-бау, перевязями изъ цвѣтной тесьмы, концы которыхъ, украшенные вычурными кистями съ металлическими бляшками, живописно спускались въ разныхъ мѣстахъ съ куполообразнаго потолка. Прямо противъ входа, у стѣны, стояло нѣсколько кованныхъ сундуковъ, покрытыхъ цѣлой горой аккуратно сложенныхъ одѣялъ и подушекъ; направо отъ нихъ помѣщалась деревянная крашенная кровать (тюсекъ-орукъ) — единственная мебель въ жильѣ — съ такой же кучей подушекъ; тутъ же рядомъ, только еще правѣе и, слѣдовательно, ближе къ двери, были сложены всевозможныя хозяйственныя принадлежности:

---

[1]) Деревянная рѣшетка, замѣняющая въ юртѣ стѣны. [2]) Узкая, тканая полоса, скрѣпляющая стѣны и крышу юрты. [3]) Круглое отверстіе въ крышѣ юрты, для выхода дыма.

ларцы съ посудой, ящики съ провизіей (кебени), мѣшки изъ прокопченной кожи для кумыса (саба), конская сбруя, сѣдла, казаны, горшки, разный мелкій домашній скарбъ и въ томъ числѣ небольшой пузатый самоварчикъ — вѣроятная гордость всего аула. Лѣвая сторона юрты была зато почти пуста. Отъ остального помѣщенія она почему-то отдѣлялась наполовину затернутымъ ситцевымъ пологомъ, изъ-за котораго одиноко выглядывалъ довольно скромныхъ размѣровъ сундучокъ; рядомъ съ нимъ лежалъ ворохъ какого-то сомнительнаго тряпья, а на стѣнѣ висѣло немного носильнаго платья.

Таково было жилище нашего амфитріона, гдѣ намъ предстояло провести нынѣшнюю ночь...

Когда мы вошли въ юрту, все семейство Доспая находилось въ сборѣ: здѣсь была его жена и двое сыновей — молодые люди довольно ординарной внѣшности — со своими женами. Старшая — Альмагуль мнѣ не понравилась: скуластая, худая, безвременно поблекшая, она скорѣе напоминала какую-то астраханскую калмычку, нежели киргизку, за то ея свояченница — Майя — была обворожительна. Стройная смуглянка, съ живымъ взглядомъ лучистыхъ черныхъ глазъ и шаловливой полудѣтской улыбкой, открывавшей чудесные зубы, она хлопотала за всѣхъ, носилась по юртѣ, какъ мотылекъ, и щебетала, что птичка!..

— Сейчасъ мы поужинаемъ, тюре, бишбармакъ [1]) сейчасъ будетъ готовъ... — суетился тучный Доспай, устраивая мнѣ, при помощи жены, почетное мѣсто противъ очага, на узорчатомъ сырмакѣ [2]); — я вѣдь знаю, что значитъ путешествовать — и холодно, и голодно!.. Не такъ ли, Нургужа? Вотъ только подождемъ нашего ахуна [3]) — онъ обѣщалъ быть сегодня на аузъ-ашъ [4])... Вѣдь у насъ ураза [5]) теперь — днемъ постимся, по ночамъ кушаемъ...

— А правда ли, спросилъ я, — что въ посту вамъ разрѣшается ѣсть только съ того времени, когда нельзя различить красной нитки отъ черной?

— Правда, тюре, правда... Таково святое велѣніе пророка, да будетъ любезенъ къ нему Аллахъ...

— И вы этому слѣдуете?

— Не всегда, конечно, — съ виноватой улыбкой отозвался Доспай; — но стараемся... Впрочемъ, послѣдніе года стали больше за этимъ слѣдитъ — строгій у насъ теперь ахунъ!.. такой строгій!.. За всѣмъ наблюдаетъ, все велитъ точно исполнять, какъ въ писаніи указано...

---

[1]) Варенная баранина съ тѣстомъ: обычное праздничное угощеніе у Торгайскихъ киргизовъ.

[2]) Особый узорчатый коврикъ, застилаемый почетнымъ гостямъ.

[3]) Священнослужитель.

[4]) Разговеніе.

[5]) Мусульманскій постъ передъ праздникомъ Рамазана.

Въ это время чіевая [1]) цыновка, закрывавшая дверь-есыкъ, раздвинулась и въ юрту вошелъ пожилой киргизъ, высокій и дебелый, съблагообразнымъ, почти европейскаго типа лицомъ, оброс-шимъ небольшой, сѣдѣющей бородкой. Его зеленовато-каріе глаза смотрѣли увѣренно и серьезно; на выхоленныхъ рукахъ блестѣли перстни; одѣтъ онъ былъ въ нарядный халатъ изъ полосатаго лиловаго

Ахунъ.

---

[1]) Особое степное растеніе, похожее на очень тонкій камышъ.

бикабаса [1]), на головѣ красовалась бѣлоснѣжная чалма... Оказалось, это и былъ пресловутый ахунъ.

— Въ родѣ, какъ бы у васъ попа, — пояснилъ мнѣ шопотомъ Нургужа, почему-то по-русски.

Ахунъ, съ чисто восточной граціей, величаво и медлительно поздоровался со всѣми и, молча, опустился на коверъ рядомъ со мною. Тотчасъ же женщины внесли громадный казанъ съ бишбармакомъ — вареная баранина съ мелконакрошеннымъ тѣстомъ, обычное праздничное угощеніе торгайскихъ киргизовъ — выложили содержимое на плоское деревянное блюдо и поставили передъ нами. Ахунъ прочелъ молитву, а хозяинъ, совершивъ омовеніе и засучивъ рукава рубахи, бережно извлекъ изъ груды мяса баранью голову и съ любезнымъ поклономъ протянулъ ее мнѣ.

Я, было, сталъ отказываться, заявивъ, что по праву первый кусокъ долженъ принадлежать ахуну, какъ наиболѣе почетному среди насъ лицу...

Но Доспай настаивалъ...

— Здѣсь я обыкновенный гость, — поддержалъ его и ахунъ; — а вы — путешественникъ, вы Божій гость... Не нарушайте же нашихъ обычаевъ...

Пришлось уступить... Оторвавъ у барана ухо, я возвратилъ голову хозяину, и дальше все пошло по ритуалу...

---

[1]) Полушелковая матерія, идущая преимущественно на халаты.

Изъ женщинъ, одна байбійча [1]) — старая жена Доспая принимала участіе въ общей трапезѣ: ея молодыя невѣстки только прислуживали намъ, тщательно убирали объѣдки и кости, наблюдали, чтобы чашки съ кумысомъ, которымъ мы запивали жирную ѣду, не оставались пустыми, подавали, кому требовалось, майлыкъ — полотенце для рукъ...

— Кушайте, кушайте больше, — настойчиво твердилъ Доспай, суя намъ въ руки все новые и новые куски мяса: — хорошій баранъ, вкусный баранъ!..

Но и такъ всѣ ѣли съ нескрываемымъ удовольствіемъ — особенно Нургужа!.. Не безъ зависти смотрѣлъ я, какъ ловко и чисто онъ обгладывалъ кости, какъ внимательно потомъ разглядывалъ каждую ихъ нихъ на огнѣ, въ надеждѣ отыскать тамъ еще частицы мяса!.. Не отставала отъ него и старая киргизка: своими пожелтѣвшими, но еще крѣпкими зубами она дѣйствовала поразительно успѣшно, и отрывалась отъ ѣды только затѣмъ, чтобы сдѣлать какое-нибудь распоряженіе по хозяйству, а благообразный ахунъ кушалъ съ такимъ торжественно-строгимъ видомъ — точно обрядъ совершалъ... Впрочемъ, такъ, вѣроятно, и подобало служителю Аллаха!.. Одинъ я, со своимъ плохимъ отъ природы аппетитомъ, ка-

[1]) Старшая жена.

жется, не совсѣмъ удовлетворялъ радушныхъ хозяевъ, но тоже дѣлалъ, что могъ: допивалъ, хотя и съ передышками, чашки кумыса до дна, не проливалъ его на полъ, не плевался, и даже нѣсколько разъ болѣе или менѣе чистосердечно икнулъ, за что удостоился благодарнаго взгляда отъ женщинъ...

— Да будетъ позволено мнѣ спросить, — неожиданно обратился ко мнѣ ахунъ, — откуда держитъ тюре путь и куда?

Я объяснилъ.

— Такъ, такъ... — произнесъ онъ въ отвѣтъ; Богъ да благословитъ ваше предпріятіе!.. Путешествовать и пріятно, и полезно, ибо на каждой нивѣ растутъ свои особые цвѣты, и блаженъ тотъ, кому дано находить и срывать ихъ..

— Вотъ только ужъ очень утомительное занятіе — путешествовать, — меланхолически отозвался нашъ хозяинъ. — Бывалъ и я въ Россіи... А, Кудаимъ ай[1])!.. Помню, какъ трудно по желѣзной дорогѣ долго ѣхать — душно, тѣсно!.. Въ степи — совсѣмъ другое дѣло!..

— Все это отъ непривычки, — наставительно возразилъ ему ахунъ. — Да хотя бы и тяжело было — а развѣ легче человѣку, если онъ всю жизнь проведетъ, ничего не видя кромѣ того, что рядомъ съ нимъ?.. Еще мудрый Саади (да

---

[1]) О, Боже мой!..

прольетъ Аллахъ милость свою надъ его прахомъ) сказалъ: лучше ходить босикомъ, чѣмъ имѣть тѣсные башмаки, лучше испытывать всѣ невзгоды странничества, нежели сидѣть на одномъ мѣстѣ... Увы, не всякій только способенъ понимать красоту этихъ согласованій!..

— А вамъ, отецъ, много приходилось путешествовать, — полюбопытствовалъ я.

— Какъ же, приходилось... приходилось, — скромно отвѣтилъ ахунъ; — въ Мекку два раза сходилъ, посѣтилъ Стамбулъ, Бухару, Семергендъ... Въ Москвѣ по дѣламъ бывалъ... Тоже и въ Уфу — къ муфтію нашему неоднократно ѣздилъ... Да и самъ-то я не здѣшній... Я вѣдь не киргизъ — татаринъ, казанскій татаринъ... Тамъ въ Казани и учился, и молодость провелъ...

— Скажите!.. и давно вы поселились здѣсь въ степи?

— Давно. Лѣтъ 40 будетъ... Вѣдь я совсѣмъ молодымъ попалъ сюда... Еще въ Казани, юношей, я часто думалъ о киргизахъ, уже тогда хотѣлось мнѣ непремѣнно переѣхать сюда, проповѣдывать слово Божіе... И милосердный Аллахъ преклонилъ свое ухо къ моимъ недостойнымъ молитвамъ — привелъ меня въ эти края, и вотъ — я обрѣлъ здѣсь вторую родину...

— И живется вамъ хорошо?.. Покойно?.. Не стремитесь обратно?..

— Нѣтъ!.. Привыкъ я — полюбилъ и степь, и киргизовъ. Они меня тоже полюбили, охотно слушаютъ, довѣрчиво идутъ ко мнѣ за совѣтомъ, за наставленіемъ, за разрѣшеніемъ разныхъ своихъ споровъ... Развѣ я не правъ, Доспай?.. Женился я на киргизкѣ; о дѣтяхъ и говорить нечего — совсѣмъ, какъ киргизы выросли... Я вполнѣ счастливъ...

— Впрочемъ, скажу вамъ правду... — продолжалъ, помолчавъ немного, ахунъ; — въ прежніе годы, я дѣйствительно просилъ Господа, чтобы онъ, милосердный, позволилъ мнѣ умереть не здѣсь... Чтобы далъ мнѣ передъ смертью время уѣхать отсюда въ Казань, ближе къ роднымъ мѣстамъ, къ роднымъ могиламъ — гдѣ погребены отецъ, мать, дѣды... Ну, а теперь — эти мысли отошли и не смущаютъ меня больше... Да сбудется воля Всевышняго — онъ лучше знаетъ, что человѣку нужно и чего не нужно...

Въ нѣмомъ изумленіи внималъ я словамъ моего собесѣдника... Вотъ, думалось мнѣ, какая судьба выпадаетъ иногда на долю человѣка — гдѣ онъ не побывалъ, чего не видѣлъ на своемъ вѣку, и все для того, чтобы въ одинъ прекрасный день попасть въ глухую степь, въ темную, невѣжественную киргизскую среду, и, потонувъ въ безвѣстности, самому окиргизиться!.. И что, собственно, толкало его на этотъ путь?.. Неужели одна юношеская жажда полуосмысленнаго подвига, одно таинственное призваніе свыше?..

Какая странная и въ то же время страшная сила!.. Куда же нашимъ миссіонерамъ бороться съ такими проповѣдниками — даже если допустить, что они движимы особо повелѣвающей мечтой, преисполнены чистѣйшаго вѣрованія въ святость своего назначенія — и тогда, развѣ могли бы они такъ прочно влиться въ кочевой бытъ, такъ насквозь проникнуться киргизскими интересами, понятіями, стремленіями?.. Конечно — никогда!..

Всѣ казались сосредоточенными и серьезными. Важныя рѣчи ахуна, видимо, подѣйствовали удручающе на всѣхъ — даже мой Нургужа какъ-то присмирѣлъ, а въ хорошенькихъ глазахъ Майи, младшей снохи Доспая, потухли милыя, живыя искорки...

За бишбармакомъ послѣдовалъ обычный чай, къ которому я досталъ изъ своего припаса сахару и англійскихъ галетъ — киргизы, въ общемъ, очень любятъ пшеничный хлѣбъ, но сами кажется, нигдѣ не умѣютъ его печь... Однако, несмотря на непредвидѣнное лакомство, окончаніе ужина все-таки прошло въ какомъ-то скучномъ, напряженномъ молчаніи... Наконецъ, ахунъ всталъ, степенно поблагодарилъ хозяевъ и послѣ краткой молитвы и омовенія удалился, пожавъ намъ всѣмъ на прощанье руки.

— Святой человѣкъ, поистинѣ святой человѣкъ, — благоговѣйно произнесъ Нургужа, когда ахунъ скрылся за дверью.

— Да святой... это правда; — подтвердилъ и нашъ хозяинъ. — Какъ онъ писаніе знаетъ, какія проповѣди говоритъ!.. Наши киргизы издалека съѣзжаются, чтобы его послушать!.. Только скоро, вѣроятно, уйдетъ онъ отъ насъ — муфтій что-то часто вызывать его сталъ, говорятъ, будто недоволенъ имъ...

— Чѣмъ же, собственно, муфтій недоволенъ, — вмѣшался я.

— Разное говорятъ — неохотно отвѣтилъ Доспай; — вообще слышно, будто начальство имъ недовольно... Что онъ здѣсь вродѣ бія [1]) сдѣлался у насъ — дѣла рѣшаетъ не по обычаямъ, а по шарагату [2])... Женщинамъ закрываться велитъ... Про падсу [3]) много разсказываетъ...

— Про какого падсу?..

— Извѣстно!.. про того, что въ Стамбулѣ — будто онъ законный, настоящій падса... Но я этому не вѣрю, — съ живостью добавилъ Доспай; — у насъ одинъ падса — царь Николай!.. Вѣдь я тоже въ Москвѣ былъ, на коронованіе ѣздилъ — депутатомъ!.. и медаль имѣю... Самаго царя видѣлъ, достарханъ [4]) во дворцѣ у него кушалъ... И въ Мекку я ходилъ, и на большой ярмаркѣ былъ!.. Я вѣдь тоже нежножко ученый — по-арабски читаю, Куранъ знаю... Вотъ только

---

[1]) Народный судья.
[2]) Писанный мусульманскій законъ.
[3]) Государь.
[4]) Угощеніе — завтракъ.

трудно очень по желѣзной дорогѣ ѣздить — охъ, трудно!..

— А ты бы Доспай — на верблюдѣ, къ падсѣ въ гости... — не выдержалъ Нургужа; — то-то удивилъ бы урусовъ [1]) — а то они тамъ, пожалуй, и верблюдовъ никогда не видали!..

— Ну, ты ужъ скажешь, — снисходительно улыбнулся Доспай; — гдѣ же на верблюдѣ доѣхать?.. Далеко вѣдь, да и кормить его тамъ нечѣмъ — ни джантака, ни баялыча [2])...

Всѣ разсмѣялись, и пуще всѣхъ рѣзвая Майя — она такъ и залилась!.. Комическій въѣздъ толстаго Доспая въ Москву на верблюдѣ сразу заставилъ забыть объ ахунѣ... Всѣ повеселѣли, заболтали... Въ юртѣ стало какъ-то и теплѣе, и свѣтлѣе, и уютнѣе... Я подсѣлъ къ старухѣ — женѣ Доспая, и попросилъ ее показать мнѣ кольца, которыми были унизаны пальцы ея рукъ — они давно уже интриговали меня... Кольца оказались, дѣйствительно прелюбопытными: причудливо скрученныя изъ тонкой серебряной проволоки, украшенныя частью филиграновыми подвѣсками изъ того же металла, частью бирюзовыми и сердоликовыми вставками — это были положительно маленькіе шедевры восточнаго искусства и вкуса!.. По словамъ киргизки, кольца эти дѣлалъ ей давно

---

[1]) Такъ киргизы зовутъ русскихъ.
[2]) Сорта степныхъ колючекъ, очень любимые верблюдами.

Киргизка въ саукале.

когда-то одинъ знаменитый зергеръ [1]) изъ Джаръ-Моллы [2]); теперь онъ умеръ и никто не умѣетъ уже работать такъ хорошо, какъ онъ!.. Заодно, она не преминула похвастаться и прочими своими драгоцѣнностями и вытащила изъ-подъ кровати ларецъ, доверху наполненный всевозможными женскими украшеніями... Тутъ были и кольца, и серьги, и браслеты, и ожерелья — преимущественно серебряные, но встрѣчались и издѣлія изъ золота, черепахи, даже изъ слоновой кости... Нѣкоторыя вещи были дивно хороши — прямо просились въ музей!.. Особенно, помню, поразили меня удивительныя жемчужныя серьги, вершковъ четырехъ длины, съ застежками изъ какихъ-то блѣдно-розо-

---

[1]) Золотыхъ дѣлъ мастеръ.
[2]) Киргизское названіе города Иргиза въ Торгайской области.

выхъ камней и массивными золотыми кистями на концахъ. Еще эффектнѣе былъ старинный головной уборъ — саукале, весь затканный серебряными блестками и ашеритами... Не устоялъ противъ соблазна и самъ Доспай и демонстрировалъ мнѣ свой наслѣдственный поясъ — темно-малиноваго бархата, съ нашитыми на немъ овальными чеканными бляхами изъ позолоченнаго серебра, очень тонкой, высоко-художественной работы... Замѣтивъ мое восхищеніе, Доспай спросилъ: „а у васъ, въ Россіи, умѣютъ дѣлать такіе пояса?..“ и гордое сомнѣніе азіата слышалось въ тонѣ его вопроса. Я отвѣтилъ, что едва ли...

— Такъ я и думалъ, — медленно произнесъ онъ, какъ бы про себя, принимая отъ меня обратно поясъ, а старая киргизка облегченно вздохнула...

О, милые, наивные люди!..

Въ свою очередь, я вынужденъ былъ показать имъ свое кольцо, китайское, пріобрѣтенное въ Манчжуріи; оно также переходило изъ рукъ въ руки и вызвало, очевидно, изъ чувства доброхозяйской любезности, всеобщія похвалы. Меня подробнѣйшимъ образомъ распрашивали откуда оно, кто его сдѣлалъ, сколько оно стоитъ и проч., удивлялись его красотѣ, его дешевизнѣ... Словомъ — всѣ были довольны!..

А тѣмъ временемъ, обѣ снохи Доспая завладѣли моимъ Нургужей и, усѣвшись около него,

усиленно перешептывались и пересмѣивались съ нимъ. По жестамъ и интонаціямъ ихъ голосовъ можно было догадаться, что женщины о чемъ-то упрашивали Нургужу, а тотъ упрямился, отрицательно трясъ головой и разводилъ руками. Конецъ недоразумѣніямъ положило вмѣшательство мужа Майи: несмотря на отчаянные протесты моего проводника, онъ быстро вышелъ изъ юрты, а минутъ черезъ пять вернулся, торжественно неся кобызъ — двухструнный инструментъ, родъ маленькой віолончели — который и вручилъ сконфуженному Нургужѣ, при звонкомъ смѣхѣ молодыхъ киргизокъ...

— Вотъ это отлично, — обрадовался и Доспай; — пусть споетъ онъ намъ что-нибудь — вѣдь онъ мастеръ пѣсни пѣть!.. большой мастеръ!.. Тюре слышалъ наши казацкія пѣсни?..

Нургужа, съ неувѣренной улыбкой на губахъ, посматривалъ на меня, какъ бы ища защиты, но, увы — сочувствія не встрѣтилъ и, потупившись, принялся настраивать свой кобызъ.

— Спой намъ про Баянъ-сулу, Нургужа, — приставала къ нему Майя; — или, еще лучше — про Сауръ!.. Ты вѣдь знаешь пѣсню про Сауръ?..

— Такъ, такъ, про Сауръ, — одобрилъ ея выборъ, Доспай; — хорошій это уленгъ!.. старый уленгъ[1])!.

---

[1]) Пѣсня.

Вдругъ слабый, дребезжащій, словно издалека идущій звукъ жалобно и тягуче прорѣзалъ воздухъ, и всѣ мгновенно затихли и насторожились... За первымъ звукомъ послѣдовалъ второй — уже болѣе опредѣленный и полный, его неожиданно смѣнила какая-то мудреная фіоритура, которая столь же неожиданно и оборвалась... А тамъ опять откуда-то потянулась тонкая, плачущая нота... другая... третья... снова повторилась прежняя фіоритура — и, чуть слышно, раздались вступительныя слова пѣсни...

Сауурда котерилеръ рахметъ тууы...
Корунеръ кокъ жузинде казъ бенъ кууы,
Коктенъ жамгыръ таулярданъ суларъ жю-
[рюпъ,
Жайларъ жеръ жюзине кардынъ сууы...
Ушпакшанъ быръ саууласы жерге тюсюпъ,
Остереръ жерденъ шопты нурдынъ бууы! [1])

. . . . . .
. . . . . .

Такъ пѣлъ Нургужа, и печальные звуки его кобыза, чередуясь съ вычурными фіоритурами, то рѣзко и нежданно обрывались, то, захваченные

---

[1]) Знамя благодати проносится въ Саурѣ (весенній мѣсяцъ), видно, какъ по небу летятъ гуси и лебеди. Съ неба льетъ дождь, а съ горъ — вешнія воды; снѣговые потоки разливаются по лицу земли, райскій свѣтъ нисходитъ на нее, и отъ благодатныхъ теплыхъ паровъ произрастаютъ травы...

своеобразной мелодіей, затѣйливо сопровождали ее и, какъ змѣи, переплетались между собою въ странныя, незнакомыя многозвучія... И, повинуясь чарамъ пѣсни, вставали одна за другой картины привольной, безграничной степи въ ликующемъ блескѣ волшебной весны, въ благоухающемъ уборѣ цвѣтовъ и травъ. Вотъ, въ вышинѣ лазурнаго неба сверкаетъ ласковое весеннее солнце, плывутъ пышныя бѣлыя облака, и, время отъ времени, гремитъ громъ, и чудодѣйственный дождь съ шумомъ низвергается на измученную, жаждущую землю... Вотъ уже вскрылись застывшія въ теченіе долгой зимы озера, горизонтъ началъ оживляться обманчивыми миражами, которые зовутъ и манятъ къ себѣ людей и животныхъ, а пестрые цвѣты, подобные глазамъ ребенка, пробудившагося отъ сна, прихотливо разсыпаются по зеленѣющему степному простору. Какое тепло! Какая благодать!.. И создатель всѣхъ этихъ дивныхъ вещей — всесильный Богъ!.. Вереницами пролетаютъ на сѣверъ пернатые гости, звонко перекликаются въ небѣ журавли и гуси, заливаются неугомонные жаворонки, задорно стучатъ перепела... Не отстаютъ отъ птицъ и четвероногія, и также, каждое по своему, радуются пробужденію земля и славятъ милосерднаго жизнедавца... Страстно ржутъ застоявшіяся лошади, мычатъ отощавшія за зиму коровы, рѣзвятся овцы и козы — даже степен-

Пѣсня Нургужи про Сауръ.

ный въ обычную пору верблюдъ, и тотъ разбрыкался и дикими воплями призываетъ свою подругу... И люди наслаждаются зрѣлищемъ оживающей природы!.. Счастливые, взволнованные, они точно не въ состояніи досыта налюбоваться на окружающее, досыта надышаться живительнымъ, опьяняющимъ воздухомъ, и въ избыткѣ чувствъ поютъ, и смѣются, и возносятъ хвалы сотворившему ихъ, дозволившему имъ дожить до радостнаго дня, несущаго съ собою даже для стариковъ и довольство, и новыя силы, и исцѣленіе отъ болѣзней... А какой восторгъ испытываютъ малыя дѣти, когда они оставляютъ, наконецъ, душныя зимовки и, радостныя, рѣзвятся и кувыркаются на мягкой душистой травѣ!.. А сколько влюбленныхъ въ эти весеннія ночи обнимаются и цѣлуются со вздохами благодарности и услады!.. Съ какой нѣжной преданностью глядитъ невѣста вслѣдъ уходящему изъ ея юрты подъ утро жениху: „о милая, шепчетъ онъ ей, прощаясь; плесни водой передъ порогомъ, чтобы отецъ твой, если погонится за мною, подскользнулся и упалъ“...

. . . . . .

. . . . . .

Такъ пѣлъ Нургужа... Склонившись надъ неуклюжимъ инструментомъ, онъ — то бережно, то съ грубой силой, водилъ смычкомъ по его струнамъ и голосъ его, по мѣрѣ того,

какъ развивалась пѣсня, то замиралъ почти до шопота, то, казалось, плакалъ отъ прилива блаженства, то, наконецъ, въ какомъ-то первобытномъ экстазѣ, гремѣлъ, подобно трубѣ...

Признаюсь, я никакъ не ожидалъ, чтобы у киргизовъ могли существовать подобныя поэтическія произведенія; вся пѣсня была запечатлѣна такой неподдѣльной искренностью, отъ нея вѣяло такимъ свѣжимъ, правдивымъ вдохновеніемъ, что я невольно сталъ опасаться, какъ бы Доспай пе спросилъ меня: „а у васъ, въ Россіи, умѣютъ сочинять такія пѣсни?“... Ибо на этотъ разъ, уже вполнѣ чистосердечно, пришлось бы отвѣтить отрицательно...

Но Доспаю было не до меня!.. Съ поникшей головой, съ прижатыми къ груди руками, неподвижно сидѣлъ онъ напротивъ Нургужи; скорбная складка залегла на его крутомъ, загорѣломъ лбу, а губы беззвучно шевелились, повторяя про себя отдѣльныя слова пѣсни, про далекую весну, про невозвратно исчезнувшую молодость... Заслушалась пѣсни и его старая байбійча. Нѣжно прильнувши къ плечу мужа, устремивъ свои темные, выразительные глаза куда-то въ пространство, она покорно отдавалась во власть настроенія... О чемъ она думала?.. Какія чувства пробуждались въ ея бѣдномъ, увядшемъ сердцѣ?.. Вѣдь было же,

вѣроятно, и у нея время, когда, юная и пылкая, она любила и была любима, когда дурманящая весна упрямо навѣвала мечты о счастьи и волновала ея и безъ того горячую кровь?.. Можетъ-быть въ эти мгновенія ей представлялся сидящій рядомъ съ нею Доспай, ея вѣрный, старый Доспай, только помолодѣвшимъ— статнымъ и смѣлымъ наѣздникомъ, какимъ онъ былъ когда-то, и ей слышался его влюбленный шопотъ, вспоминались первыя тайныя встрѣчи съ нимъ, первые трепетныя ласки и поцѣлуи въ ночной тишинѣ необъятной степи... А можетъ-быть, о комъ-нибудь другомъ замечталась теперь старая киргизка?..

Но всего трогательнѣе выразился душевный переполохъ у хорошенькой Майи. Съ поблѣднѣвшимъ личикомъ, неподвижная и нѣмая, она своими широко раскрытыми, словно удивленными очами такъ и уставилась въ ротъ Нургужи, съ явнымъ намѣреніемъ не проронить ни единаго слова, ни единаго звука!.. Для вѣрности, она даже дыханіе затаила — но подъ конецъ не выдержала, бѣдняжка... Совсѣмъ по-дѣтски расплакалась и убѣжала изъ юрты!.. Зато, другая сноха Доспая, калмыкообразная Альмагуль, казалось, относилась къ пѣнію совершенно равнодушно; на ея невозмутимомъ, желтомъ лицѣ буддійскаго идола не проявилось ни волненія, ни даже особаго вниманія... Только поступокъ Майи вывелъ ее,

какъ-будто, изъ равновѣсія и она съ недоумѣвающей улыбкой, вопросительно взглянула на своего супруга...

Впрочемъ, за исключеніемъ Альмагуль, всѣмъ остальнымъ пѣніе Нургужи, видимо, разбередило-таки нервы изрядно — Доспай усиленно сопѣлъ, его жена недовольно хмурилась, у возвратившейся Майи глаза припухли отъ слезъ... Общій разговоръ не налаживался — всякому словно было не по себѣ, хотѣлось уйти въ свою скорлупу, побыть наединѣ съ самимъ собою... Дѣйствительно, тема пѣсни была слишкомъ общечеловѣчна, черезчуръ остро задѣвала чувство каждаго, особенно тѣхъ, чей возрастъ или положеніе позволяли, увы, только мечтать о минувшихъ мгновеньяхъ свободы, любви и счастья. И нѣсколько удрученные, молчаливые, мы стали собираться спать...

Старуха хозяйка забралась на кровать; Альмагуль съ мужемъ ушли — у нихъ имѣлась уже собственная юрта — а Майя со своимъ благовѣрнымъ пріютилась за пологомъ, которымъ было передѣлено наше жилье и назначеніе, котораго разъяснилось для меня только теперь: оказалось, что впредь до выдѣла, этотъ уголъ былъ отведенъ Доспаемъ въ распоряженіе молодой четы. Наконецъ, мы трое — Нургужа, Доспай и я — улеглись противъ очага, на полу, гдѣ женщины предварительно устроили намъ

очень удобное и мягкое ложе изъ стеганыхъ одѣялъ и подушекъ... Затушили огонь, задернули отдушину чонгарака, но долго еще лежалъ я, устремивъ глаза въ темноту, и не могъ уснуть — вспоминались отдѣльныя мѣста пѣсни, отдѣльныя ея фразы, даже интонаціи, которыя придавалъ имъ Нургужа, и все грустнѣе становилось на душѣ. Доспаю, должно быть, тоже не спалось — онъ тяжело ворочался съ боку на бокъ, шепталъ что-то себѣ подъ носъ и вздыхалъ. Изъ-за полога время отъ времени доносились заглушенныя всхлипыванія Майи... Наконецъ, однако, я все-таки заснулъ — притомъ какъ-то сразу, неожиданно для самого себя...

. . . . . .

. . . . . .

Проснулся я рано, на зарѣ, когда въ юртѣ всѣ еще спали, и, наскоро одѣвшись, вышелъ на воздухъ... Солнце только-что взошло; по глади озера клубился молочно-бѣлый туманъ и табунки дикихъ утокъ носились надъ нимъ въ разныхъ направленіяхъ; растрепанные киргизята съ крикомъ и визгомъ бѣгали по росистой травѣ, сбивая барановъ въ стадо... мычали коровы... гдѣ-то, на концѣ аула, неистово лаяли собаки... Но кто меня удивилъ — это Майя!.. Оказалось, она успѣла встать еще раньше моего и теперь, сидя на корточкахъ возлѣ печурки, устроенной снаружи юрты, ста-

вила самоваръ. Свѣжая, какъ огурчикъ, съ разрумянившимся на утреннемъ холодкѣ лицомъ и яснымъ взглядомъ молодой дикарки, она весело улыбнулась при видѣ меня и совсѣмъ по-пріятельски протянула мнѣ свою маленькую, смуглую ручку, которую я, признаюсь, пожалъ не безъ удовольствія... Мы стали болтать — не помню уже о чемъ...

— А почему ты вчера расплакалась? — не удержался я среди разговора.

— Не знаю!.. жалко стало... — нехотя отвѣтила Майя и сразу потупилась и какъ-то завяла. Я ужъ не радъ былъ своему любопытству — мнѣ показалось, что у нея опять блеснули на глазахъ слезы...

— Полно!.. полно же, перестань!.. — пытался я успокоить ее и, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, не находилъ словъ утѣшенія... Но вдругъ неожиданное зрѣлище отвлекло мое вниманіе...

Къ сосѣдней юртѣ подъѣхало верхами нѣсколько молодыхъ, нарядно одѣтыхъ киргизокъ. На ихъ зовъ вышли изъ юрты еще двѣ дѣвушки и куда-то убѣжали, а вскорѣ появились снова, ведя въ поводу лошадей, которыхъ тотчасъ же принялись сѣдлать... Вся компанія о чемъ-то дружно лопотала между собою, смѣялась, шумѣла...

— Куда это онѣ ѣдутъ, — спросилъ я Майю...

— Въ гости должно быть, — съ затаенной жалобой въ голосѣ, отвѣтила она; — у насъ это часто!.. Прежде и я такъ ѣздила...

Я всталъ и подошелъ къ всадницамъ.

— Куда вы собрались такъ рано, — обратился я къ одной изъ нихъ, довольно красивой дѣвушкѣ въ бархатномъ малиновомъ халатѣ и мѣховой шапочкѣ съ пучкомъ совиныхъ перьевъ на тульѣ.

— А ты кто такой, — бойко возразила она вмѣсто отвѣта, но другая ея подруга пояснила... „Тюре пріѣхалъ вчера ночью, и съ нимъ еще какой-то тамыръ[1]) дѣдушки Доспая... У него они и ужинали и ночевали... Изъ Торгая, говорятъ, пріѣхали“...

— Когда ты все успѣла узнать, — разсмѣялся я.

— Я все знаю, — самоувѣренно кинула въ отвѣтъ киргизка, тряхнувъ головой, и тоже разсмѣялась.

Оказалось, Майя была права; дѣвушки дѣйствительно собрались въ гости въ сосѣдній аулъ; тамъ сегодня вечеромъ предстоитъ большой праздникъ, приглашены даже какіе-то музыканты и улянгчи[2])... Будетъ весело...

— Поѣдемъ съ нами, — предложила моя собесѣдница...— Не хочешь?.. Ну, такъ... Ай-да!..—

---

[1]) Пріятель.

[2]) Киргизскіе народные пѣвцы.

неожиданно звонко крикнула она и ударила свою лошадь плеткой... И пестрая кавалькада тронулась въ путь, но долго еще были слышны оживленные разговоры и хохотъ постепенно удалявшихся степныхъ амазонокъ.

СТЕПНЫЕ ПРИЗРАКИ.

Ночь застала насъ въ пути. Подъ вечеръ, я имѣлъ неосторожность увлечься безуспѣшной погоней за сайгаками [1]) — вотъ почему мы и запоздали, и теперь плелись глухой, печальной степью, усталые и молчаливые.

До колодцевъ „Сасыкъ-оба“, гдѣ намъ предстояло сегодня ночевать, мой проводникъ Нургужа насчитывалъ чакрымовъ [2]) 5, или даже 6 — ближе, по его словамъ, негдѣ было разсчитывать найти воду, а безъ воды, какъ извѣстно, никакой ночлегъ въ степи немыслимъ. Къ нашему благополучію, погода стояла тихая, почти теплая — только временами набѣгали откуда-то струйки остраго холодка, предвѣстника близкой осени, и тогда, прохваченные зябкою дрожью, мы плотнѣй запахивали на себѣ азямы... Но порывъ вѣтра праносился мимо, и опять становилось тепло и тихо... Все небо казалось подернутымъ однообразной дымкой тумана, звѣздъ совсѣмъ не было видно сквозь его

---

[1]) Степная антилопа (Antilope saiga).

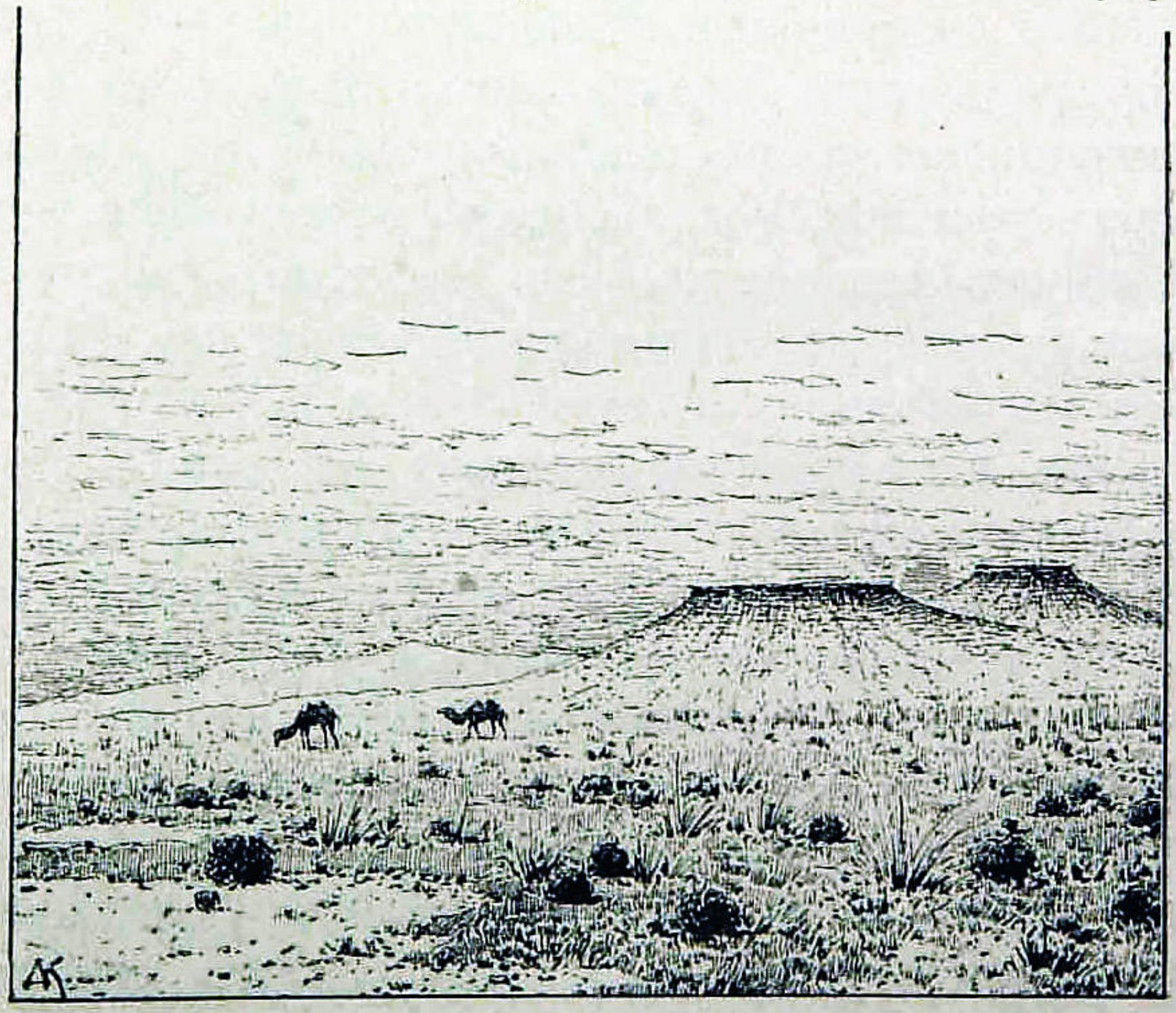
[2]) Киргизская мѣра разстоянія — около версты.

сѣдую мглу, одинъ мѣсяцъ просвѣчивалъ мутнымъ, бѣлесоватымъ пятномъ и обманчиво серебрилъ безотрадную, пепельно-сѣрую равнину, еле всхолмленную плоскими увалами, которые извилисто протянулись въ разныхъ направленіяхъ, повидимому, безъ всякаго плана, безъ системы... Понуривъ голову, медленно брели наши лошади по жесткому, выгорѣвшему солончаку, и только изрѣдка, словно чуя что-то недоброе, внезапно пріостанавливались на мгновенье, и, нервно насторожившись, опасливо обнюхивали воздухъ и пряли ушами. И каждый разъ ихъ волненье невольно сообщалось мнѣ, но тщетно всматривался я въ тусклый просторъ степи, стараясь уяснить себѣ причину ихъ загадочной тревоги — тамъ все было неизмѣнно тихо и пусто... А успокоенныя тѣмъ временемъ лошади уже шли дальше, прежнимъ лѣнивымъ ходомъ, равнодушныя и покорныя, и всколыхнувшееся сознаніе нечувствительно погружалось снова въ сонливую, нездоровую истому.

Тоскливые часы!..

Самая степь казалась мнѣ въ эту ночь почему-то особенно унылой и мрачной. Все живое словно вымерло въ ней. Противъ обыкновенія, мы ни разу не слышали сегодня визгливаго лая назойливыхъ шакаловъ, столь многочисленныхъ въ этой мѣстности, ни разу не пришлось намъ сгонять ни ночныхъ птицъ,

ни даже вороватыхъ тышканчиковъ, этихъ неотвязныхъ попутчиковъ въ степи, которые еще наканунѣ такъ часто пугали и вмѣстѣ съ тѣмъ развлекали насъ своими легкими, воздушными прыжками... И растительности, какъ-будто, было сегодня также меньше обычнаго: ни единаго деревца, ни единаго кустика не встрѣтили мы на пути; можетъ-быть, впрочемъ, ничего путнаго и неспособна была производить здѣшняя скупая, дресвяная почва, насквозь изъѣденная горькими, ядовитыми солями... Только кое-гдѣ, по склонамъ ближайшихъ холмовъ, можно было различить какія-то безфор-

Въ степи.

менныя темныя пятна — то были чахлыя заросли низкорослаго джусана (особый видъ мѣстной полыни) и когда пробѣгалъ по ней вѣтеръ, эта несчастная, изсушенная лѣтнимъ зноемъ трава шуршала такъ глухо, такъ безнадежно-жалобно, что сердце мучительно сжималось.

И въ этихъ невнятныхъ, сухихъ шорохахъ, въ неровныхъ колебаніяхъ луннаго свѣта, даже въ своеобразномъ расположеніи увваловъ, прихотливо разбѣжавшихся по степному простору — во всемъ чудилась близость чего-то смутно тревожнаго, удручающаго, почти зловѣщаго...

Это ощущеніе не было ново для меня. Уже не разъ оно томило мою душу, особенно ночами, во время продолжительныхъ переѣздовъ по степи, и я по опыту зналъ, что бороться съ нимъ безполезно, что, въ концѣ концовъ, оно неизмѣнно завладѣетъ всѣмъ моимъ существомъ, всѣми моими чувствами и помыслами... И отъ этого жуткаго ожиданія на сердцѣ становилось еще тоскливѣе, еще угнетеннѣе!.. Было похоже на то, какъ иногда заболѣваютъ зубы, и неторопливая, ноющая боль, вначалѣ такая тупая, едва замѣтная, постепенно растетъ и въ глубь, и въ ширь, и неудержимо расползаясь по нервамъ, превращается подъ конецъ въ цѣлый вихрь страданій, въ дико клокочущій пожаръ, который заполоняетъ своимъ огнемъ весь организмъ человѣка, и тяжко спираетъ

дыханье и помрачаетъ разумъ, безъ того уже доведенный почти до отчаянія... Какой ужасъ заранѣе предвидѣть все это, и въ то же время напередъ сознавать свое безсиліе, свою безпомощность!.. О, Господи!.. Когда же мы доѣдемъ?..

Вдругъ наши лошади захрапѣли какъ-то особенно тревожно и, словно по командѣ повернувъ головы вправо, чутко насторожились. И на этотъ разъ я тотчасъ же понялъ, чего онѣ испугались, и самъ невольно вздрогнулъ и похолодѣлъ...

Въ невѣрномъ маревѣ луннаго свѣта, по скату увала, наискосокъ къ намъ, быстро бѣжалъ какой-то незнакомый, темный звѣрокъ. Слѣдомъ за нимъ, точно спѣша, выкатился изъза увала другой, потомъ третій, пятый... десятый — цѣлое стадо... Одни покрупнѣе, другіе помельче, всѣ одинаково круглые, должно быть пушистые...

— Что это?.. Навожденіе какое-то!..—мелькнуло у меня въ головѣ, и я инстинктивно провелъ рукой по глазамъ... Но нѣтъ — непонятное явленіе продолжалось.

Проворно и безшумно неслись невѣдомые звѣрки по направленію къ намъ, то ускоряя, то замедляя движеніе, и какъ-то странно подпрыгивая и раскачиваясь на ходу... Временами нѣкоторые изъ нихъ и вовсе пріостанавливались, будто припадали къ землѣ, а затѣмъ тот-

часъ же вскакивали и продолжали свой торопливый, прерывистый бѣгъ...

И въ этомъ массовомъ, молчаливомъ передвиженіи какихъ-то неизвѣстныхъ, но несомнѣнно однородныхъ живыхъ существъ, въ эту глухую пору ночи, среди мертваго простора степи, было нѣчно неизъяснимо страшное, почти кошмарное...

— Что это такое? Что это такое? — неотступно сверлила мозгъ однообразная мысль — я чувствовалъ, какъ конвульсивно замирало сердце, какъ холодный, липкій потъ выступалъ на лбу...

А загадочныя животныя неистощимымъ потокомъ все бѣжали и бѣжали къ намъ — скоро все видимое впереди пространство казалось заполненнымъ ими, а изъ-за гребня увала, не переставая, появлялись все новые и новые звѣрки, такіе же шаровидные, такіе же мохнатые, съ такими же, очевидно, привычками и повадками — и тоже бѣжали къ намъ, присѣдая и подпрыгивая...

Все ближе, ближе — вотъ они уже совсѣмъ близко... Лошадь моя не выдержала, наконецъ, дико заржала и шарахнулась назадъ — одинъ изъ звѣрковъ, словно крадучись, подкатился къ самымъ ея ногамъ, на мгновенье какъ бы прилегъ къ землѣ, и промчался дальше... Другой — прошмыгнулъ уже совѣмъ подъ нею... А слѣдомъ набѣгали еще и еще...

Въ какомъ-то полусознаніи, трясущимися руками я еле сдерживалъ свою обезумѣвшую лошадь, которая въ припадкѣ слѣпого ужаса безтолково билась и храпѣла... Я не зналъ,

Куянъ-джуны.

что думать, что дѣлать; мой разсудокъ, казалось мутился — еще немного, и я, вѣроятно, лишился бы чувствъ...

Но тутъ, совершенно неожиданно, загадка разъяснилась.

— Будь они прокляты, эти куянъ-джуны, — услышалъ я вдругъ голосъ Нургужи; — точно

живые бѣгаютъ по степи... Да стой же ты сайтанъ!.. Стой!.. — пытался онъ обуздать своего перепуганнаго маштака, который неистово визжалъ и лягался... Наша скромная вьючная лошадка тоже бѣсилась во всю...

— О чемъ это онъ говоритъ, — силился я собраться съ мыслями и сообразить; — о чемъ?.. какіе-то куянъ-джуны!.. Ахъ, да — куянъ-джуны...

И сразу все стало мнѣ понятнымъ.

Таинственныя существа, такъ напугавшія меня, были не что иное, какъ самые обыкновенные куянъ-джуны, родъ перекати-поля, въ изобиліи встрѣчающіеся мѣстами въ степи. Эта шаровидная колючка, носящая на киргизскомъ языкѣ такое образное названіе — въ дословномъ переводѣ „заячья шерсть“ — растетъ на тонкомъ, очень хрупкомъ стеблѣ, который къ осени отсыхаетъ, и тогда первый же вѣтеръ гонитъ и гонитъ ничѣмъ уже не прикрѣпленное къ землѣ круглое растеніе по степному приволью, гдѣ оно постепенно роняетъ свои, созрѣвшія къ этому времени сѣмена и такимъ способомъ плодится и множится...

— Какъ все это просто, и... глупо, съ невольнымъ разочарованіемъ думалось мнѣ; даже непростительно глупо!.. И неопредѣленное чувство досады на кого-то, или на что-то — не знаю — исподволь просачивалось въ мое сердце...

Кое-какъ удалось намъ успокоить лошадей; вѣроятно, онѣ и сами сообразили, наконецъ, что бродячая колючка не слишкомъ опасный врагъ, по крайней мѣрѣ, порывъ остраго перепуга у нихъ, видимо, миновалъ. И теперь я могъ уже съ чистымъ любопытствомъ слѣдить за своеобразнымъ, дѣйствительно точно живымъ потокомъ куянъ-джуновъ, которые все еще продолжали катиться вокругъ насъ по степи... Постепенно, однако, потокъ ихъ сталъ ослабѣвать. Все рѣже и рѣже появлялись они изъ-за увала, а главная ихъ масса, подгоняемая легкимъ вѣтромъ, успѣла уже скрыться въ полумракѣ ночи, гдѣ-то влѣво отъ насъ...

Наконецъ, всѣ они пробѣжали мимо, всѣ исчезли — въ полѣ зрѣнія остался только одинъ злополучный экземпляръ: должно быть зацѣпился за что-нибудь... И при свѣтѣ луны видно было какъ время отъ времени онъ безпомощно вздрагивалъ и трепеталъ, точно силясь оторваться и убѣжать вслѣдъ за своими болѣе счастливыми, свободными товарищами...

Бѣдный, покинутый скиталецъ!..

Мы тронулись въ дальнѣйшій путь...

. . . . . .

. . . . . .

Пресловутый колодезь „Сасыкъ-оба“, гдѣ мы расположились ночевать, оказался въ дѣйствительности прескверной лужей, съ очень ограниченнымъ запасомъ солоноватой воды, къ

тому же грязной и зловонной. Даже неунывающій Нургужа былъ, видимо, сконфуженъ и огорченъ...

— Да можетъ быть это вовсе не „Сасыкъ-оба“, — приставалъ я къ нему.

Но увы, это былъ именно онъ... Вотъ и старая верблюжья тропа, и завѣтный кустъ джиды, и могила на искусственномъ бугрѣ...

— И воняетъ, какъ всегда, — убѣжденно заключилъ Нургужа; — недаромъ киргизы такъ и прозвали это мѣсто [1]).

Приходилось мириться съ существующимъ положеніемъ вещей. Впрочемъ, на повѣрку оно оказалось не слишкомъ уже безнадежнымъ: воду, съ грѣхомъ пополамъ, все-таки можно было пить, наши лошади тоже не проявили къ ней особаго отвращенія, топлива нашлось болѣе, чѣмъ въ достаточномъ количествѣ — словомъ, съ главнѣйшими элементами ночлега обстояло относительно благополучно... Развъючили мы лошадей, разожгли костеръ, поставили походную палатку; когда же, спустя немного, мы проглотили по первой кружкѣ горячаго чаю, то стало и совсѣмъ хорошо... Много ли кочевому человѣку надо?..

А часа черезъ полтора, согрѣтые и сытые, мы уже мирно отходили ко сну, подложивъ подъ головы жесткіе куржумы [2]) — обычный

---

[1]) „Сасыкъ-оба“ по-киргизски значитъ „вонючій холмъ“.

[2]) Переметныя сумы, завьючиваемыя на лошадей.

въ степи суррогатъ подушекъ — и плотно укутавшись въ свои широкіе, изъ толстаго шекпека [1]) азямы [2]). Вскорѣ Нургужа захрапѣлъ, мнѣ же какъ-то все не удавалось уснуть какъ слѣдуетъ — эпизодъ съ куянъ-джунами разбередилъ-таки мои нервы, и время отъ времени я вздрагивалъ во снѣ и просыпался: то грезился по близости лай шакала, то представлялось, что лошади чего-то тревожатся... Убѣдившись въ ошибкѣ, я, правда, снова засыпалъ, вѣрнѣе — впадалъ въ какое-то забытье, томительное и безпокойное, но не проходило минуты, какъ я просыпался опять... Наконецъ, это занятіе мнѣ надоѣло. Я всталъ, засвѣтилъ дорожный фонарь и пошелъ къ лошадямъ, тщательно осмотрѣлъ ихъ, ощупалъ приколы... Все въ порядкѣ; затѣмъ, присѣвъ у остывшаго очага, закурилъ папироску.

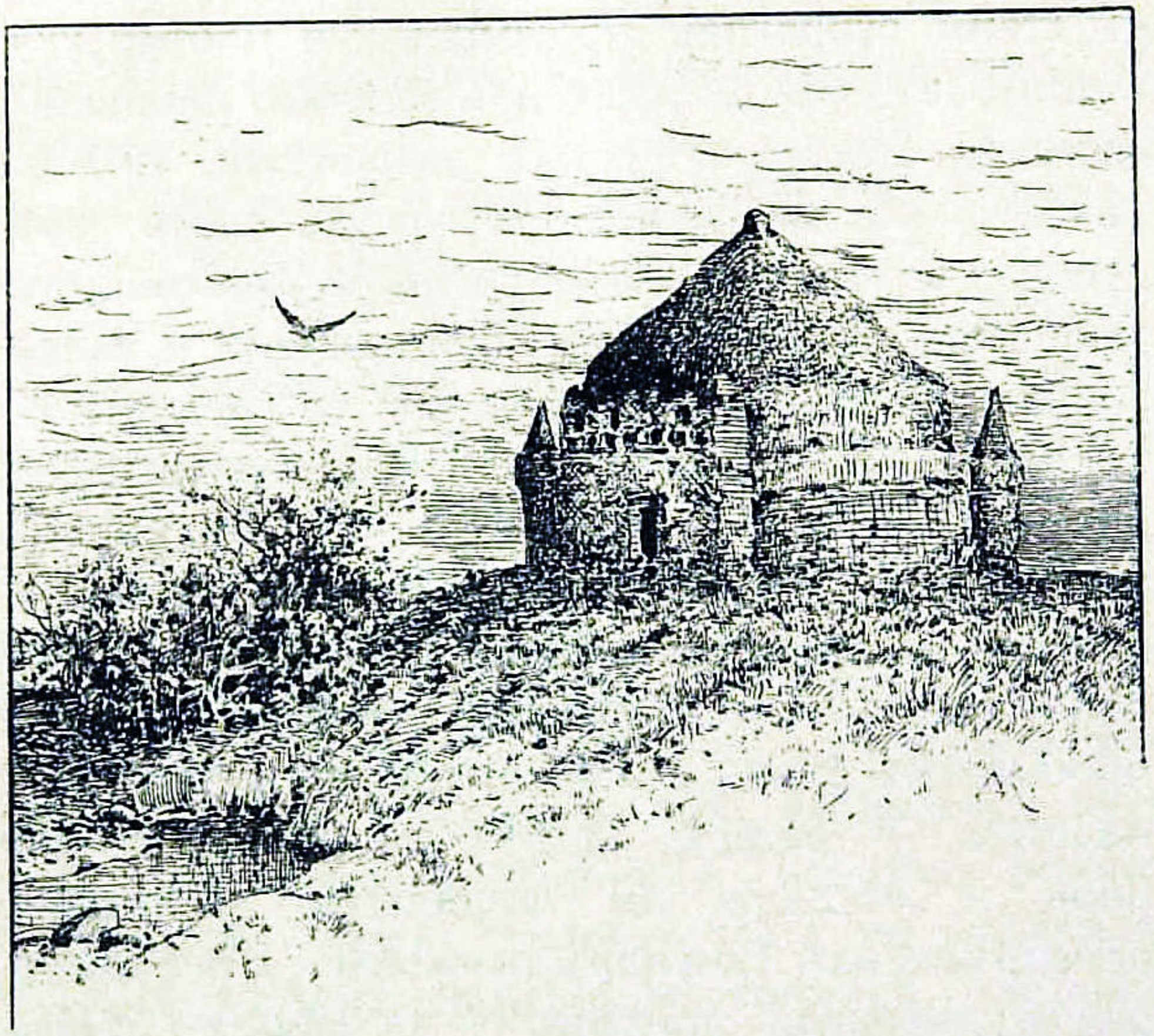
Долго ли просидѣлъ я такъ — не знаю, но временами, должно быть, мною и здѣсь овладѣвала дремота — по крайней мѣрѣ, здравыя мысли упорно чередовались съ явной неоколесицей, и нѣсколько разъ подъ рядъ необъяснимо тухла папироса...

А ночь, тихая августовская ночь была по-прежнему тепла и туманна — только темнѣе сдѣлалось... Мѣсяцъ давно уже спустился съ

---

[1]) Грубая киргизская ткань изъ овечьей или верблюжьей шерсти.

[2]) Родъ халата, очень употребительнаго въ степи.

Киргизская могила.

зенита, его красноватый дискъ висѣлъ теперь совсѣмъ низко надъ горизонтомъ, и тяжелый сумракъ окутывалъ раскинувшуюся вокругъ гладь. Невдалекѣ, одиноко чернѣлся на фонѣ мутнаго неба полуразрушенный могильникъ — мѣсто упокоенія какого-то киргизскага бога-тыря Кучукъ-бая — такъ, помнится, назвалъ мнѣ его всевѣдущій Нургужа. Суровой печалью прошлаго вѣяло отъ этого стараго, невѣдомо когда и кѣмъ воздвигнутаго надгробія: одинъ уголъ его совсѣмъ обвалился, шатровая крыша угрожающе осѣла на бокъ, и чуть замѣтный,

тусклый бликъ скупо золотилъ ея лѣвый, выпятившійся наружу край. И невозмутимое молчаніе царило кругомъ, вѣковое молчаніе пустыни, таинственной и необъятной — даже проводникъ мой пересталъ храпѣть, а уставшія лошади стояли такъ смирно, что не брякали позвонцы, привязанные къ ихъ шеямъ...

Поразительная тишина... жуткая...

Вдругъ, точно откуда-то очень издалека, едва уловимый для слуха, пронесся по степи какой-то звукъ, неясный и пискливый — и замеръ...

Я невольно встрепенулся — знакомое, только недавно испытанное чувство безотчетной тревоги внезапно завладѣло мною опять...

— Что-бы это могло быть, — подумалось мнѣ, — или я ослышался?..

Но нѣтъ — не прошло и нѣсколькихъ мгновеній, какъ тотъ же незнакомый, тягучій звукъ снова пронизалъ застывшій воздухъ, затѣмъ онъ опять повторился, еще и еще разъ, и словно жалобное колебаніе надорванной струны, словно чей-то скорбный, тоскующій плачъ, потекли навстрѣчу мнѣ изъ глубины пустыни, одинъ за однимъ, эти печальные, ноющіе звуки...

Разрозненные и смутные вначалѣ, они медленно росли и крѣпли — точно приближались, и по мѣрѣ ихъ кажущагося, или дѣйствительнаго приближенія становились все громче и отчетливѣе, и сливались въ какія-то неопре-

дѣленныя созвучія, въ какую-то неслыханно-дикую мелодію, если только можно было назвать мелодіей тотъ безсвязный хаосъ визгливыхъ воплей, скрежетовъ и стоновъ, который такъ неудержимо надвигался теперь на меня...

И поочередно—то недоумѣніе, то страхъ охватывали меня, и воображеніе безпомощно путалось въ противорѣчивыхъ разгадкахъ... Были мгновенія, когда въ приливѣ суевѣрнаго смятенія, мнѣ нестерпимо хотѣлось попросту крикнуть и убѣжать, но предательская спазма неотступно сжимала горло, и не хватало ни силъ, ни воли сдвинуться съ мѣста...

А загадочные звуки, тѣмъ временемъ, все продолжали приближаться и наростать, дѣлались все рѣзче, все зловѣщѣе; и безпорядочно переплетались между собою, и словно громоздились неуклюже другъ на друга обрывки какихъ-то глухихъ, прерывистыхъ клокотовъ и громыханій, и укоризненно-гнѣвные окрики, и чьи-то тяжкіе, скрипучіе вздохи, надрывавшіе душу своими безнадежными, рыдающими интонаціями — невозможно было слушать ихъ безъ содроганія!.. Положительно невозможно!.. Подавленный ужасомъ мучительнаго ожиданія, съ судорожно захолонувшимъ сердцемъ я, казалось, утрачивалъ уже сознаніе времени, мѣста... всего... и только, не отрываясь, упорно вперялъ глаза въ густую мглу степи, откуда неслись ко мнѣ эти безумные, непонятные го-

лоса... Но напрасно — тамъ ничего уже нельзя было разсмотрѣть... послѣдніе лучи мѣсяца погасли... О Боже!.. хотя бы уже кончалось все это — все равно какъ, лишь бы только скорѣе, скорѣе!..

Вдругъ одна изъ нашихъ лошадей безпокойно заржала, и было слышно, какъ она метнулась куда-то въ сторону, но внезапно остановилась, вѣроятно удержанная арканомъ... Слѣдомъ за нею и остальныя лошади стали храпѣть и метаться... И это неожиданное обстоятельство почему-то помогло мнѣ опомниться и немного овладѣть собою... Я вскочилъ на ноги и срывающимся, точно чужимъ голосомъ окликнулъ Нургужу...

Тотчасъ же онъ былъ возлѣ меня.

— Что это такое? — коротко обратился я къ нему, стараясь не выдавать своего волненія.

— Караванъ идетъ въ Ургёнйшъ, должно быть, — отвѣтилъ онъ, зѣвая. — Ну да... Слышите — арбы скрипятъ, верблюды кричатъ...

— Какъ караванъ?.. Въ какой Ургёнишъ?.. — недоумѣло и еще не вполнѣ увѣренно переспросилъ я.

— Ну — въ Хиву, по вашему, — добродушно согласился Нургужа; — тутъ вѣдь недалеко дорога проходитъ... Будь день, мы и самый караванъ увидали бы...

— А развѣ онъ не сюда идетъ, не къ намъ?..

— Нѣтъ, мимо... А лошади-то опять напугались, — добавилъ мой спутникъ озабоченнымъ тономъ — дайте-ка мнѣ вашъ фонарикъ — надо осмотрѣть приколы, а то сорвутся еще... И онъ торопливо исчезъ въ темнотѣ, а я остался одинъ, нѣсколько смущенный прозаической развязкой событія, и смѣшанное чувство какого-то обиднаго сожалѣнія овладѣвало мною по мѣрѣ того, какъ разсѣивалось, подобно легкому дыму, сказочное очарованіе только-что пережитаго...

— Вотъ и кончилось все, — думалось мнѣ; — и опять-таки какъ просто и глупо — еще глупѣе прежняго, пожалуй!.. И я не сталъ даже ожидать, пока затихнетъ шумливый гомонъ проходившаго мимо каравана — направился къ нашей палаткѣ, ощупью пролѣзъ въ нее, завернулся въ азямъ и почти мгновенно заснулъ... Я не слышалъ, какъ возвратился Нургужа...

НА КЛАДБИЩѢ.

Наступалъ октябрь, пасмурный, непривѣтливый октябрь... Тяжелыя, слоистыя облака сплошь заволокли небо, дулъ рѣзкій порывистый вѣтеръ, и временами принимался даже моросить дождикъ, что совсѣмъ уже не входило въ мои расчеты.

— Не огорчайтесь, тюре, — ободрялъ меня мой неунывающій спутникъ Нургужа; — завтра обязательно будетъ хорошая погода!.. Вотъ увидите, что будетъ хорошая погода!..

И дѣйствительно, къ вечеру стало какъ-будто проясняться. На западѣ, между горизонтомъ и темной пеленой облаковъ образовался узкій, золотисто-багряный прорывъ, вѣтеръ понемногу стихъ и, передъ самымъ закатомъ, солнце, словно нехотя, озарило своими похолодѣвшими лучами безплодную, выгорѣвшую степь...

— Что это — кстау [1])? — обратился я къ Нургужѣ, указывая на рядъ какихъ-то странныхъ построекъ, разсыпавшихся влѣво отъ насъ, вдоль берега осохшаго озера.

---

[1]) Зимнія жилища киргизовъ.

— Нѣтъ, это мазары[1])... киргизскіе мазары,— отвѣтилъ онъ;—здѣсь кладбище одного нашего рода, по имени Такчже... Славный, богатый родъ былъ когда-то — теперь почти весь вымеръ, а тѣ, кто остался въ живыхъ, поразбрелись кто куда... Вотъ и у насъ, въ Торгаѣ, двое живутъ... джетаки... въ работникахъ живутъ...

— Отчего же они такъ обѣднѣли?

— Неспокойные все люди были... Баранто-вали [2]) ихъ часто... Нѣкоторые на выбора безъ расчета тратились, другіе — слишкомъ щедро бѣднымъ помогали... Пропасть всякаго народа кормили-поили... А тутъ еще джуты [3]) подошли: сколько у нихъ въ тѣ годы скота пропало!.. Ну, и обнищали сами въ конецъ...

— Подъѣдемъ поближе къ могиламъ — мнѣ хочется ихъ посмотрѣть...

Нургужа замялся было.

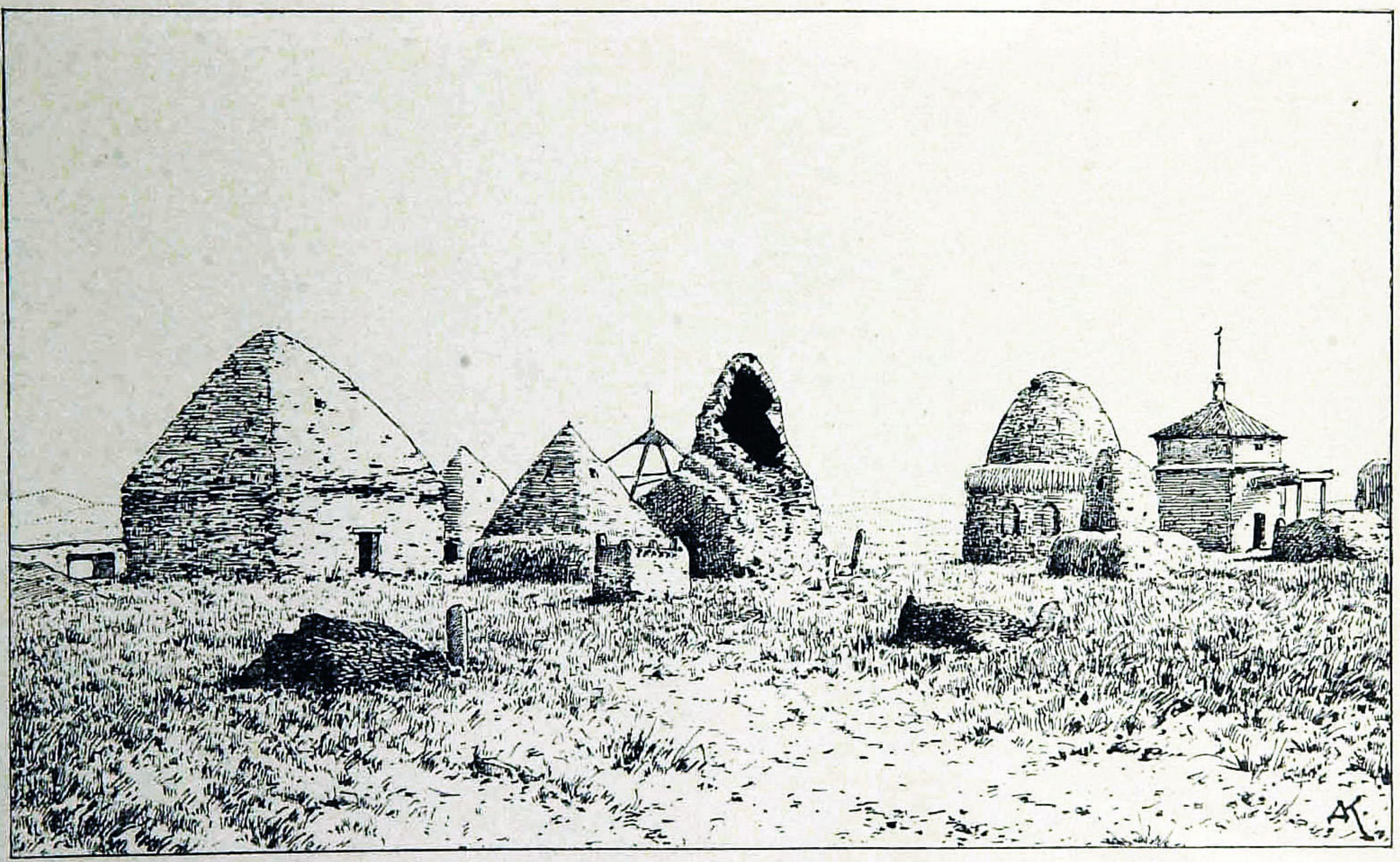
— Не слѣдовало бы этого дѣлать, — неувѣ-ренно произнесъ онъ. — Бѣда, если киргизы наши узнаютъ, что русскій побывалъ тамъ!.. Вѣдь это мѣсто считается у насъ очень запретнымъ, свя-тымъ... Да и страшное оно, право — страшное... Тамъ, разсказываютъ, бываетъ иногда по ночамъ такое!... Но ужъ если вы непремѣнно хотите —

---

[1]) Киргизскіе могильники.

[2]) Баранта — грабежъ скота, родъ киргизскаго самосуда.

[3]) Повальные падежи скота отъ безкормицы во время голо-леди, когда скотъ не въ состояніи добыть себѣ подножнаго корма.

Киргизское кладбище.

поѣдемъ, только, прошу васъ, тюре, не проговоритесь кому-нибудь, а то мнѣ...

Но я уже не слушалъ, и, круто завернувъ лошадь, поскакалъ впередъ...

Впервые видѣлъ я такое обширное киргизское кладбище... Тутъ скопилось десятка четыре, если не больше, могильниковъ, притомъ, самыхъ разнообразныхъ — словно нарочно изощрялись въ стиляхъ надгробныхъ построекъ! Были здѣсь и круглыя усыпальницы, въ родѣ небольшихъ зубчатыхъ крѣпостей, и сложенные, на подобіе русскихъ избъ, бревенчатые срубы, завершенные остроконечными шпилями, и обычныя въ степи, открытыя саманныя мулды съ башенками по угламъ, и мазары со сводчатыми, куполообразными крышами, и, наконецъ, простыя земляныя насыпи, огороженныя невысокимъ валомъ, съ врытыми передъ каждой каменными стелами. Многія изъ надгробій пострадали отъ времени... неумѣло выведенные своды мѣстами дали трещины, а иные совсѣмъ провалились... кое-гдѣ рухнули и самыя стѣны... нѣкоторые изъ срубовъ подгнили и грозили паденіемъ. Печальная мерзость обветшанія и запустѣнія царила на кладбищѣ. Можно было подумать, что оно заброшено уже лѣтъ сто назадъ, если не больше... Но на востокѣ все призрачно, все обманчиво, въ особенности возрастъ всякаго рода человѣческихъ сооруженій. Здѣсь, благодаря ли особенностямъ степного климата,

или по какой другой причинѣ — не знаю — только нерѣдко даже очень старыя постройки прямо поражаютъ своимъ относительно свѣжимъ, сохраннымъ видомъ, между тѣмъ какъ новѣйшія, наоборотъ, почему-то склонны сразу пріобрѣтать характеръ древности... Точно все подъ здѣшнимъ небомъ покрывается какой-то универсальной, вѣковой патиной, которая такъ удивительно все нивеллируетъ, но за то и сбиваетъ съ толку неопытнаго туриста. Такъ и тутъ — несомнѣнно, эти мавзолеи были сооружаемы въ разное время, можетъ быть, даже въ разныя столѣтія, но теперь всѣ они казались приблизительно одинаково старыми, обветшалыми...

Впрочемъ, это обстоятельство, конечно, ничуть не ослабляло впечатлѣнія... Даже напротивъ...

Сойдя съ лошади и оставивъ ее на попеченіи Нургужи, я отправился бродить среди могилъ. „Алла акбаръ“, не безъ труда прочелъ я на одной старой, покосившейся стелѣ: „здѣсь лежитъ прахъ благовѣрнаго Султана Аманбая Эсильбаева, красы міра, сильнаго богатыря и милостиваго покровителя“... Чему онъ, собственно, покровительствовалъ, я, къ сожалѣнію, не узналъ, такъ какъ далѣе надпись стерлась, и только внизу плиты сохранилась дата: „въ 14 день новаго мѣсяца Мохарема въ 1..7 году гиджры случилось сіе“... вѣроятно смерть этого султана... „Да возвеличится изъ вѣка въ вѣкъ

имя хаджи [1]) Досмогамбета Наурзалина — витіевато повѣствовала сосѣдняя стела — четыре раза, по соизволенію Аллаха, посѣтившаго Мекку и благополучно вернувшагося оттуда и почившаго въ праведности на 83 году жизни... Терніи странствій да будутъ ему, какъ вѣнокъ изъ розъ, когда онъ предстанетъ предъ лицомъ Всевышняго"...

„Сладкозвучный голосъ твой умолкъ и пѣсенъ такихъ уже никто не сложитъ, какъ ты, о Сейдала Уразбаевъ, кротко покоящійся здѣсь!.. Да встрѣтитъ тебя радостно многомилосердный Аллахъ въ преддверіи небесныхъ селеній, уготованныхъ имъ для счастливцевъ, тебѣ подобныхъ" — такова была эпитафія на третьей могилѣ...

Прочія надгробныя надписи гласили приблизительно то же... Мудрые біи [2]), благочестивые проповѣдники, вдохновенные поэты, доблестные витязи — вотъ какимъ удивительнымъ контингентомъ покойниковъ было заполнено кладбище: обыкновенныхъ смертныхъ тутъ, очевидно, не полагалось вовсе!..

— Что это такое, — подумалось мнѣ, — недостойная мистификація?.. Игра на людскую довѣрчивость?..

И я уже собирался было подѣлиться моими соображеніями съ Нургужей, но, оглянувшись, увидѣлъ, что онъ стоитъ передъ одной изъ

---

[1]) Мусульманинъ, совершившій паломничество въ Мекку.

[2]) Киргизскіе народные судьи.

мазорокъ на колѣняхъ и, прикрывъ виски ладонями рукъ, сосредоточенно творитъ молитву. И его скорбная, согбенная фигура дышала такой наивной искренностью, въ ней чувствовалось столько благочестиваго почитанія къ окружавшей насъ святынѣ, что я какъ-то сразу понялъ всю внутреннюю правоту его настроенія и всю неумѣстность, даже кощунственность моего европейскаго скептицизма — и насмѣшливыя слова сами собою застыли на языкѣ...

Кругомъ, въ кровавыхъ отблескахъ меркнувшей зари высились угрюмые, обветшалые могильники... Неподвижныя черныя тѣни протянулись по засохшей землѣ... Съ озера смутно доносилось глухое перешептываньеприбрежныхъ камышей... Все было проникнуто величавымъ спокойствіемъ смерти, неотразимой и безнадежной, все говорило о мрачномъ очарованіи вѣчнаго забвенія и покоя, съ которымъ, увы, такъ неохотно мирится наше суевѣрное, ненасытное сердце...

Вдругъ, какая-то ночная птица безшумно пронеслась мимо меня, да такъ близко-близко, чуть не задѣла крыломъ по лицу!.. Произошло это такъ внезапно, такъ неожиданно, что я невольно вскрикнулъ и отшатнулся, и спазма остраго ужаса сдавила мнѣ горло... Но Нургужа былъ уже около меня.

— Что съ вами, тюре?.. что случилось?.. — недоумѣло и испуганно спрашивалъ онъ.

— Ничего!.. ничего!.. только уѣдемъ скорѣе отсюда,—заторопилъ я его срывающимся голосомъ,—ради Бога — скорѣе... Къ счастью, мой спутникъ не настаивалъ на объясненіяхъ. Быстро направились мы къ лошадямъ, еще быстрѣе сѣли на нихъ и черезъ нѣсколько минутъ страшное обиталище мертвыхъ осталось далеко позади насъ... Ускоренная ѣзда и холодный степной воздухъ постепенно успокоили мои нервы, я даже успѣлъ въ надлежащей мѣрѣ сообразить и оцѣнить комическую сторону приключенія, но смущенная мысль долго еще не могла разобраться въ неотвязчивыхъ вопросахъ.

И думалось мнѣ: кто были они, эти невѣдомые люди, мирно почивающіе тамъ, на этомъ заброшенномъ, только-что оставленномъ нами кладбищѣ—всѣ эти біи, султаны, поэты, хаджи?.. Чѣмъ они были въ свое время живы—эти загадочные нынѣ мертвецы, какіе интересы, какія вожделѣнія волновали тогда ихъ души, во имя чего устремлялись они на подвиги, кормили нищихъ, паломничали ко гробу пророка, слагали пѣсни, богатѣли и разорялись?.. Во имя чего?.. Ради чего?.. А если все это одно преувеличеніе, или еще хуже—простая ложь, бахвальство? Можетъ-быть, въ дѣйствительности, всѣ эти знаменитые покойники были самыми заурядными, будничными киргизами, и только азіатское тщеславіе потомковъ надѣлило ихъ такими фанта-

стическими свойствами, которыми они при жизни и не думали обладать?.. Кто отвѣтитъ на это?.. Ничего не осталось отъ нихъ, ничего — кромѣ нѣсколькихъ крикливыхъ, полустертыхъ эпитафій!.. Давно утраченъ внутренній смыслъ ихъ славныхъ дѣяній, навсегда отзвучали ихъ проповѣди и пѣсни, да никто собственно и не знаетъ теперь, о чемъ они проповѣдывали и что воспѣвали... Одна великая молчальница степь помнитъ всѣ тайны потревоженныхъ нами тѣней, но она слишкомъ ревниво оберегаетъ ихъ, и никогда никому не откроетъ...

Эту ночь намъ пришлось провести подъ открытымъ небомъ, на берегу маленькаго, пустыннаго озерка, по имени Косъ-Копа. Было холодно, сыро и какъ-то особенно безпріютно. Къ тому же насъ сегодня явно преслѣдовала неудача: разведенный нами костеръ чадилъ, трещалъ, но упрямо не желалъ какъ слѣдуетъ разгораться, чайникъ столь же упрямо отказывался закипать... Въ довершеніе бѣдъ обнаружилось, что послѣдняя оставшаяся у насъ въ запасѣ бутылка съ коньякомъ разбилась и затопила значительную часть моихъ папиросъ, а Нургужа ухитрился гдѣ-то обронить свой кошелекъ: денегъ въ немъ было, правда, немного, но зато тамъ хранился какой-то особенно счастливый амулетъ...

Словомъ, ночка выдалась превеселая!..

Тщетно кутался я въ свой азямъ. Предательскій осенній холодокъ настойчиво пробивался гдѣ-то сквозь платье, и время отъ времени непріятная дрожь зябко пробѣгала по тѣлу. Нургужа былъ мрачнѣе тучи, морщилъ лобъ, сердито

Джинъ-Акванъ.

ворчалъ себѣ что-то подъ носъ и вдругъ, совершенно неожиданно, обрушился на меня.

— А все это ваше кладбище надѣлало!.. Во всемъ оно виновато!.. Говорилъ я вамъ— не надо туда ѣздить, такъ нѣтъ!..

— Оставь, пожалуйста,—попытался я оправдаться, при чемъ тутъ кладбище?..

— Какъ при чемъ?.. — окончательно разгорячился мой спутникъ; — да вѣдь тамъ же живутъ тысячи джиновъ[1])!.. и всѣ такіе злые, такіе мстительные!.. Вы думаете, я не знаю, почему вы тогда закричали?.. Васъ джинъ напугалъ — вотъ почему...

Я не выдержалъ и громко расхохотался ему въ лицо... Бѣдная ночная птица!..

---

[1]) Джины — злые духи по вѣрованію киргизовъ.

НА УТИНОМЪ ПЕРЕЛЕТѢ.

Вотъ, раздобылъ вамъ проводника; онъ знаетъ гдѣ естъ хорошіе перелеты, — сказалъ писарь, входя въ станціонную юрту, въ которой я расположился за самоваромъ.

За нимъ слѣдомъ едва протиснулся въ узкую дверь-есыкъ огромнаго роста черноглазый киргизинъ, плотный, могуче сложенный, настоящій богатырь.

— Нурпеисъ, — обратился къ нему писарь по-киргизски, — вотъ проводишь господина на Куртамызъ, или на Теректы-куль; тамъ утокъ сколько угодно... Я сейчасъ засѣдлаю лошадь...

И вышелъ.

Я предложилъ моему гостю чаю. Онъ не заставилъ себя долго просить, усѣлся, поджавъ по восточному ноги, на кошму и, пока писарь обряжалъ для меня коня, мы успѣли стать старыми знокомыми.

Такъ, я узналъ, что Нурпеисъ Сарсымбаевъ — сынъ Булгана, внукъ Карджаубая и правнукъ Нармагамбета; что родъ его очень древній и знаменитый — много вышло изъ него багаты-

рей — но въ прежніе годы неоднократно подвергался барантѣ [1]), обѣднѣлъ и съ тѣхъ поръ не можетъ оправиться; что онъ, Нурпеисъ, имѣетъ всего 17 головъ скота, а потому кочевать не въ состояніи, и для поддержанія своей семьи вынужденъ даже заниматься поставкой дровъ на сосѣднюю Кизылташскую почтовую станцію; что у него жена изъ рода Акылбаевыхъ, что отъ нея онъ имѣетъ двухъ сыновей, старшему 14 лѣтъ, что онъ уже подыскалъ ему невѣсту и собираетъ теперь калымъ [2]). Далѣе, я узналъ, что Нурпеисъ сходилъ три раза въ Мекку, разъ — за себя, и дважды по довѣренности отъ двухъ другихъ богатыхъ киргизовъ-сородичей (такое замѣстительство допускается) и хорошо заработалъ на этомъ, не прочь побывать въ Меккѣ и въ четвертый разъ... Онъ даже началъ было высчитывать, сколько можно нажить на этомъ новомъ мистифицированіи всевѣдущаго Аллаха, но тутъ вошелъ писарь и объявилъ, что лошади готовы и что пора ѣхать.

Вечерѣло. Солнце, въ блекло-янтарномъ заревѣ заката, опускалось къ горизонту. Причудливо разорванныя, жемчужно-розовыя облака плыли ему навстрѣчу и словно таяли въ огнѣ его лучей. Въ прозрачномъ воздухѣ было тепло

---

[1]) Обычай самосуда, заключающійся въ угонѣ скота обидчика.

[2]) Имущество, необходимое для покупки невѣсты.

и тихо — только гдѣ-то въ высотѣ клекоталъ беркутъ, да шумѣла, стиснутая крутыми берегами, рѣчка Торгайка, протекавшая вблизи станціи.

Нурпеисъ Сарсымбаевъ.

Спустившись съ увала, мы перебрались черезъ рѣчку въ бродъ, поднялись на противоположный увалъ, а тамъ открылась безконечная, волнистая равнина, изрытая старыми руслами и водомоинами, вокругъ которыхъ темными пятнами густились заросли камышей и

тальника... По обнаженнымъ возвышенностямъ кое-гдѣ торчали одинокія киргизскія могилы, мягко позолоченныя заходившимъ солнцемъ... Далеко вправо, узкая, какъ лезвіе клинка, блестѣла бирюзовая полоска озера.

— Это — Коржунъ-куль, — отозвался Нурпеисъ на мой вопросъ о названіи озера; — тамъ и наши зимовки — кстау...

— Какой волости?

— Тусунской, седьмого аула... Маленькій аулъ, бѣдный, только одинъ Каирбекъ у насъ богачъ...

— Онъ родичъ твой, что ли?

— Нѣтъ, не родичъ: онъ Темисовъ, а я Сарымсаевъ — мы разныхъ аймаковъ [1])... У меня родичи побогаче — во второмъ аулѣ записаны, теперь кочуютъ еще на Мангышлакѣ, скоро должны прійти.

— А зачѣмъ тюре [2]) пріѣхалъ къ намъ, — помолчавъ немного, спросилъ меня мой спутникъ, странно понизивъ голосъ...

Я объяснилъ, какъ умѣлъ, по-киргизски.

— Такъ, такъ...— полуодобрительно, полунедовѣрчиво отнесся къ моимъ словамъ Нурпеисъ; — значитъ, тюре будетъ въ родѣ, какъ тергаучи [3]), за порядкомъ смотрѣть пріѣхалъ...

---

[1]) Аймакъ — родъ.

[2]) Тюре — господинъ, чиновникъ.

[3]) Такъ киргизы, обыкновенно, называютъ судебныхъ слѣдователей.

Что же? Это хорошо... Много у насъ неправды здѣсь, много бѣднаго народа страдаетъ... Вотъ хотя бы Каирбекъ — 1500 барановъ имѣетъ, 800 лошадей и коровъ, однихъ верблюдовъ у него головъ 300, а въ казну платитъ меньше, чѣмъ я...

— Ну, ужъ ты скажешь... Считалъ ты развѣ скотъ у Каирбека?

— Считать не считалъ, а всѣ знаютъ... Пусть задавитъ меня албасты [1]), если это не-неправда...

Я хотѣлъ было что-то возразить, но не успѣлъ. Конь мой неожиданно метнулся въ сторону — изъ-подъ самыхъ его ногъ съ трескомъ и свистомъ вырвался табунокъ бѣлокрылыхъ стрепетовъ и, отлетѣвъ, опустился неподалеку въ степи. Направились мы туда, я сошелъ съ сѣдла и вскорѣ среди кустовъ косматаго джингила [2]) „вытопталъ“ затаившихся птицъ; онѣ снова шумно взлетѣли и одну я подстрѣлилъ. Нурпеисъ бросилъ лошадей и, визжа отъ удовольствія, побѣжалъ за подбитымъ стрепетомъ, долго ловилъ его, наконецъ поймалъ и съ торжествомъ принесъ мнѣ.

— Джаксы, бикъ джаксы [3])...— твердилъ онъ, сверкая глазами и скаля зубы...

---

[1]) Нечистая сила въ образѣ безобразной женщины.
[2]) Степная туйя — гребенщикъ.
[3]) Хорошо, очень хорошо.

Выстрѣлъ и вопли моего спутника, очевидно, были услышаны въ степи. Не отъѣхали мы и полуверсты отъ мѣста остановки, какъ я увидѣлъ вдали трехъ всадниковъ-киргизовъ, которые крупной рысью спѣли намъ на перерѣзъ.

Подъѣхали, поздоровались и по степному обыкновенію, повернули съ нами.

— Это мой братъ, Абдрахманъ, — указалъ мнѣ Нурпеисъ на одного изъ прибывшихъ киргизовъ, и вдругъ, вспомнивъ прерванный разговоръ, продолжалъ: — вотъ, спросите всѣхъ ихъ, сколько у Каирбека скота всякаго и много ли онъ податей платитъ.

Тѣ, въ общемъ, подтвердили цифры, приведенныя Нурпеисомъ ранѣе...

— Отчего же онъ платитъ такъ мало? — заинтересовался я; — вѣдь подати вы раскладываете между собою сами, вотъ и наложили бы на богатыхъ побольше, на бѣдныхъ — поменьше...

Тутъ всѣ киргизы сразу оживленно залопотали и заспорили, да такой скороговоркой, что я пересталъ было ихъ понимать. Вскорѣ выяснилось, однако, что мое предложеніе никуда не годно... Каирбекъ — человѣкъ богатый, сильный, дружитъ съ управителемъ, у самого уѣзднаго начальника въ гостяхъ бываетъ — гдѣ же итти противъ него?... Хорошо и то, что онъ помогаетъ бѣднякамъ-соаульникамъ, за

нѣкоторыхъ вноситъ подать, подкармливаетъ зимою...

— Кого онъ тамъ кормитъ? — съ неожиданной интонаціей ироніи и озлобленія заговорилъ братъ Нурпеиса, черномазый Абдрахманъ; — кого?... Меня развѣ онъ кормилъ когда-нибудь? Когда въ позапрошедшую зиму у меня скотъ падалъ, дѣти болѣли, всѣ мы голодомъ сидѣли, развѣ онъ меня кормилъ?.. Чашки чаю у него иногда не высидишь... Только нѣкоторымъ своимъ родичамъ онъ и помогаетъ, да и то, когда они ему нужны — передъ выборами...

— Что же, Худай великъ... можетъ быть скоро и мы въ силу войдемъ, — возразилъ ему другой киргизъ — человѣчекъ неопредѣленнаго возраста, съ лицомъ какой-то хищной птицы и съ рѣденькой бородкой, которая топорщилась, точно иглы дикобраза. — Скоро выборы... будетъ у насъ и новый управитель, и новый старшина...

— Нѣтъ, не будетъ... — съ упрямой покорностью рѣшилъ Абдрахманъ; — нѣтъ у насъ силы, не держимся мы другъ друга, не понимаемъ собственной пользы... Взять хотя бы тебя, Сабыръ — угоститъ тебя Каирбекъ, подаритъ на платокъ кумачу, и ты первый подашь голосъ за того, кого онъ укажетъ...

Поднялась взаимная корьба, взаимные попреки — всѣмъ досталось отъ желчнаго Абдрахмана...

А лиловыя сумерки все сгущались, и мы все неслись куда-то вглубь степи, безмолвной и пустынной, и гулко раздавались дробные удары конскихъ копытъ о твердую, солонцоватую почву.

— Послушай, Нурпеисъ, — обратился я къ моему провожатому; — да когда же мы пріѣдемъ, наконецъ?.. опоздаемъ...

— Джилдамъ, джилдамъ [1]) — скоро... — успокаивалъ онъ меня.

Проскакали еще съ версту... Почти совсѣмъ стемнѣло...

— Мунда... Тохта [2])... Стой... — вдругъ осадилъ своего маштака Нурпеисъ. — Вотъ здѣсь утки летаютъ... много летаютъ. Тюре стрѣлять будетъ...

Передъ нами была небольшая, совершенно осохшая водомоина, окаймленная тощимъ, побурѣвшимъ камышомъ — печальные слѣды бывшаго когда-то озерца. Кругомъ — ни признака воды и гладкая, какъ столъ, равнина...

— Куда ты меня завезъ?.. Какія тутъ утки?.. Здѣсь и напиться имъ негдѣ... — обрушился я на Нурпеиса.

Но онъ упорно стоялъ на своемъ и клялся, что утокъ — видимо-невидимо...

---

[1]) Джилдамъ — скоро
[2]) Здѣсь... стой...

Въ степи.

Нечего дѣлать. Слѣзъ я съ коня и отправился вдоль водомоины, въ сомнительной надеждѣ найти какую-нибудь лужу, но увы, всюду было сухо, какъ въ Сахарѣ...

Раздосадованный, я, наконецъ, повернулъ обратно...

— И надо же было такъ по-дурацки довѣриться киргизу какому-то, — бранился я мысленно; — вотъ и затащилъ онъ меня за тридевять земель, и для чего?... Чтобы полюбоваться на сухую яму, въ которой была когда-то вода и когда-то полоскались утки... Нечего сказать, выискалъ себѣ проводника!.. Чортъ бы его побралъ!..

Киргизы мои сошли съ лошадей, развели небольшой костеръ и, сидя на корточкахъ вокругъ него, о чемъ-то вполголоса бесѣдовали между собою.

Нурпеисъ встрѣтилъ меня изрядно сконфуженный... Да, онъ ошибся, не зналъ, что вода уже ушла... Давно дождей не было... Сухо очень... А то здѣсь — первое мѣсто для утокъ... Прошлымъ лѣтомъ сколько ихъ тутъ было...

Это „прошлымъ лѣтомъ“ звучало рѣшительно недурно...

Въ довершеніе обнаружилось, что мѣсто, куда привезъ меня Нурпеисъ, вовсе не Куртамызъ и не Теректы-куль, рекомендованные намъ станціоннымъ писаремъ, а какое-то совсѣмъ другое урочище.

— Ну, что же подѣлаешь... Въ другой разъ буду осторожнѣй, — утѣшалъ я себя, подсаживаясь къ огню.

Замѣтивъ, что я успокоился, оживился и Нурпеисъ — и сталъ разсказывать про Мекку. Киргизы сосредоточенно его слушали... Надъ нами, усыпанное безчисленными звѣздами, расплылось бархатистое ночное небо; въ похолодѣвшемъ воздухѣ пахло солоноватою пылью и нѣжной горѣчью степныхъ полыней, и, лежа у догоравшаго костра, я полудремалъ, убаюкиваемый неторопливой, складной рѣчью моего проводника...

Наконецъ, рѣшили ѣхать обратно...

— Тюре можетъ-быть поѣдетъ къ намъ ночевать въ аулъ?..— заискивающе обратился ко мнѣ Нурпеисъ. — Тутъ, недалеко — прямо проѣдемъ... Жена куурдакъ сваритъ, чаю выпьемъ, айрану [1])...

Видимо, ему хотѣлось хоть чѣмъ-нибудь загладить неудачу охоты... Я, конечно, согласился — не все ли равно, гдѣ переспать ночь?..

Часа черезъ полтора я сидѣлъ уже въ гостяхъ у Нурпеиса и, въ ожиданіи обѣщаннаго куурдака, угощался разной домашней снѣдью, заботливо предложенной его хозяйкой, молодой, но уже отцвѣтшей женщиной, съ краси-

---

[1]) Айранъ — кислое молоко.

выми черными глазами. Она нацѣдила намъ въ деревянныя чашки свѣжаго молока, нарѣзала жирной колбасы изъ конины — по мѣстному „хазы“, высыпала нѣсколько пригоршней баурсаковъ [1]) на закуску...

Нурпеисъ ѣлъ и пилъ за двоихъ, все нахваливалъ, и въ то же время, не переставая, слѣдилъ за готовившимся горячимъ ужиномъ: то подброситъ кизяку въ огонь, то помѣшаетъ большимъ кашикомъ-ложкой въ дымящемся казанѣ, гдѣ аппетитно шипѣлъ и скворчалъ куурдакъ, немудрое, но превкусное киргизское крошево изъ баранины и лука...

Постепенно стали сходиться въ юрту киргизы: весь аулъ уже зналъ о пріѣздѣ какого-то невѣдомаго „тюре“, и всякому было любопытно поглядѣть на него поближе... Серьезные, важные, они, послѣ краткаго селяма [2]), чинно разсаживались вокругъ очага и упорно принимались осматривать со всѣхъ сторонъ мою особу.

Послѣ ужина, жена Нурпеиса подчивала меня чаемъ „бу памиль-шай“ [3]), пояснила она при этомъ; получили по чашкѣ этого настоя

---

1) Баурсакъ — печенье изъ тѣста, зажареннаго на бараньемъ салѣ.

2) Селямъ — привѣтствіе, которымъ обмѣниваются киргизы при встрѣчѣ.

3) „Памиль-шай“ исковерканное „фамильный“ чай, т. е., байховый, аъ отличіе отъ кирпичнаго.

и нѣкоторые изъ пришедшихъ киргизовъ — не всѣ, однако, удостоились такой чести...

За чаемъ завязалась общая бесѣда — разговаривать, пока гость не утолилъ голода, считается у киргизовъ невѣжливымъ — и Нурпеисъ опять началъ было повѣствовать о Меккѣ: видимо, эта тема бала неисчерпаема... Но я не далъ ему рапространиться и перевелъ разговоръ на интересовавшаго меня Каирбека.

Оказалось, что его нѣтъ въ аулѣ — еще кочуетъ на сѣверѣ Торгайской области, гдѣ у него лѣтовки совмѣстно съ какими-то Кустанайскими киргизами... Что онъ богатъ, и даже очень богатъ — на этомъ сходились всѣ: немного поспорили только о числѣ принадлежащихъ ему верблюдовъ, но въ оцѣнкѣ собственно его личности, его достоинствъ, какъ человѣка, мнѣнія снова разошлись, и притомъ, самымъ непримиримымъ образомъ...

— Просто, всѣ вы завидуете должно быть Каирбеку, — рѣшилъ я, наконецъ, разгорѣвшійся между киргизами споръ.

Мой сосѣдъ, благодушнѣйшій, жирный старикъ въ потертой бархатной тюбетейкѣ, до тѣхъ поръ почти не принимавшій участія въ разговорѣ — такъ, казалось, онъ былъ поглощенъ чаепитіемъ — вдругъ оживился, поставилъ свою чашку на землю и хитро подмигнулъ мнѣ.

— Тюре правду сказалъ, — произнесъ онъ смѣясь; — сущую правду... Всѣ Каирбеку зави-

дуютъ и все-таки въ ротъ ему смотрятъ... Что скажетъ онъ — то и свято, точно онъ бухарскій ишанъ [1]) какой...

— Ахъ да развѣ въ Каирбекѣ суть... — продолжалъ уже серьезно старикъ.—Что Каирбекъ... Сегодня онъ живъ, завтра его нѣтъ — бѣда не въ немъ, а въ томъ, что плохія времена настали; правды нѣтъ больше на землѣ; только деньгами и можно все сдѣлать, а бѣдному человѣку, будь онъ добръ, и уменъ, и честенъ какъ берисге [2]) пропадать надо, развѣ продастъ кому-нибудь свой разумъ, да совѣсть... Все стало продажнымъ у насъ по степи, никому на слово нельзя повѣрить, всякій норовитъ изобидѣть другого, уничтожить, съѣсть... Вотъ какія теперь времена... Худай такдыры [3]).

И старый киргизъ печально поникъ головой... Потупившись, сидѣли и всѣ остальные...

— Если тюре позволитъ, я спою муртазу (пѣсню) одну, — обратился онъ ко мнѣ; — „Зарзаманъ [4]) она называется, а сочинилъ ее знаменитый нашъ акынъ [5]) Чортанбай изъ Мерке... Тамъ все разсказано, какъ мы теперь живемъ... Вотъ только молодежь наша не замѣчаетъ этого, глаза на все зажмуриваетъ. У молодыхъ —

---

[1]) Ишанъ — святой.
[2]) Берисге — ангелъ.
[3]) На то Божья воля.
[4]) Зарзаманъ — плачъ времени.
[5]) Акынъ — поэтъ.

За пѣсней.

одно на умѣ, какъ бы повкуснѣе поѣсть, да попить, да на конѣ погарцовать, да на тояхъ [1]) разныхъ бывать почаще — а о душѣ никто не заботится... Нурпеисъ, дай-ка мнѣ твою домбру; давно я на ней не игралъ, а когда то хорошимъ улянгчи [2]) считался!.. Кто въ степи не зналъ Аблая Карабатырова!..

Бережно взялъ онъ изъ рукъ нашего хозяина неуклюжій, треугольный инструментъ, не-

---

[1]) Той — праздникъ у киргизовъ, сопровождаемый обильнымъ угощеніемъ.

[2]) Улянгчи — народный пѣвецъ, въ родѣ нашего гусляра или кобзаря.

сомнѣнный предокъ нашей русской балалайки, бѣгло перебралъ пальцами струны и, послѣ какого-то вычурнаго, но мало мелодичнаго вступленія, запѣлъ, или точнѣе — заговорилъ на особый распѣвъ, тягучій и унылый...

Отрстанены старые біи — избранники Божіи,
Приказано выбрать новыхъ — на каждыя 50 кибитокъ по одному,
На сто кибитокъ назначили аульнаго старшину,
А на тысячу — волостного управителя,
И приставили къ нему русскаго писаря...
И пошли отсюда смертельныя междоусобицы изъ-за должностей,
Недостойное взяточничество, кляузы и обманы,
Всѣ воспылали завистью и злобой другъ къ другу.
Ахъ, прошла та пора, когда людей назначали по достоинству.
Теперь — большинство повелѣваетъ меньшинствомъ,
Ибо противъ бѣлаго шара. учрежденнаго царемъ,
Нѣтъ никакого средства спасенія...
И вотъ, хорошіе люди обратились въ рабовъ произвола,
А глупые пастухи, вчера еще не умѣвшіе отличить дурного отъ хорошаго,
Сдѣлались сегодня народными судьями...
И у такихъ-то пастуховъ вы спрашиваете совѣта?
Гдѣ-же вашъ стыдъ, добрые люди?
Гдѣ вы, мудрые, безпорочные біи,
Душу свою за народъ полагавшіе?
Бывало, идемъ мы къ нимъ свободно, какъ сыновья,
А жены ихъ казались намъ, что родныя матери,
Дадутъ, бывало, шалунамъ отеческое наставленіе
И всѣ, довольные правильнымъ рѣшеніемъ,
Расходятся, успокоенные душою,
Не тая въ сердцѣ ни обиды, ни вражды.
А теперь, о Боже, какія времена настали!..
Богачи изъ-за распрей стали бѣдняками
И, растративъ свои состоянія на полученіе должностей,
Стараются возмѣстить произведенные расходы,
Безпощадно обирая своихъ же братьевъ.
Смотри, вотъ твой противникъ уже одарилъ, кого нужно, деньгами и скотомъ,
Торопись же и ты, давай, не стѣсняясь, взятки,

Ибо иначе проиграешь самую вѣрную тяжбу...
Какой позоръ!.. Развѣ въ старомъ киргизскомъ быту,
При прежнихъ біяхъ, видали подобные примѣры?
Но такъ какъ ты самъ во всемъ виноватъ,
То покоряйся судьбѣ, несчастный киргизъ —
„Павшему — кулаки“ гласитъ пословица,
Такъ и здѣсь: подъяремному — всѣ напасти...

Во все время пѣнія, киргизы, плотно сгрудившись вокругъ стараго Аблая, всячески, кто какъ умѣлъ, выражали ему свое сочувствіе и одобреніе. Они, то покачивали въ тактъ головами, шопотомъ повторяя отдѣльныя слова пѣсни, то, временами, словно подавленные нахлынувшимъ настроеніемъ, прижимали руки къ сердцу и вздыхали скорбно и тяжко... Очевидно, всѣ терзались однѣми мыслями, всѣхъ угнетала одна и та же правда жизни, постыдная и жалкая правда, отъ которой некуда уйти, некуда скрыться..

Пѣвецъ замолкъ...

— Худай такдыры... Худай талаганынъ буйругу [1])... — сокрушенно и растерянно бормотали слушатели...

Я искренно высказалъ Аблаю свое восхищеніе его игрой и пѣніемъ и просилъ спѣть что-нибудь еще, только повеселѣе...

Онъ не заставилъ себя упрашивать, быстро настроилъ домбру и, взявъ нѣсколько переливчатыхъ аккордовъ, затянулъ новую пѣсню, по мотиву, правда, столь же заунывную, какъ

[1]) На то Божья воля... такъ опредѣлено Богомъ...

и первая, но слова!.. слова!.. Признаюсь, сразу я собственнымъ ушамъ не повѣрилъ... Вообразите только, старый киргизъ распѣвалъ, не болѣе — не менѣе, какъ... письмо Татьяны къ Онѣгину... „Письмо“ также имѣло всеобщій успѣхъ, при чемъ, какъ и слѣдовало ожидать, особенно одобрительно отнеслась къ нему жена Нурпеиса. Я спросилъ Аблая, не знаетъ ли онъ, кто сочинилъ эту пѣсню: по его словамъ, выходило, что тоже какой-то ихній „улянгчи“... Объ истинномъ авторѣ онъ, конечно, даже не подозрѣвалъ.

Въ заключеніе, старикъ уже по собственному почину спѣлъ еще одну пѣсенку — курьезный образчикъ современнаго киргизскаго творчества: это былъ простой наборъ словъ, мѣстами лишенный всякаго смысла, но зато богатый созвучіями и совершенно неожиданными сопоставленіями. Невольно вспомнилась милая, наивная Малороссія — „въ огородѣ бузина, а въ Кіевѣ дядько!...

Наконецъ, Аблай положилъ домбру и утеръ лобъ рукавомъ своего грязнаго халата. Музыкальная программа была закончена... Киргизы стали понемногу расходиться..

Хошъ... хошъ... Исенъ булъ... Басынга кыдыръ дарысынгъ [1])... раздавались прощальныя привѣтствія...

---

[1]) Прощай, прощай, будь здоровъ, да посѣтитъ тебя святой.

— Что же? пора на покой и намъ... Какъ ты думаешь объ этомъ, Нурпеисъ?..

Медленно тлѣя, догаралъ кизякъ въ очагѣ, а сквозь продушину чонгарака [1]) виднѣлось побѣлѣвшее отъ близкой зари небо, съ потухающими искорками звѣздъ...

---

[1]) Круглое отверстіе для выхода дыма ввреху юрты.

ДУОДАКЪ.

(Киргизское названіе дрохвы).

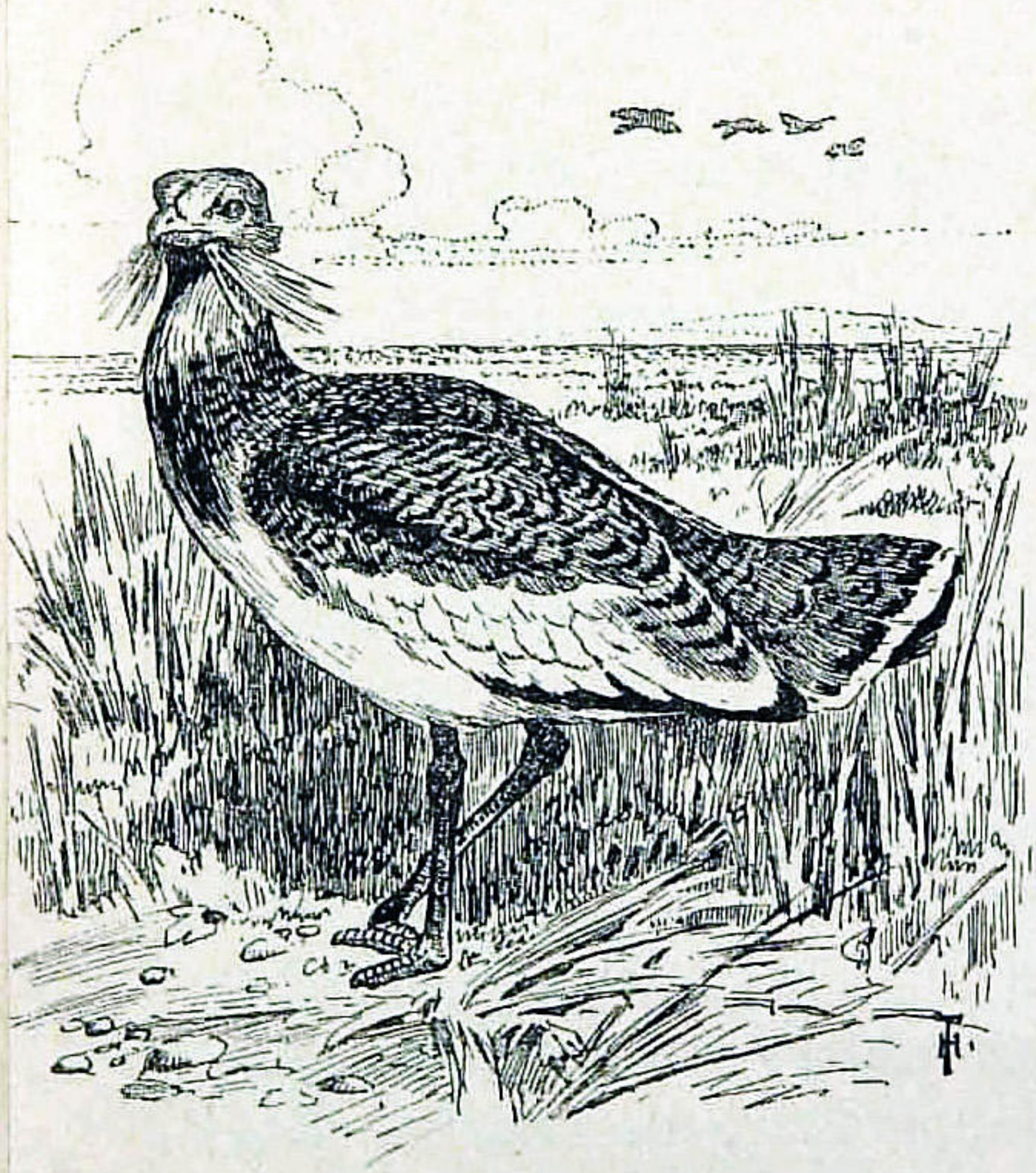
Одному сайтану [1]) должно быть извѣстно, гдѣ тутъ переѣхать можно, — безпомошно ругался мой старшій проводникъ-киргизъ; — вездѣ топь!.. Здѣсь, не то что въ арбѣ верхомъ загрузнешь!.. Будь она проклята, эта рѣчка.. Подавись ею сайтанъ!..

И, правда, мы очутились въ досаднѣйшемъ положеніи... По пути черезъ степь — ѣхали мы безъ дорогъ, цѣликомъ — намъ попалась какая-то безымянная рѣчка, обычно высыхающая объ эту пору года, но теперь, какъ на грѣхъ, угодило несвоевременно пройти дождямъ, и русло ея заполнилось, вперемѣжку съ лужами стоячей воды, толстымъ-претолстымъ слоемъ тягучей, иловатой грязи, гдѣ мы, въ случаѣ попытки переправы, рисковали безповоротно увязить мой тяжелый, дорожный тарантасъ...

Нѣсколько разъ мои киргизы пробовали искать броду, но изъ этого ничего не выходило — вездѣ грязь доходила лошадямъ чуть не по брюхо, и мы покорно двигались вдоль рѣки,

---

[1]) Дьяволъ.

Дрохва.

безнадежно длинной и извилистой, все болѣе и болѣе отклоняясь отъ нужнаго направленія... Становилось скучно...

— Смотри, хозяинъ — дуодаки!.. — вдругъ обратился ко мнѣ одинъ изъ сопровождавшихъ меня верховыхъ киргизовъ, указывая куда-то впередъ.

Тамъ, менѣе чѣмъ въ полуверстѣ отъ насъ, дѣйствительно, мирно паслись дрохвы, цѣлое стадо, и ярко выдѣлялось на фонѣ степи ихъ нарядное, пестрое оперенiе. Быстрое изготовилъ я свой тройникъ, и мы, шагомъ, поѣхали по направленію стада, осторожно огибая его съ правой стороны...

Въ глухой степи дрохвы не слишкомъ пугливы — киргизы за ними почти не охотятся, и видъ людей, а въ особенности экипажа, возбуждаетъ въ нихъ скорѣе удивленіе, пожалуй, даже любопытство, нежели страхъ. Поэтому, онѣ спокойно подпустили насъ шаговъ на полтораста — только перестали кормиться и высоко подняли навстрѣчу намъ головы... Я приказалъ пріостановиться, выбралъ ближайшаго, очень крупнаго и красиваго дрохвича, и съ упора выстрѣлилъ — птица легла на мѣстѣ... Остальныя, отбѣжавъ въ сторону, взлетѣли...

Мои конные киргизы помчались туда, слѣдомъ за ними погналъ лошадей и ямщикъ въ тарантасѣ... Только, смотрю, скакавшіе почему-то стали, слышно, какъ они горячо залопотали о чемъ-то между собою... Оказалось, нежданное препятствіе — убитая дрохва лежала на другомъ берегу все той же противной рѣчки, которая въ этомъ мѣстѣ дѣлала невидимую издали излучину.

— Какъ обидно, — вырвалось у меня — прійдется вѣдь бросить!.. Не топиться же изъ-за птицы...

Но киргизы были иного мнѣнія — одинъ изъ нихъ торопливо соскочилъ съ коня, раздѣлся и полѣзъ въ грязь...

— Э, да тутъ и переѣхать можно, — неожиданно закричалъ онъ намъ, добравшись до средины русла; — право можно... Дно твердое,

не вязкое... Акылбай, поѣзжай за мною, не бойся!..

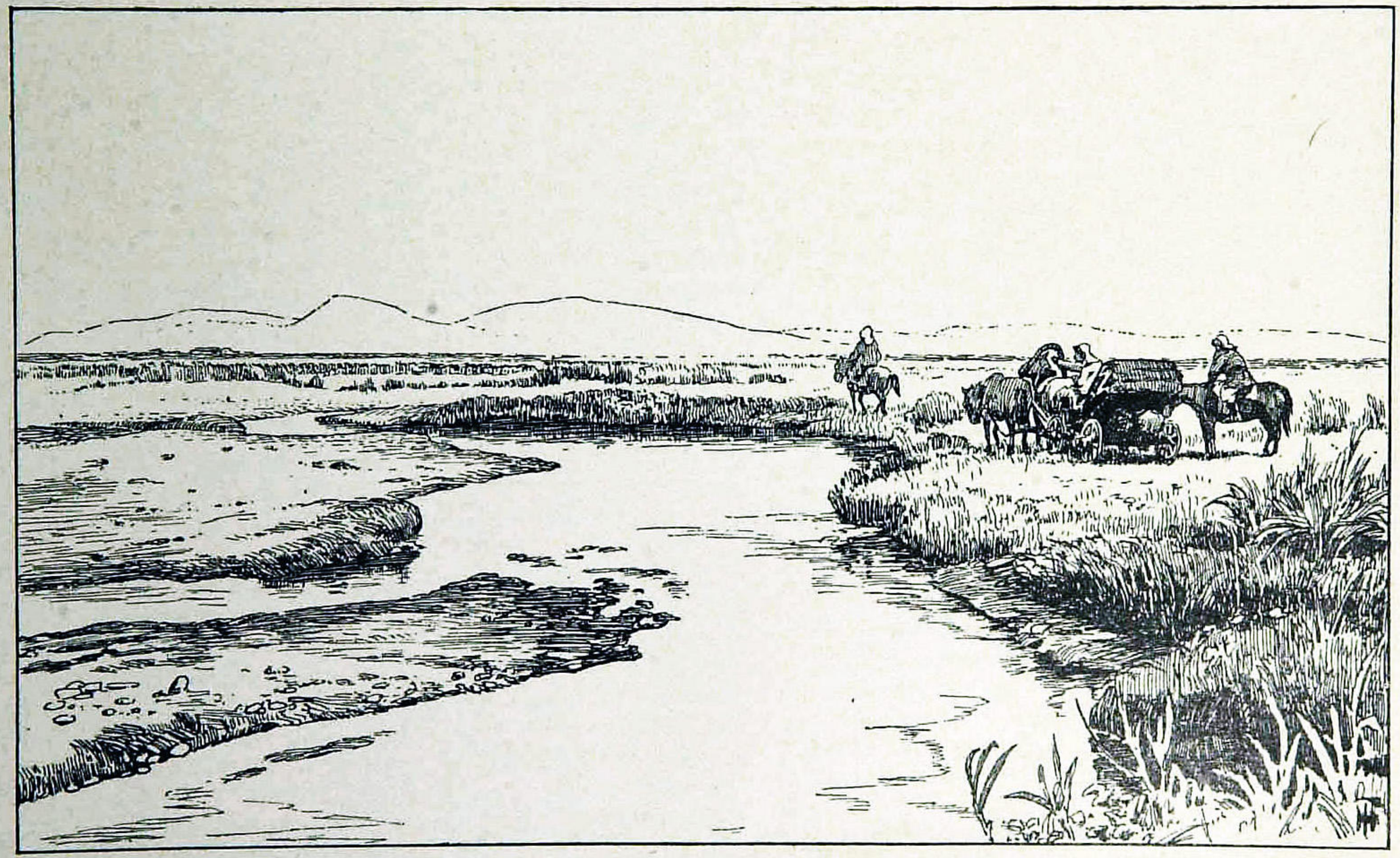
Не успѣлъ я хорошенько сообразить, что отсюда произойдетъ, какъ мы были уже въ рѣчкѣ, и тарантасъ сразу ушелъ въ грязь выше ступицъ... — Айда!.. айда!.. чохъ!.. чохъ!.. чохъ!.. — неистово визжали и голосили кругомъ киргизы, щедро полосуя своими камчами [1]) лошадей, которыя безтолково рвались изъ стороны въ сторону... Сбруя трещала, экипажъ судорожно раскачивался, киргизы метались и выли, какъ припадочные... Былъ моментъ. когда, казалось, намъ удастся выскочить — но вдругъ, къ моему ужасу, одна изъ пристяжныхъ запуталась въ постромкахъ и упала... Тарантасъ остановился... И тотчасъ же прекратились и удары, и крики.

— Что вы натворили, несчастные, — обрушился я на своихъ провожатыхъ; — что мы теперь станемъ дѣлать?.. Въ вѣкъ не вытащить намъ отсюда тарантаса!..

Сконфуженные киргизы сочувственно охали, вздыхали, издавали неопредѣленныя восклицанія — положеніе представлялось критическимъ... Надо было, однако, что-нибудь предпринимать... Нехотя слѣзли мои спутники съ коней, съ трудомъ подняли барахтавшуюся въ грязи пристяжную, затѣмъ стали перетаскивать изъ

---

[1]) Нагайка, плеть.

Высыхающая рѣка.

экипажа вещи на берегъ... Кое-какъ перебрался туда же и я.

Опять возобновились крики и вопли, жестокое истязаніе выбившихся изъ силъ лошадей... Увы—ничто не помогало: тарантасъ точно вросъ въ землю!.. Передохнувъ, сдѣлали еще нѣсколько подобныхъ же попытокъ, и, конечно, съ такимъ же успѣхомъ...

Вся бѣда заключалась въ томъ, что хотя лошадей съ нами было достаточно — штукъ пятнадцать — но упряжи и, вообще, сбруи имѣлось только на одну тройку, силами которой и приходилось поэтому единовременно довольствоваться... Попробовали было мои спутники пустить въ дѣло арканы, но припряженная такимъ способомъ четвертая лошадь, видимо, не столько помогала, сколько мѣшала остальнымъ, къ тому же и арканы очень скоро порвались — пришлось оставить эту затѣю... Столь же неудачно окончилась попытка вытащить загрузшій экипажъ на рукахъ — какъ не натуживались и не сопѣли киргизы, но въ концѣ концовъ только и ухитрились, что выломать спицу въ заднемъ колесѣ... А тарантасъ ни съ мѣста...

— Дрянь дѣло, — думалось мнѣ; — вотъ такъ убилъ дрохву!..

Наконецъ, киргизы выбрались ко мнѣ на берегъ — усталые, злые, перепачканные до невѣроятія — и, усѣвшись въ кружокъ, стали вполголоса промежъ себя совѣщаться. Совѣщались

довольно долго, затѣмъ, очевидно, что-то надумали и снова полѣзли въ грязь. Тамъ они быстро впрягли въ экипажъ свѣжую тройку, еще пару лошадей привязали прямо хвостами къ оглоблямъ, Акылбай влѣзъ на козлы, подобралъ вожжи. Не безъ любопытства слѣдилъ я за всѣми этими приготовленіями... Какъ вдругъ мой ямщикъ привсталъ, гаркнулъ не своимъ голосомъ, прочіе киргизы дружнымъ хоромъ подхватили его пронзительный вопль, градомъ посыпались хлесткіе шлепки кнутовъ, и среди этого хаоса дикихъ криковъ, взвизгиваній и ударовъ, своеобразная упряжка изъ пяти лошадей выхватила-таки завязнувшій тарантасъ и вынесла на берегъ!..

И всѣ вздохнули свободно...

Правда, я счелъ долгомъ возмутиться варварской выдумкой запрягать лошадей непосредственно за хвосты, и высказалъ свое благородное негодованіе киргизамъ, но они только весело сверкали глазами и скалили зубы, а одинъ даже пояснилъ мнѣ:

— Мы такъ часто дѣлаемъ, хозяинъ... Лошадь такъ очень крѣпко везетъ — всей шкурой везетъ...

Нечего сказать — способъ!.. Но побѣдителей, какъ извѣстно, не судятъ, и, успокоенные, мы тронулись въ дальнѣйшій путь...

Вскорѣ завечерѣло. Я рѣшилъ остановиться на ночлегъ нѣсколько раньше обычнаго — и

люди, и кони были, видимо, утомлены исключительными событіями дня — тѣмъ болѣе, что до ближайшаго аула, по самому скромному исчисленію моихъ киргизовъ, оказывалось не менѣе десяти-двѣнадцати чакрымовъ...

— Все равно, скоро не доѣдемъ, — утверждали они въ одинъ голосъ... — Вотъ только бишбармака [1]) у насъ сегодня не будетъ, — добавилъ кто-то, смѣясь; — за то Бояшъ изъ доудака сурпу [2]) сваритъ — особенная сурпа выйдетъ...

Расположились мы приваломъ у небольшого полуобсохшаго озерка, подъ защитой пустыннаго, выжженнаго солнцемъ увала, который протянулся куда-то далеко на востокъ, постепенно сливаясь тамъ съ потускнѣвшимъ горизонтомъ. Быстро надвигались южныя сумерки. Звѣзды одна за другой стали вспыхивать на небѣ, и среди нихъ, всѣхъ пышнѣе разгорались семь золотисто-зеленыхъ огней колесницы царя Давида — такъ называютъ киргизы Большую Медвѣдицу... Время отъ времени пробѣгалъ легкій ночной холодокъ... Сѣдой туманъ повисъ надъ озеромъ... Гдѣ-то въ глубинѣ степи протяжно завылъ одинокій шакалъ...

Киргизы пустили пастись стреноженныхъ лошадей, развели костеръ и нашъ кашеваръ, Баяшъ Тяджіевъ, здоровенный грузный муж-

---

[1]) Излюбленное блюдо Торгайскихъ киргизовъ: вареная, съ мелко нарубленнымъ тѣстомъ баранина.

[2]) Жидкая похлебка изъ баранины.

чина, съ свѣтло-карими на выкатѣ глазами, принялся уже готовить ужинъ, который на этотъ разъ не обѣщалъ, однако, быть чрезмѣрно вкуснымъ... Супъ изъ дрохвы!.. Это, дѣйствительно, нѣчто особенное, если не хуже — у Донона, пожалуй, даже о возможности такого блюда не подозрѣваютъ!..

Я прилегъ возлѣ костра — вокругъ размѣстились на корточкахъ мои киргизы, и, упорно уставившись въ огонь, перебрасывались незначительными фразами...

Въ степи становилось все тише и тише, все монотоннѣе стрекотали цикады — даже шакалъ почему-то смолкъ, и только было слышно какъ изрѣдка пофыркивали наши истомившіяся лошади, да глухо брязгалъ кутасъ [1]) на одной изъ нихъ...

— Много лѣтъ назадъ, я еще ребенкомъ былъ,— заговорилъ одинъ изъ моихъ спутниковъ, пожилой киргизъ по имени Бохъ-басаръ, въ потертомъ лисьемъ малахаѣ [2]) и съ жидкой, окрашенной хною бороденкой;— кочевали мы какъ-то около Улутава, что въ Каркаралинскихъ горахъ... Такъ тоже, вотъ какъ сегодня, изъ-за дождей не могли перебраться черезъ рѣку одну... Бились, бились — дня четыре... Сколько

---

[1]) Большой бубенчикъ-глухарь, подвязываемый къ шеѣ лошади или верблюда.

[2]) Киргизскій мужской головной уборъ.

барановъ у насъ тогда погибло изъ-за этой рѣчки!..

— Отчего же погибли бараны, — спросилъ я, — потонули, что ли?..

— Зачѣмъ потонули... Больше отъ холода и голода... Все кругомъ объѣли; назадъ итти нельзя, впередъ — тоже нельзя. Буря съ дождемъ поднялась — собаки въ степи не видать было!.. Вотъ и начали падать...

— Да, холодный вѣтеръ съ дождемъ — это похуже зимняго бурана иногда, — вмѣшался въ разговоръ кашеваръ, наблюдавшій за варившейся въ котлѣ дрохвой; — помню, однажды мы съ братомъ сами чуть не погибли въ такую погоду близъ Джаканашъ-нора — озеро такое есть въ Тасъ-кура кумахъ... Спасли насъ только какіе-то русскіе — въ Джаркентъ пробирались...

— Тяжела бываетъ наша кочевая жизнь, — медленно произнесъ первый; — очень тяжела... А все же лучше, чѣмъ на одномъ мѣстѣ сидѣть, изъ одной юрты смотрѣть... Вѣдь вотъ и русскіе, хоть и привыкли къ другой жизни, а все-таки должно быть тоже любятъ кочевать — все бродятъ съ мѣста на мѣсто...

— Развѣ это они по доброй волѣ дѣлаютъ, — вступился я, — тѣсно имъ на родинѣ, прокормиться трудно — ну, и переселяются кому куда лучше кажется... Свободной земли ищутъ.

— Скоро и у насъ свободной земли не станетъ, — сердито вставилъ мой ямщикъ, рябой и

курносый Акылбай, тотъ самый, который днемъ такъ успѣшно завязилъ мой тарантасъ. — Все переселенцы расхватаютъ!.. Жадные они!..

Я сталъ доказывать, что это неправда. Земли въ киргизской степи еще очень много — къ тому же огромныя площади этихъ земелъ къ русскимъ никогда и не перейдутъ, какъ непригодныя для хлѣбопашества... Но пора и киргизамъ за умъ браться, нельзя вѣчно кочевать и только кочевать... Тамъ, гдѣ есть удобная почва, надо серьезно приняться за ея обработку, съ русскихъ примѣръ надо брать...

— Лучше я въ Китай уйду, — мрачно возразилъ Акылбай; — кочевниками мы родились — кочевниками и умремъ...

Въ отвѣтъ на это я сталъ разсказывать про Торгайскую область, гдѣ мѣстами киргизы давно уже перешли на осѣдлый бытъ, сѣютъ пшеницу, ячмень, и живутъ не хуже своихъ кочующихъ сородичей... Даже лучше, богаче... Джетачества [1]) у нихъ меньше, джуты [2]) имъ не страшны, питаются сытнѣе, живутъ чище...

— А все-таки лучше въ Китай уйти, — упрямился Акылбай; — тамъ въ Торгаѣ, вѣрно не киргизы живутъ, а выродки киргизскіе какіе-то...

— Вовсе не выродки, — горячо возразилъ я

---

[1]) Джетакъ—нищій, безхозяйный киргизъ.

[2]) Падежи скота во время зимней безкормилицы; въ тоже время этимъ словомъ киргизы называютъ гололедь, прекращающая доступъ скоту къ подножному корму.

ему; — а люди разумные, понимающіе... Подумай только — возможно ли расчитывать навсегда владѣть всей степью безраздѣльно?.. Всюду народъ множится, всюду людямъ становится тѣснѣе; выхода ищутъ — земля Божья, владѣетъ ею тотъ, кто больше надъ нею трудиться... Поэтому-то и вамъ, киргизамъ, надо отставать отъ прежнихъ привычекъ, не держаться старины во что бы то ни стало... стараться жить по новому...

— Да зачѣмъ такъ далеко искать, — неожиданно поддержалъ меня нашъ кашеваръ; — развѣ и у насъ киргизы не измѣнили свою жизнь;... Взять хотя бы Кара-иртысъ, теперь тамъ тоже многіе киргизы на поляхъ хлѣбъ сѣютъ — даже землю орошать научились, арыковъ [1]) по степи понакопали, воду изъ горъ провели... самъ видѣлъ... А раньше никто и не слыхалъ, чтобы тамошній народъ землю пахалъ!.. И живутъ себѣ ничего — не хуже насъ... То же, сказывалъ родичъ одинъ и на Мерке, въ Туркестанѣ...

Остальные киргизы молча и внимательно слушали нашъ разговоръ, но нельзя было понять, на чьей сторонѣ ихъ симпатіи...

— А что ты на это скажешь, Джумагалій, — обратился я къ одному изъ нихъ.

Тотъ замялся было,

— Не знаю, хозяинъ, — уклончиво отвѣтилъ онъ потомъ. — Я вѣдь джетакъ — не знаю ничего!..

[1]) Оросительныя канавы.

Конечно, кочевать можетъ быть и хорошо, но и на землѣ жить можно...

— Что онъ можетъ вамъ отвѣтить — вмѣшался Акылбай; — джетаку — что землю пахать, что чужой скотъ пасти, что въ городѣ работать — все одно... Отбился онъ отъ вольной жизни, забылъ, какъ отцы и дѣды жили... А дайте ему немного скота, да жену, да собственную юрту — такъ онъ ни за что отъ кочеванья не отстанетъ!.. Всѣ мы, казаки, такіе!...

— А вотъ вѣдь и онъ говоритъ, что на Кара-иртысѣ киргизы-земледѣльцы не худо живутъ, — сослался я на кашевара; — значитъ есть же добро и въ хлѣбопашествѣ...

Акылбай вспыхнулъ...

— Дуракъ онъ — вотъ и все!.. Ничего не понимаетъ... Тоже, байгусъ [1]), безъ рода, безъ племени!.. Въ работникахъ сколько лѣтъ служитъ — какой же онъ казакъ?..

— Я не казакъ? — горячо вступился Бояшъ за свою попранную честь... — Ахъ ты, черный лобъ!.. Да знаешь ли, что когда ты молоко еще сосалъ, такъ я уже кочевалъ давнымъ давно... И байбійчу [2]) имѣлъ, и юрту имѣлъ, и подать платилъ... Молокососъ, соплякъ, ишакъ [3]) кашгарскій!..

— Самъ ты ишакъ кашгарскій, — запальчиво

---

[1]) Тоже, что джетакъ.
[2]) Жена, хозяйка.
[3]) Оселъ.

отрѣзалъ Акылбай, даже поблѣднѣлъ... — Изъ ума, видно, выжилъ старый песъ, по русскимъ нанимаючись!..

Не успѣлъ я глазомъ моргнуть, какъ кашеваръ однимъ прыжкомъ очутился уже подлѣ Акылбая, мгновенно подмялъ его подъ себя и давай тузить кулакомъ по головѣ...

Всѣ мы повскакали съ мѣстъ и кинулись разнимать дерущихся. Въ результатѣ — подбитый глазъ у одного и прокушенный палецъ у другого... Оба дрожали какъ въ лихорадкѣ и молча таращили другъ на друга глаза...

— Вы несомнѣнно обезумѣли, — напустился я на нихъ, когда всѣ немного успокоились и пришли въ себя; — ни браниться, ни тѣмъ болѣе драться я при себѣ не позволю... Мы мирно путешествуемъ по степи, вмѣстѣ и ѣдимъ, и пьемъ, и спимъ — здѣсь не мѣсто для вражды!.. Послѣ, когда я васъ отпущу по домамъ, можете хоть горла другъ другу перегрызть а пока — каждый знай свое дѣло и только. Ты кашеваръ, ты ямщикъ — вотъ ваше прямое дѣло, для этого я васъ и нанималъ, а не затѣмъ, чтобы вы безобразничали!.. Если же кто изъ васъ не хочетъ, или не умѣетъ жить въ миру съ другими, пусть немедленно уходитъ — я и безъ него обуйдусь... Правъ ли я, казаки, — обратился я уже болѣе спокойнымъ тономъ къ остальнымъ киргизамъ, — или не правъ!.. Судите!..

— Хозяинъ правъ... конечно, правъ, — согласились тѣ.

— Въ пути не должно быть ни ссоръ, ни драки, — многозначительно добавилъ старикъ въ лисьемъ малахаѣ; — такъ и по адатамъ [1]) установлено... Изстари установлено... Ибо враждовать между собою странствующимъ большой грѣхъ — а, Кудаимъ ай [2]), какой тяжелый грѣхъ!..

— Слышите, что говоритъ аксакалъ, — обратился я къ подравшимся. — А теперь — сейчасъ же помиритесь, протяните другъ другу руки и да проститъ вамъ Кудай ваше вздорное безчинство... Ну — живо!..

Враги, правда, не слишкомъ охотно, но все-таки подчинились моему требованію. Затѣмъ кашеваръ угрюмо отошелъ къ своему казану, а Акылбай, съ потупленнымъ взоромъ, усѣлся на прежнее мѣсто. Молча разсѣлись по мѣстамъ и прочіе, и уставились въ огонь костра...

Я попытался было возобновить общій разговоръ, но всѣмъ, видимо, было не по себѣ, всѣ словно стыдились происшедшаго, и только отвѣчали на мои вопросы, да и то чрезвычайно скупо, какъ бы нехотя...

— А вѣдь сурпа-то готова, — нарушилъ, наконецъ, напряженное состояніе возгласъ каше-

---

[1]) Адатъ — обычай, устное право, въ противоположность шаріату — праву писанному.

[2]) О, Боже мой!

вара. — Эй, кто-нибудь!.. Давайте сюда блюдо, тащите казанъ!...

Къ моему удивленію, на этотъ призывъ первымъ поднялся Акылбай, и отнесъ своему недавнему противнику наше походное деревянное блюдо, которое тотчасъ же и притащилъ обратно съ выложенной на немъ дымящейся тушей дрохвы; потомъ пошелъ вторично и уже совмѣстно съ кашеваромъ принесъ казанъ съ сурпой и поставилъ его передъ нами.

— Не знаю только, понравится ли хозяину наше новое кушанье, — конфузливо произнесъ Бояшъ. — Что-то кажется сурпа не очень хороша, а дуодакъ, сколько его не вари — твердъ проклятый, какъ кремень... Эхъ, нѣтъ у насъ барана сегодня, а безъ барана — какая ѣда!.. Не правду ли я говорю, Акылбай?..

— Да, да, безъ барана плохая ѣда, — охотно согласился тотъ, и даже криво усмѣхнулся.

Примиреніе, очевидно, состоялось скорѣе, чѣмъ я могъ ожидать — и слава Богу!.. Зато кашеваръ оказался, къ сожалѣнію, сугубо правымъ. Его сурпа, дѣйствительно, никуда не годилась — наваръ изъ дохлой кошки былъ бы вѣроятно вкуснѣе... А самое мясо дрохвы — лучше и не вспоминать!.. По консистенціи оно походило на нѣчто среднее между камнемъ и деревомъ, приближаясь, однако, скорѣе къ первому!.. Словомъ, оба пресловутыя кушанья были совершенно несъѣдобны...

Сидѣвшій рядомъ со мною Акылбай тоже отвѣдалъ сурпы и выплюнулъ, потомъ взялъ въ ротъ кусокъ мяса — жевалъ, жевалъ и тоже выплюнулъ...

— Нѣтъ, это не ѣда — я поѣду за бараномъ, — неожиданно вскочилъ онъ на ноги; — возьму твою лошадь, Бохъ-басаръ, — обратился онъ къ киргизу въ малахаѣ; — она свѣжѣе другихъ — и поѣду... Я знаю, гдѣ тутъ аулъ долженъ быть!.. Недалеко...

Никто не рѣшился ему противорѣчить, и онъ исчезъ въ темнотѣ разыскивать нужную лошадь... Кашеваръ печально смотрѣлъ на свою неудавшуюся стряпню. Остальные безучастно молчали...

Спустя немного, Акылбай снова вынырнулъ изъ тьмы, но уже верхомъ.

— Зажгите только огонь на гребнѣ увала, — быстро проговорилъ онъ, — а то издали не видать нашего стана... я скоро вернусь...

Я вручилъ ему денегъ... Бохъ-басаръ преподалъ нѣсколько маршрутныхъ указаній — и онъ ускакалъ... Но долго еще былъ слышенъ ритмическій топотъ его коня по твердому степному грунту... И этотъ топотъ постепенно замиралъ, становился все слабѣе, все глуше, наконецъ — и вовсе затихъ...

Тогда Бояшъ предложилъ: пойдемъ на увалъ костеръ жечь, и, вставая, опрокинулъ котелъ съ негодной сурпой.

Всѣ киргизы поднялись за нимъ... Со мною остался одинъ Джумагалій, молодой джетакъ, хилый и изможденный, со сморщеннымъ безкровнымъ лицомъ... Я нанялъ его чисто случайно, всего наканунѣ...

— Если огонь потухнетъ, хозяинъ озябнетъ, — робко оправдывался онъ, когда мы остались одни, и въ доказательство своей полезности подбросилъ въ костеръ пукъ сухого курая... Потомъ привычнымъ жестомъ степняка-киргиза онъ поскребъ себѣ подъ халатомъ грудь... нѣсколько разъ оглянулся въ сторону, куда ушли наши спутники... опять почесался... искоса посмотрѣлъ на меня... еще добавилъ топлива...

Признаюсь, я слѣдилъ за его движеніями не совсѣмъ довѣрчиво — кто его знаетъ, что затѣялъ этотъ, почти невѣдомый мнѣ киргизинъ?.. Но вдругъ онъ обратился уже прямо ко мнѣ и, нерѣшительно указывая на дрохву, произнесъ:

— А мнѣ можно поѣсть этого?..

О, какъ мнѣ въ это мгновеніе стало совѣстно моихъ подозрѣній!.. Я сразу понялъ все — бѣднякъ былъ попросту голоденъ!.. И я поспѣшилъ закивать ему утвердительно головой...

Тогда онъ осторожно взялъ блюдо, перенесъ его поближе къ костру и присѣлъ передъ нимъ на корточки...

Теперь, когда я встрѣчаю иногда человѣка, обладающаго очень здоровымъ, пожалуй близкимъ къ обжорству аппетитомъ, или слышу разсказы на эту тему, до анекдотическихъ включительно — то неизмѣнно вспоминаю бѣднаго, отощавшаго Джумагалія, какъ онъ сидѣлъ на корточкахъ передъ костромъ и ѣлъ убитую мною дрохву...

Онъ съѣлъ ее всю — безъ остатка, тщательнѣйшимъ образомъ обгладывая кости, да еще послѣ долго осматривалъ каждую изъ нихъ, очевидно боясь упустить малѣйшій обрывочекъ мяса. И все это продѣлывалось имъ съ самымъ безстрастнымъ видомъ — неторопясь, аккуратно и методично...

Ѣлъ онъ очень долго! Думаю — свыше часа... И все это время безостановочно работали его челюсти, однообразно двигались и вздрагивали мускулы щекъ, и надувались и наливались кровью жилы на его пергаментной шеѣ. И мнѣ было явственно слышно, какъ безпомощно разрывалось и размалывалось подъ его зубами жесткое, волокнистое мясо, какъ жалобно хрустѣли крѣпкія сухожилья и связки могучей степной птицы, которая медленно, но неудержимо поглощалась бездоннымъ, казалось, желудкомъ этого маленькаго, испитого человѣчка...

Невольно уставился я на странное зрѣлище и, словно загипнотизированный, не могъ уже оторваться до конца!.. Было и любопытно и

вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то даже жутковато присутствовать такъ близко при этомъ диковинномъ, одиночномъ ужинѣ; въ немъ чувствовалось что-то противоестественно страшное, почти каннибальское!..

„Фараонова корова“ — промелькнуло, помню, у меня тогда въ головѣ; но нѣтъ — это сравненіе было слишкомъ блѣдно, слишкомъ малоразвыразительно!..

Джумагалій за ѣдой.

Наконецъ, Джумагалій кончилъ ѣсть. Въ послѣдній разъ внимательно пересмотрѣлъ онъ оставшіяся кости, еще поглодалъ нѣкоторыя изъ нихъ, затѣмъ бережно собралъ объѣдки и, отнеся ихъ въ сторону отъ костра, выбросилъ въ темноту...

— Ты былъ, вѣроятно, очень голоденъ,— спросилъ я его, когда онъ возвратился и снова сѣлъ на корточки подлѣ огня.

Джумагалій повернулъ ко мнѣ свое улыбающееся, слегка порозовѣвшее лицо...

— Давно не ѣдалъ я такъ хорошо,— медленно отвѣтилъ онъ;— только зачѣмъ кашеваръ опрокинулъ казанъ — я бы еще похлебалъ немного супы...

О, Господи!..

БАЙГА.

Это было въ Джеминећ [1]) ... Сидя у выходившаго во дворъ окна, я допивалъ утренній чай и отъ нечего дѣлать наблюдалъ, какъ мой хозяинъ, достопочтенный Андрей Савельичъ, „мистеръ“ Филимоновъ, вооруженный громадной метлой, истово наводилъ порядокъ въ своихъ владѣніяхъ.

„Мистеромъ“ прозвали Филимонова не безъ основанія... Въ молодости онъ эмигрировалъ въ Америку, сначала былъ тамъ фермеромъ на западѣ, потомъ перебрался въ Филадельфію, гдѣ завелъ парусную мастерскую, наконецъ, въ погонѣ за наживой попалъ на Клондайкъ, но послѣ какой-то загадочной исторіи вынужденъ былъ бѣжать обратно въ Россію, и очутился... въ Джеминећ. Здѣсь, на первыхъ порахъ, онъ тоже пристроился было къ золотоискательству, но вскорѣ бросилъ это ремесло окончательно, а взамѣнъ набралъ оркестръ музыкантовъ и даже самолично дирижировалъ имъ; когда же и эту затѣю постигла неудача, Филимоновъ неожиданно для всѣхъ превратился въ пекаря и

---

[1]) Такъ киргизы называютъ городъ Зайсанъ.

сталъ снабжать Джеминейскихъ обывателей сдобными булками и печеньемъ, которыхъ они раньше никогда въ глаза не видали. Одновременно онъ состоялъ агентомъ какого-то страхового общества и содержалъ почтовую станцію, при чемъ охотно замѣщалъ ямщиковъ и, повидимому, искренно увлекался непомѣрно шибкой ѣздой...

Въ описываемое мною время, сей бывшій гражданинъ великой заморской республики, былъ ражимъ дѣтиной лѣтъ 45, съ глазами снулаго судака и огромной, почти по поясъ, огненно-красной бородой, которую онъ, въ часы хлѣбопеченія, для удобства обвязывалъ, словно кашне, вокругъ шеи. Жилъ онъ холостякомъ и мало съ кѣмъ водилъ знакомство, а единственное мѣсто, которое посѣщалъ часто — это, городской садъ: тамъ можно было встрѣтить его вечерами, почти ежедневно. Медлительно и важно прогуливался онъ по аллеямъ, всегда въ черномъ, наглухо застегнутомъ сюртукѣ и круглой шляпѣ, и, глядя на него, нельзя было даже предположить, чтобы этотъ солидный, преисполненный сознанія своихъ достоинствъ мужчина, не болѣе какъ нѣсколько часовъ назадъ, собственноручно мѣсилъ тѣсто или, въ качествѣ ямщика, лихо горланилъ съ облучка тарантаса на лошадей...

Вдругъ Филимоновъ прекратилъ подметать дворъ и крикнулъ куда-то въ пространство:

„дома, дома!.. Пожалуйте черезъ парадный ходъ — тамъ отперто“... А затѣмъ обратившись ко мнѣ, добавилъ: „васъ господинъ какой-то видѣть желаетъ“...

Оказалось — одинъ изъ мѣстныхъ моихъ пріятелей...

— А я къ вамъ, собственно, вотъ зачѣмъ, — заявилъ онъ, присаживаясь къ столу; — поѣдемте-ка сейчасъ на байгу — вѣдь вы ни разу не видали еще киргизской байги [1])?.. Это недалеко отсюда, верстахъ въ двадцати пяти, на урочищѣ Токту-кутанъ, въ Саурѣ... Меня еще вчера туда приглашали, да все некогда было забѣжать къ вамъ...

— Кто же васъ приглашалъ, — полюбопытствовалъ я.

— Самъ устроитель байги, Альджанъ Тобагуловъ — Кендерлыкскій киргизинъ... Очень богатый человѣкъ... У него, видите ли, недавно старикъ-отецъ умеръ — въ Меккѣ, что ли — такъ вотъ, теперь онъ и устраиваетъ по немъ поминки... Пропасть народу созвалъ — тысячи три, говоритъ... Интересно будетъ, право — поѣдемте!..

— Да чего вы меня угововаривaете — я и такъ ничего противъ вашей байги не имѣю, — поспѣшилъ я успокоить моего собесѣдника...— Вотъ выпейте пока стаканчикъ чаю, а я, тѣмъ временемъ, соберусь, прикажу лошадей запречь...

---

[1]) Скачка на призы.

— Ну, ладно!.. Вотъ и отлично, — обрадовался тотъ и пересѣлъ ближе къ самовару...

Пока я дѣлалъ необходимыя распоряженія, мой пріятель успѣлъ сообщить нѣкоторыя подробности предстоявшаго намъ зрѣлища. Оказалось, что собственно поминки (ассъ) начали справлять еще вчера — цѣлый день киргизы ѣли и пили въ честь покойника... Самая же „байга“ — конская скачка, и „кюросъ“ — борьба на призы, т. е., наиболѣе интересная часть программы, назначены именно на сегодня. Участвуетъ свыше сотни скакуновъ, при чемъ первый призъ — цѣлый табунокъ въ двадцать лошадей, да въ придачу рублей на триста серебра китайскими ямбами... Любопытенъ и самъ устроитель празднества Тобагуловъ: онъ еще не старый человѣкъ, побывалъ нѣсколько разъ за границей — въ Турціи, въ Парижѣ, говоритъ, между прочимъ довольно сносно по-французски и, въ общемъ, почти интеллигентенъ, что среди киргизовъ встрѣчается чрезвычайно рѣдко... Теперь, послѣ смерти отца, онъ сталъ однимъ изъ богатѣйшихъ людей въ округѣ...

— Кстати, — внезапно прервалъ свое повѣствованіе мой пріятель; — вы не вздумайте брать съ собой какой-нибудь снѣди... Тамъ все это припасено для насъ, и юрта отдѣльная поставлена, и даже... вино по вашему вкусу найдется... Я предупредилъ Альджана — онъ обѣщалъ все устроить въ лучшемъ видѣ...

— Въ такомъ случаѣ — ѣдемъ... Я готовъ.

Мы вышли на крыльцо, къ которому была уже подана заказанная мною почтовая тройка, но къ моему удивленію, на облучкѣ, вмѣсто ямщика, преважно возсѣдалъ самъ Андрей Савельевичъ въ неизмѣнномъ котелкѣ и черной сюртучной парѣ, что выглядѣло въ достаточной мѣрѣ комично.

— Захотѣлось и мнѣ на байгу съѣздить, — пояснилъ онъ какъ бы въ оправданіе; — можетъ быть присмотрю тамъ у киргизишекъ какую лошадку — смѣнить бы слѣдовало вотъ эту... и онъ ткнулъ концомъ кнутовища въ лѣвую пристяжную.

— Да вы бы лучше съ нами сѣли, Андрей Савельичъ, — предложилъ я; — вѣдь ямщики свободные у васъ навѣрно есть, а въ тарантасѣ найдется мѣсто и для троихъ...

— Нѣтъ, ужъ — не стоитъ, — возразилъ Филимоновъ; — благодарю васъ... мнѣ и тутъ удобно... Да безъ ямщика и груза меньше — а дорога-то не легкая, все въ гору, да въ гору...

— Ну какъ знаете!..

Мы усѣлись, и рѣзвыя лошади дружно рванулись впередъ.

Быстро проѣхали мы городокъ, миновали кладбище, перебрались въ бродъ черезъ кипучую горную рѣчку Джеминейку и, проскакавъ еще съ версту ровной, каменистой дорогой,

очутились въ предгорьѣ Саура — такъ называемомъ Кишкинетау...

Изрѣдка нагоняли мы верховыхъ киргизовъ, которые то въ одиночку, то небольшиму группами двигались по одному направленію съ нами. Одного изъ нихъ мой пріятель обозналъ и окликнулъ...

— Э, Габидулла, аманъ-ба!..[1])

Это былъ молодой еще человѣкъ, въ рваномъ халатѣ и старой, европейскаго образца фетровый шляпѣ. За его спиной, на крупѣ лошади, приземистой и неуклюжей, примостился мальчишка лѣтъ восьми.

---

[1]) Здравствуй!..

Киргизъ, поздоровавшись, поѣхалъ рядомъ съ нами...

— Ѣду счастья добывать, тюре,—беззаботно отвѣтилъ онъ на вопросъ моего спутника.— Прійдетъ мой конь первымъ — сразу разбогатѣю, женюсь, хозяиномъ заживу...

— А если не прійдетъ?..

— Что же?.. Опять джетачить [1]) буду по-прежнему — не привыкать!.. Коня хозяину назадъ отдамъ — приметъ хоть за полцѣны... Но я не боюсь!.. Сегодня, я знаю — буду съ удачей!.. Сонъ такой видѣлъ, — таинственно добавилъ онъ, понизивъ голосъ.

Изъ дальнѣйшаго выяснилось, что Габидулла, въ надеждѣ на первый призъ, выпросилъ у своего хозяина, довольно состоятельнаго киргизина, одну изъ его лошадей, которая отличалась особой рѣзвостью и однажды уже выиграла скачку. Но за это одолженіе бѣдняга жестоко закабалялъ себя — за одно пользованіе лошадью для скачки онъ обязывался безмездно прослужить цѣлый годъ, въ случаѣ же какой-либо порчи, или увѣчья отданнаго ему на подержаніе коня срокъ этого дарового отработка могъ возрасти до 20 лѣтъ — въ зависимости отъ обстоятельства и... доброй воли хозяина.

Развѣ это не рабство?...

И договоръ этотъ былъ заключенъ, конечно,

---

[1]) Джетакъ — обнищавшій, безхозяйный киргизъ.

письменно, и даже скрѣпленъ тамгами [1]) нѣсколькихъ стариковъ-сородичей, которые тѣмъ самымъ какъ бы ручались за точное его соблюденіе обѣими сторонами.

Я поинтересовался, зачѣмъ Габидулла везетъ съ собою мальчика.

— Это мой братъ — онъ и скакать будетъ, — пояснилъ тотъ. — Скачка не легкая — начнется отъ Джеминея... Три таша [2]) будетъ...

Нечего сказать — условія!.. Вѣдь это около 25 верстъ, да еще все время горами... Понятно, что взрослаго человѣка на такой пробѣгъ никакая лошадь не выдержитъ...

— Какъ вы думаете, возьметъ онъ призъ? — спросилъ я моего спутника, когда киргизъ отсталъ...

— Едва ли... Лошадь навѣрно испорчена послѣ первой же байги — рѣдкая лошадь выдерживаетъ ихъ благополучно и, главнымъ образомъ, благодаря неимовѣрно тяжелымъ условіямъ пробѣга, которыя почему-то въ модѣ у киргизовъ. Вы сами слышали каково протяженіе скачки: легко сказать — три таша!.. А бываетъ и больше, до 50 верстъ иногда доходитъ!.. Кромѣ того, конь не въ порядкѣ, не тренированъ, закормленъ... Другіе мѣсяцами готовятся къ скачкамъ, а Габидулла только-что получилъ его въ руки...

---

[1]) Родовой знакъ, въ родѣ печати.

[2]) Киргизская мѣра разстоянія — около восьми верстъ.

— Значитъ — впереди, чуть не пожизненная кабала?..

— Да... Скорѣе всего... Особенно если скакунъ падетъ, что тоже случается на байгахъ частенько.. Я давно знаю этого киргизина — нѣсколько лѣтъ назадъ онъ даже служилъ у меня за кучера — и еще на-дняхъ отговоривалъ его пускаться въ эту авантюру. Но онъ былъ такъ окрыленъ вѣрой въ успѣхъ, что мои увѣщанія, какъ видите, пропали даромъ... Впрочемъ, киргизы вообще до-нельзя упрямы и страстно любятъ азартъ, рискъ — въ душѣ, всѣ они азартные игроки...

Дорога шла все круче и круче въ гору. Все чаще попадались намъ киргизы, спѣшившіе какъ и мы, на байгу. Обогнали мы и нѣсколькихъ скакуновъ, которыхъ вели туда же: все это были поджарые, жилистые кони, съ длинным, веретенообразнымъ туловищемъ и глубокой грудью... Меня, между прочимъ, поразилъ особый блескъ глазъ у нѣкоторыхъ изъ этихъ лошадей...

— Подпаиваютъ чѣмъ-то, — пояснилъ мой пріятель; — самостоятельно до доппинга додумались, подлецы...

Наконецъ мы пріѣхали на Токту-кутанъ — мѣсто пресловутыхъ поминокъ... Это была обширная, почти круглая поляна, окаймленная со всѣхъ сторонъ печальными, выжженными лѣтнимъ зноемъ горами, по бурымъ склонамъ ко-

торыхъ только кое-гдѣ золотились тощія заросли коряваго карагайника [1]). Все это пространство было биткомъ набито народомъ — казалось, сюда собралась вся округа, отъ мала до велика... Тысячи киргизовъ всѣхъ возрастовъ, положеній и состояній, сидѣли и стояли тутъ тѣсными группами; подобно яркому цвѣточному ковру пестрѣли на горячемъ солнцѣ ихъ малахаи и тюбетейки [2]), и сдержанное гудѣнье голосовъ переливалось въ неподвижномъ воздухѣ, напоминая собою отдаленный шумъ немолчнаго моря... Среди толпы, въ разныхъ направленіяхъ, сновали верховые, бѣгали полуголые киргизята, разнося воду въ кожаныхъ турсукахъ [3]) и жестяныхъ чайникахъ, уныло бродили, въ ожиданіи подачки, невѣдомо откуда набравшіяся собаки... Вдоль одного края поляны было разбито нѣсколько юртъ, среди которыхъ тонкими, колеблющимися струями лѣниво вились къ небу голубоватые дымки очаговъ — и, временами, оттуда доносилось жалобное блеянье барановъ и конское ржанье... Несмотря на относительно ранній часъ, было уже жарко и душно; пахло навозомъ, свѣжимъ овечьимъ саломъ, человѣческими испареніями...

Насъ, видимо, ждали. Не успѣли мы вылѣзть изъ тарантаса, какъ самъ хозяинъ, Альджанъ

---

[1]) Особый видъ мѣстнаго древовиднаго кустарника.
[2]) Киргизскіе мужскіе головные уборы.
[3]) Особые мѣшки изъ прокопченой кожи.

Тобагуловъ, былъ уже возлѣ насъ и, ослѣпительно сверкая зубами, трясъ намъ, по-европейски, руки...

— Я радъ видѣть тюре у себя, — картавилъ онъ по моему адресу на довольно нескладномъ русскомъ языкѣ, — я очень радъ, очень радъ!..

Это былъ огромный мужчина въ бѣломъ чесунчевомъ костюмѣ и съ турецкой феской на головѣ, которую онъ защищалъ отъ солнца какимъ-то маленькимъ, скорѣе дамскимъ зонтикомъ, совсѣмъ не подходившимъ къ его внушительной фигурѣ. Онъ любезно пригласилъ насъ въ юрту, у дверей которой, при нашемъ приближеніи, молодцовато вытянулся молодой, бѣлобрысый стражникъ — единственный представитель русской власти на киргизскомъ торжествѣ.

Самая юрта оказалась очень просторной, чисто прибранной. Полъ былъ устланъ мягкой кошмой, по стѣнамъ висѣли расшитые коврики, а посрединѣ стоялъ накрытый камчатной скатертью столъ и нѣсколько вѣнскихъ стульевъ...

— Милости прошу... Будьте какъ дома, — произнесъ при входѣ въ юрту Альджанъ, сопровождая свои слова нѣсколько театральнымъ жестомъ руки. — Закусить съ дороги не желаете ли?..

И, не дожидаясь отвѣта, крикнулъ въ пространство:

— Эй, Идрисъ!.. Скорѣе самоваръ!..

— Хазръ, хазръ [1]), — послышался отвѣтъ.

Насилу удалось намъ отбояриться отъ слишкомъ навязчиваго хлѣбосольства Тобагулова, который затѣялъ кормить насъ съ утра чуть не цѣлымъ обѣдомъ — не за этимъ же мы пріѣхали сюда — и, наскоро проглотивши по стакану чая, мы вышли изъ юрты...

И это было какъ разъ во-время — происходила запись и мѣтка лошадей, принимавшихъ участіе въ скачкѣ. Всей процедурой завѣдывалъ знакомый намъ полицейскій стражникъ.

— Нумеръ 52! — кричалъ онъ сиповатымъ теноркомъ, — кто нумеръ 52?.. Ты?.. Ну такъ подъѣзжай сюда!.. Чья лошадь?.. Майкутя Итбаева?.. Жеребецъ — меринъ?.. Сколькихъ лѣтъ?.. Масти чалой... Грива на правую сторону...

Все это онъ наскоро записывалъ на листѣ бумаги и ставилъ мѣломъ нумеръ на спинѣ наѣздника киргизенка.

— Становись въ сторону!.. Да шевелись же, не задерживай!.. Слѣдующій — нумеръ 53!.. Гдѣ нумеръ 53?.. Лошадь чья?.. Галія Бійсекова?.. Кобыла... Пѣгая... Бѣльмо на лѣвомъ глазу... Сколько лѣтъ?.. Дуракъ — да не Галію, а лошади... Не знаешь?.. Ну, все равно... Отъѣзжай!.. Нумеръ 54!..

---

[1]) Сейчасъ!..

Запись велась удивительно быстро — стражникъ, видимо, старался превзойти самого себя въ расторопности и распорядительности...

— Я нарочно упросилъ начальника отпустить мнѣ именно его, — пояснилъ намъ Альджанъ; — съ другимъ — мы провозились бы нѣсколько часовъ, а у этого все такъ и горитъ!.. такъ и горитъ!.. Молодецъ!.. Джигитъ!..

А несчастный „молодецъ“ тѣмъ временемъ взывалъ совсѣмъ уже охрипшимъ голосомъ:

— Нумеръ 71!.. Кто нумеръ 71?..

Наконецъ, всѣ скакуны переписаны, всѣ всадники занумерованы... Всего оказалось ихъ сто девятнадцать...

— Ну, съ Богомъ!.. Айдате!.. — скомандовалъ стражникъ. — И намаешься же съ ними, ваше благородіе, — неожиданно обратился онъ ко мнѣ, отирая ладонями потъ, который совсѣмъ смочилъ его загорѣлое лицо; — такой безпонятливый народъ это киргизье... Сущая орда — якори ихъ душу!..

Всадники, все мальчуганы лѣтъ 8—10, шумливой толпою тронулись въ путь. Имъ предстояло ѣхать до города, откуда собственно и должна была начаться скачка, конечнымъ пунктомъ которой являлась поляна, гдѣ находились мы. Вмѣстѣ съ ними поѣхало и десятка полтора взрослыхъ киргизовъ въ качествѣ распорядителей, для организаціи первона-

чальнаго старта и наблюденія за правильностью дальнѣйшаго пробѣга.

— А теперь, можно начать и борьбу, — громогласно заявилъ Тобагуловъ, когда всадники удалились. — Кто, казаки, хочетъ бороться первымъ?.. Выходите сюда — жребій брать...

Нѣсколько человѣкъ какъ-то нерѣшительно выступили впередъ изъ толпы... Ничего особенно геркулесовскаго они, однако, не представляли — такъ себѣ, самые рядовые, сѣрые киргизы... Въ результатѣ жеребьевки, сущность которой я не совсѣмъ понялъ, оказалось, что первой парой должны бороться Биктемиръ Гилмановъ съ Кокаемъ Даулбаевымъ, о чемъ не безъ торжественности и оповѣстилъ во всеуслышаніе Альджанъ.

Толпа тотчасъ же разступилась въ разныя стороны, освобождая мѣсто для борьбы...

— Аманбай, Аманбай, Аманбай!.. — вдругъ завопилъ совсѣмъ около насъ какой-то старенькій, съ накрашенной бородою киргизъ, сердито потрясая въ воздухѣ зеленой палкой, рукоятка которой заканчивалась грубой рѣзьбой въ видѣ пучка листвы.

— Токсанбай, Токсанбай, Токсанбай!.. — немедленно сталъ ему вторить другой, съ неменьшимъ азартомъ размахивая такимъ же страннымъ орудіемъ...

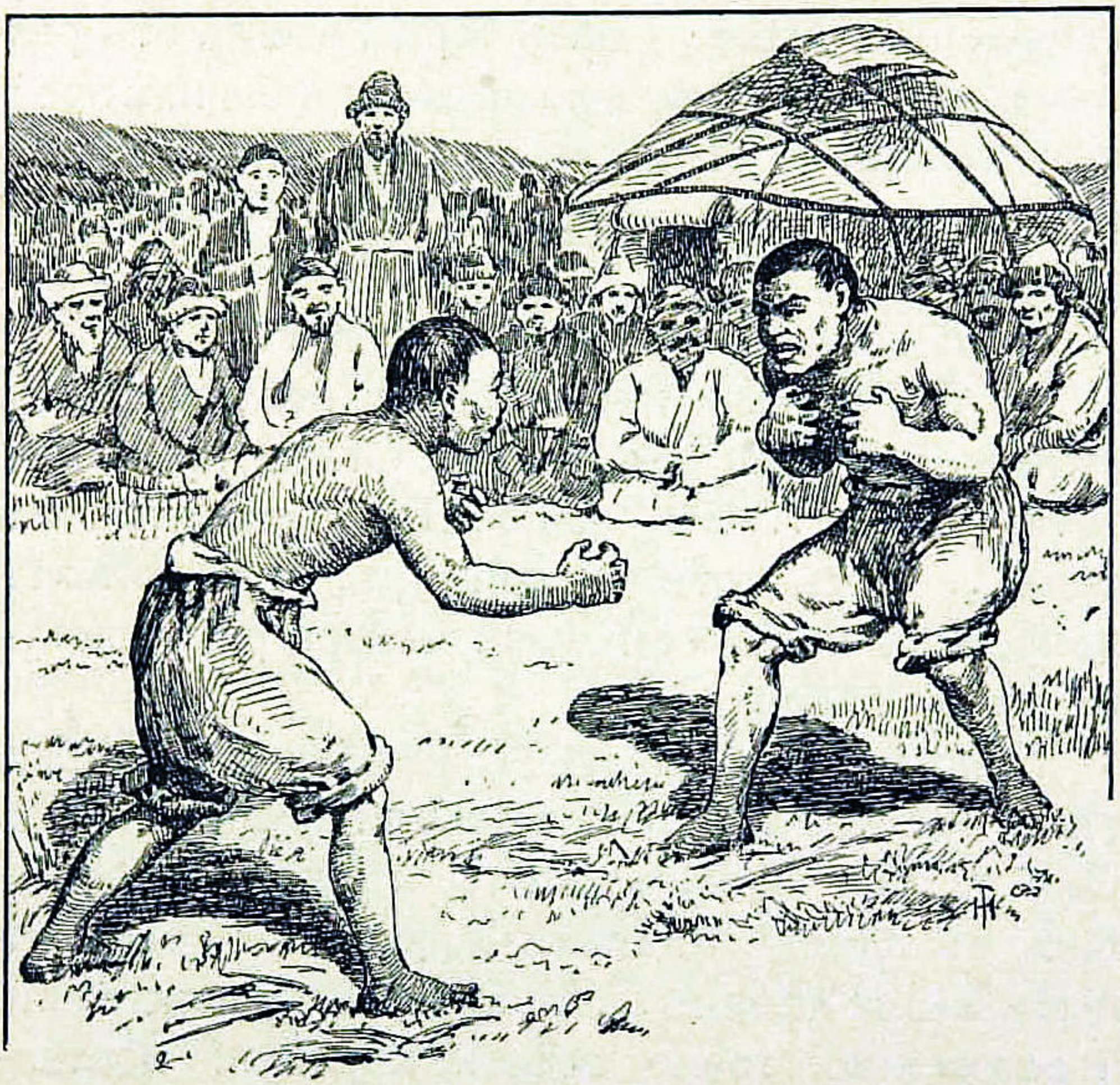
— Это — уранъ... Призывъ къ предкамъ о помощи въ предстоящей борьбѣ,—пояснилъ мнѣ

Альджанъ. — Вѣдь у насъ борцы всегда отъ разныхъ родовъ — они являются какъ бы ихъ представителями... И потому удача или пораженіе — вопросъ уже не личной, а какъ бы родовой чести...

— А зеленыя палки при чемъ?..

— Обладатели ихъ — хаджи, побывавшіе въ Меккѣ... Оттуда всѣ наши киргизы привозятъ такія палки... Это наиболѣе уважаемые въ родѣ... Вотъ тотъ, напримѣръ, что кричитъ напротивъ насъ — онъ уже четыре раза ходилъ къ гробу пророка...

А потомки славныхъ Токсанбая и Аманбая, тѣмъ временемъ, уже наступали другъ на друга. Они успѣли скинуть халаты и рубахи, и остались въ однихъ штанахъ, короткихъ, подсученныхъ выше колѣнъ... Крадучись, медлительно и осторожно, точно звѣри, кружили противники по очищенному для борьбы пространству, и, постепенно сближаясь, съ какими-то хищными ухватками изгибали свои загорѣлые торсы, и скалили зубы, и угрожающе поводили глазами... И руки ихъ, съ судорожно искривленными пальцами, то тянулись впередъ, будто стараясь нащупать и поймать врага, то стремительно прижимались къ тѣлу — и тогда, борцы принимались царапать себѣ грудь и колотили по ней кулаками, и, время отъ времени, пріостановившись въ выжидательныхъ позахъ, издавали какое-то глухое, совсѣмъ не человѣ-

Борцы.

ческое рычанье, полное гнѣва и ужаса... Прелюдія къ борьбѣ, правду сказать, ничего добраго не предвѣщала!..

— Вы не подумайте, что они дѣйствительно такъ ожесточены или враждебны, — съ улыбкой отвѣтилъ Альджанъ на мой опасливый вопросъ: — Это, вѣдь такъ только, для вида — чтобы казаться посвирѣпѣе... Они подражаютъ джолбарсамъ [1])!..

---

[1]) Тигры.

Но какъ разъ въ это мгновенье „джолбарсы“ неожиданно сцѣпились и давай ловить другъ друга за шею, за плечи, за руки... И, тискаясь въ мгновенныхъ объятіяхъ, они то отскакивали въ разныя стороны съ широко раскрытыми, обезумѣвшими глазами, словно въ приливѣ паническаго страха, то опять съ легкостью кошекъ бросались впередъ, и сходились вплотную и, сплетясь въ одно, казалось, неразрывное цѣлое, грузно топтались на мѣстѣ, тяжко сопя и обливаясь потомъ... Было видно, какъ напружались и трепетали мускулы борцовъ, какъ наливались кровью ихъ лица и жилы на шеяхъ, какъ цѣпкіе пальцы ихъ впивались въ упругое, бронзовое тѣло, и скользили по немъ, и опять хватались, жадно и торопливо...

А кругомъ—на фонѣ безжизненныхъ, обожженныхъ солнцемъ скалъ, молчаливая, сосредоточенная толпа зрителей, съ упорнымъ участіемъ ловившая каждый шагъ, каждое движеніе борющихся, и надо всѣмъ — блѣдноголубое, безоблачное южное небо, съ чуть примѣтной точкой парящаго беркута въ глубинѣ...

Вдругъ... какой-то неуловленный мною пріемъ — и оба противника очутились на землѣ!.. И тотчасъ же слишкомъ долго напряженное ожиданіе смѣнилось невѣроятной сумятицей!.. Всѣ киргизы съ дикими воплями разомъ повскакали со своихъ мѣстъ, нѣкоторые, въ порывѣ увлеченія, бурно кинулись къ упавшимъ

борцамъ, слѣдомъ за нимъ другіе, еще и еще — и чрезъ мгновенье, на мѣстѣ борьбы образовалась цѣлая груда тѣлъ, которыя безпомощно барахтались и давили другъ друга... Всѣ неистово визжали и выли, старцы, съ искаженными лицами, изступленно потрясали своими зелеными палками. Альджанъ метался изъ стороны въ сторону, хваталъ ближайшихъ киргизовъ за полы азямовъ и что-то кричалъ, надрываясь, но его, конечно, никто не слушалъ, да и самый голосъ его тонулъ въ общемъ гамѣ...

Словомъ, сутолока стояла совершенно неописуемая!..

Но разрѣшился весь этотъ сумбуръ столь же быстро, какъ возникъ, и не менѣе неожиданно... Въ роли ангела-усмирителя явился нашъ стражникъ. Верхомъ на конѣ, неустрашимо врѣзался онъ въ самую гущу толпы и хлесткіе удары его нагайки посыпались направо и налѣво... Досталось всѣмъ — и правому и виноватому, на всякій случай, попало даже одному изъ хаджей!.. Зато, порядокъ оказался возстановленнымъ почти моментально...

Какъ напуганное стадо, хлынули киргизы въ разсыпную, спасая свои грѣшныя шкуры, и и не успѣлъ я еще какъ слѣдуетъ оцѣнить всю мѣру проявленнаго воздѣйствія, какъ арена уже опустѣла — на ней остался одинъ стражникъ, съ побѣдоносно поднятой въ рукѣ плетью,

а у ногъ его лошади, поверженные въ прахъ, корчились въ тѣсныхъ объятіяхъ, лежа одинъ на другомъ, оба борца...

— Кокай побѣдилъ!.. Кокай!.. Кокай!.. — послышались возгласы, и сіяющій побѣдитель получилъ изъ рукъ Альджана призъ — болѣе чѣмъ скромный — небольшой отрѣзокъ краснаго кумача, съ которымъ онъ поспѣшно и скрылся въ толпѣ...

Послѣдующія схватки были рабскимъ подражаніемъ первой. Борцы сходились съ такими же пріемами, такъ же скалили они зубы и рычали, такъ же неизмѣнно, послѣ паденія ихъ на землю, всѣ киргизы вскакивали и бросались къ нимъ, а стражникъ безжалостно разгонялъ ихъ нагайкой... И призы были все тѣ же — небольшіе отрѣзы кумача...

Мнѣ начинало уже пріѣдаться однообразіе этого зрѣлища, какъ вдругъ, послѣ одной изъ схватокъ, на кругу появился достопочтенный мистеръ Филимоновъ и выразилъ желаніе испытать и свои силы...

— Кто выйдетъ противъ меня, казаки? — крикналъ онъ по-киргизски. — Выходи, выходи смѣлѣе, не бойся — оставлю въ живыхъ!.. — Выходи только!..

Бороться съ нимъ вызвался какой-то приземистый, толстопузый киргизинъ, представлявшій смѣхотворнѣйшій контрастъ съ длинной и худой фигурой нашего американца.

Андрей Савельичъ сначала внимательно оглядѣлъ своего противника, потомъ, не торопясь, скинулъ сюртукъ, снялъ галстухъ, методически отстегнулъ рукавчики и воротничекъ отъ рубашки, и, послѣ нѣсколькихъ довольно неуклюжихъ подходовъ, схватился съ киргизомъ... Послѣдній мгновенно очутился на воздухѣ и, поигравъ имъ, какъ ребенкомъ, въ рукахъ, Андрей Савельичъ со всего размаха швырнулъ его внизъ, сразу припечатавъ обѣими лопатками къ землѣ!.. Вся схватка длилась не болѣе десятка секундъ... Всѣ кругомъ загоготали и пуще всѣхъ нашъ амфитріонъ, Тобагуловъ.

— Вотъ такъ палуанъ!.. Настоящій палуанъ!..— голосилъ онъ, захлебываясь.— Какъ хорошо!.. Какъ ловко!..

— А ну, казаки, кто покрѣпче — выходи еще, — старался его перекричать среди общаго гомона разгорячившійся Филимоновъ. — Выходи!.. Язви васъ!..

Выступилъ еще борецъ, но и его постигла участь перваго — не прошло минуты, какъ онъ лежалъ распластанный на спинѣ, а Андрей Савельичъ, мгновенно вскочивъ на ноги, вызывалъ уже третьяго противника... Съ этимъ, вѣроятно болѣе сильнымъ, чѣмъ предыдущіе, американецъ расправился нѣсколько круто — загнулъ ему какой-то, видимо, очень болѣзненный пріемъ, такъ что киргизъ не выдер-

жалъ, и съ трудомъ поднявшись съ земли, сердито обругалъ своего побѣдителя шайтаномъ [1])...

— Ну, будетъ съ васъ, — заявилъ послѣ этого Андрей Савельичъ; — нѣтъ должно быть между вами борца по мнѣ — и сталъ пристегивать воротничекъ...

— Да вы форменный атлетъ, — обратился къ нему мой пріятель. — Я и не подозрѣвалъ, что вы обладаете такими познаніями въ борьбѣ...

— Было время, — не безъ скромности отвѣтилъ Филимоновъ, — вѣдь я когда-то силачемъ въ циркѣ служилъ... Въ Америкѣ еще...

Этого только не хватало!..

Однако, выступленіе Андрея Савельича замѣтно разладило борьбу. Киргизы, казалось, чувствовали себя сконфуженными, а, можетъ быть, и уязвленными троекратной побѣдой русскаго — по крайней мѣрѣ выступали они съ явной неохотой и боролись безъ прежняго подъема... Чтобы не портить имъ окончательно удовольствія, мы порѣшили на время освободить ихъ отъ нашего присутствія и, въ сопровожденіи Альджана, ушли къ себѣ въ юрту... Кстати, это было и своевременно — солнце начинало припекать уже въ серьезъ, горло давно пересохло отъ жары и пыли, а

---

[1]) Дьяволомъ.

въ желудкѣ ощущалась нѣкая, несомнѣнно вредная пустота.

. . . . . .

. . . . . .

— Ваше благородіе!.. Ваше благородіе — всадники показались, — неожиданно оповѣстилъ насъ стражникъ, просовывая голову въ дверь юрты; — уже недалечко — пожалуйте скорѣй.

Мы вышли... Вся многотысячная толпа киргизовъ была уже на ногахъ, и обернувшись въ сторону Джеминейской дороги, сосредоточенно уставилась туда. Люди стояли такой плотной стѣной, такъ были увлечены предстоящимъ зрѣлищемъ, что пробиться на болѣе открытое мѣсто, откуда и мы могли бы хоть что-нибудь увидѣть, рѣшительно не представлялось возможнымъ — думаю, что даже стражникъ со своей камчей [1]) спасовалъ бы передъ этой задачей... Поэтому, въ качествѣ обсерваціоннаго пункта, пришлось избрать стоявшій неподалеку нашъ же тарантасъ, куда мы поспѣшно и влѣзли всѣ четверо...

Далеко віясь среди ущелья, тянулась узкая, прерывистая лента дороги, которая то исчезала за выступами скалъ, то опять появлялась изъ-за нихъ, постепенно теряясь въ голубоватой дымкѣ горныхъ далей. Было видно, какъ по ней медленно двигалось нѣсколько небольшихъ облачковъ пыли — одни подальше, другіе ближе

[1]) Нагайка, плеть.

къ намъ... То были передовые наѣздники, но за разстояніемъ невозможно было еще разсмотрѣть ихъ, какъ слѣдуетъ — долго не удавалось это даже зоркимъ глазамъ Альджана... Но когда, наконецъ, ближайшій всадникъ снова показался на одномъ изъ поворотовъ дороги, онъ воскликнулъ:

— А вѣдь это лошадь Доспая Сарымсакова!.. Навѣрно она... Какъ ты думаешь, Галій?— обратился онъ къ одному старому киргизину, который тоже взобрался на подножку нашего тарантаса и отсюда, совмѣстно съ нами, внимательно слѣдилъ за скачкой.

— Вѣдь правда — она?..

— Должно быть, она,— не торопясь, отвѣтилъ тотъ;— старъ я сталъ, глаза плохо видятъ... Не вижу, на какую сторону грива лежитъ — у той, я знаю, на правую...

А я, жалкій европеецъ, вооруженный очками и биноклемъ, не могъ бы сколько-нибудь точно опредѣлить даже масти этой лошади!..

По мѣрѣ того, какъ приближался скакунъ, любопытствующая, настороженная толпа киргизовъ постепенно продвигалась все впередъ, все ближе тѣснясь къ мѣсту финиша, гдѣ у врытаго въ землю столба должна была произойти знаменательная развязка состязанія...

Тяжко скакалъ передовой конь — теперь я могъ уже свободно его разсмотрѣть... Широко раздувъ ноздри и какъ-то неестественно

вытянувъ впередъ длинную, худую шею, шелъ онъ замедленнымъ галопомъ, замѣтно припадая на правую ногу... Во всѣхъ его движеніяхъ, напряженныхъ до крайности, чувствовалась страшная, безысходная усталость, но въ то же время было ясно, что побѣда обезпечена, все-таки, за нимъ: черезчуръ уже большой просвѣтъ, саженей въ полтораста, отдѣлялъ его отъ слѣдующаго, ближайшаго къ нему соперника, да и тотъ, видимо, былъ измученъ не меньше и скакалъ также изъ послѣднихъ силъ...

Ѣздокъ-побѣдитель все приближался... И все безпокойнѣе и шумнѣе становилась толпа поджидавшихъ его киргизовъ, все возбужденнѣе звучали прорывавшіяся сквозь общій гулъ отдѣльныя восклицанія ободренія и призыва... Но когда всадникъ былъ уже совсѣмъ близко, эти крики достигли своего апогея — они перешли теперь въ какой-то неописуемый вой, безсмысленный и звѣроподобный, и вдругъ... произошло нѣчто еще болѣе дикое, притомъ окончательно для меня непонятное...

Отъ толпы отдѣлились человѣкъ двадцать киргизовъ и неудержимо ринулись навстрѣчу скакуну!.. Мгновенно его облѣпили со всѣхъ сторонъ, одни ухватили его подъ уздцы, другіе — за арканъ, кѣмъ-то накинутый ему на шею, прочіе цѣплялись кто за что попало — за гриву, за поводья, за ремни стремянъ, и подъ гра-

домъ нагаечныхъ ударовъ, сопровождаемыхъ изступленными, совершенно бѣсноватыми воплями толпы, несчастную, шатавшуюся отъ изнуренія лошадь подволокли, наконецъ, къ призовому столбу...

— Это называется по нашему — „котерме“, — разсказывалъ мнѣ тѣмъ временемъ Альджанъ; — по обычаю, ближайшіе сородичи владѣльца лошади какъ бы помогаютъ ей заработать первый выигрышъ... Конечно, не безкорыстно — всѣхъ ихъ надо потомъ отдаривать и, нерѣдко, на эти угощенія тратится весь призъ, а хозяину остается одна слава да искалѣченная лошадь!.. Послѣ байги она, обыкновенно, уже никуда не годна...

Толпа киргизовъ разступалась — къ намъ подводили коня побѣдителя... Но, Боже, какой онъ имѣлъ плачевный видъ!.. Съ понурой головой и судорожно подведенными боками, исполосованная безчисленными шлепками нагаекъ, которые отчетливо выступали на ея взъерошенной, пропотѣвшей шерсти — бѣдная лошадь еле передвигала ноги. Изъ ноздрей ея сочилась кровянистая пѣна, остеклѣвшіе глаза пріобрѣли какое-то жуткое, мертвенное выраженіе, а нижняя челюсть отвисла и тряслась мелкой, прерывистой дрожью... Положительно, страшно было смотрѣть на это подобіе живого существа!..

Но и наѣздникъ-киргизенокъ выглядѣлъ не лучше. Безъ шапки, растерзанный, весь въ

поту и пыли, онъ, казалось, окончательно опо-лоумѣлъ отъ сверхсильнаго физическаго на-пряженія. Широко раскрытыми глазами без-смысленно уставился онъ куда-то въ простран-ство, автоматически помахивалъ камчей и, время отъ времени, принимался что-то кричать, хриплымъ, словно задавленнымъ голосомъ... Видимо, злополучный мальчуганъ совершенно не сознавалъ, гдѣ онъ и что съ нимъ, и все еще воображалъ себя скачущимъ... Впрочемъ, онъ, кажется, не сознавалъ даже и того, что его собственное плечо разсѣчено до крови — кто-то въ пылу кётермы угодилъ нагайкой по нему, вмѣсто лошади... Словомъ — это былъ трансъ, самый форменный трансъ!..

Появился и владѣлецъ скакуна — благо-образный, почтенный киргизинъ въ малино-вомъ тумакѣ... Онъ блаженно улыбался, ки-валъ головой налѣво и направо, какъ фарфо-ровый китайчикъ, и прижималъ къ животу руки, украшенныя сердоликовыми перстнями... Альджанъ вручилъ ему четыре большихъ сере-бряныхъ ямбы — рублей 250 на наши деньги — тотъ немедленно запряталъ ихъ куда-то подъ халатъ и отправился смотрѣть выигранныхъ лошадей... За нимъ ушли его торжествующіе сородичи... Увели и скакуна...

Въ это время около старта опять раздались всеобщіе крики и вопли — это подходила вто-рая лошадь!.. Ее также встрѣтили овaціями,

Габидулла.

но болѣе скромными, конечно... Также бросились къ ней хозяйскіе родичи и подтащили къ призовому столбу... Также подвели потомъ къ намъ за полученіемъ выигрыша... Еще и еще подоспѣвали отставшіе наѣздники, но интересъ къ нимъ явно шелъ на убыль. Восклицанія звучали все жиже, постепенно ослабѣвала даже горячность преданныхъ родственниковъ, которые, хотя и продолжали продѣлывать обрядъ кётермы, но, кажется, больше изъ чувства долга, чѣмъ по влеченію сердца... Къ тому же и призы быстро сокращались въ цѣнности: послѣдній изъ выданныхъ при мнѣ — насколько помню, двѣнадцатый — представлялъ собою всего лишь традиціонный отрѣзокъ кумача аршинъ въ десять... И ради этого человѣкъ рисковалъ лошадью!..

— Пора!.. пора собираться домой... — Андрей Савельичъ сидѣлъ уже на козлахъ... Мы простились съ гостепріимнымъ Альджаномъ и, несмотря на его настойчивые уговоры и просьбы, покатили обратно...

. . . . . .

. . . . . .

Не отъѣхали мы и пяти верстъ, какъ вдругъ наша тройка пугливо заторопилась, а пріятель мой, заглянувши изъ тарантаса впередъ, тревожно вскрикнулъ:

— Посмотрите, посмотрите сюда!.. Ахъ, горемыка!..

Немного въ сторонѣ отъ дороги лежалъ трупъ павшаго скакуна, со вспученнымъ животомъ и судорожно выпрямленными ногами. Припавши къ его мордѣ головой, рыдалъ мальчикъ-ѣздокъ, а рядомъ съ нимъ, подстеливъ подъ себя азямъ, стоялъ на колѣнахъ взрослый киргизъ и, устремивъ кверху взоръ, прижавъ къ груди руки, сосредоточенно и, казалось, безучастно ко всему молился...

— Вѣдь это Габидулла!.. Помните, когда мы еще сюда ѣхали...

Но онъ насъ не замѣтилъ.

ЛЕГЕНДА О СОРТОЛАГАЋ.

Занимался день, ясный и холодный. Все ярче и пышнѣе разгорался зарею востокъ, и, хотя солнце пряталось еще за сизой пеленой тумановъ, которые плотной пеленой обволакивали предгорья Алтая, но было уже совсѣмъ свѣтло и видно. Направо, узкой бирюзовой лентой неподвижно блестѣла водная гладь озера Зайсанъ-нора, налѣво — словно гряда далекихъ облаковъ, протянулся Тарбогатай, и нѣжные, перламутровые тона искрились и играли на его засыпанныхъ снѣгомъ вершинахъ. А окружавшая насъ степь разубралась еще прихотливѣе, еще нарядиѣе... Обычно такая безотрадная, удручающе одноцвѣтная, въ настоящее время вся она казалась выстланной какимъ-то сказочно прекраснымъ ковромъ. Это побило морозомъ убогія поросли ползучихъ солянокъ (чуть ли не единственный видъ мѣстной растительности) и вотъ, точно по волшебству, онѣ запестрѣли теперь такими причудливыми оттѣнками — ярко зеленымъ, голубымъ, пурпурно-малиновымъ, золотистымъ... Несчастныя солянки!.. По злой иронiи матери-природы это жалкое подобiе травы только со

смертью становится красивымъ и привлекательнымъ...

Мы ѣхали крупною рысью, зябко кутаясь въ азямы. Легкій вѣтерокъ пощипывалъ за лицо, приникалъ подъ одежду, но дышалось легко и весело; день обѣщалъ быть великолѣпнымъ, и въ утреннемъ воздухѣ какъ-то особенно бодро звучали четкіе удары лошадиныхъ копытъ о твердую, промерзлую почву.

Вдругъ, солнце словно вынырнуло изъ-за мглистой завѣсы и ослѣпительные потоки его лучей неудержимо хлынули на землю, и мгновенно залили все видимое кругомъ пространство до отдаленнѣйшихъ окраинъ горизонта... Но — такова странная сила контраста — этотъ яркій дневной свѣтъ, вмѣсто того, чтобы еще нарядѣе изукрасить природу, вызвалъ какъ разъ обратное явленіе. Сразу какъ-то помутнѣли, точно слиняли волшебныя краски, а съ ними пропало и все недавнее очарованіе окружавшаго насъ пейзажа: янтарно-розовое небо поблекло, бирюзовое озеро приняло какой-то мертвенный, молочно-бѣлый оттѣнокъ, и на дѣвственныхъ снѣгахъ далекаго Тарбогатая погасли нѣжные, радужные переливы... Только коверъ солянокъ продолжалъ еще нѣкоторое время попрежнему узорчато пестрѣть подъ нашими ногами, но вскорѣ исчезъ и онъ... Мало-помалу, все рѣдѣла эта своеобразная травянистая поросль, затѣмъ стала разбиваться на отдѣль-

ныя островки — клумбы, наконецъ и вовсе пропала, смѣнившись совершенно безжизненной, песчаной дюной, которая протянулась далеко-далеко, повидимому, до самаго Зайсанъ-нора...

— Здѣсь раньше денгизъ (море) былъ, — пояснилъ мнѣ мой проводникъ-киргизъ, Джакупъ Кулніазовъ; — старики разсказываютъ. И Иртышъ будто бы протекалъ тогда этой же стороной... Правда это, тюре, или нѣтъ?..

— Пожалуй, правда, — отвѣтилъ я: — но если и было такъ, то очень давно...

— А какъ давно? Лѣтъ сто будетъ?...

— Гораздо больше... Можетъ быть, лѣтъ съ тысячу назадъ, и того больше..

Киргизъ недовѣрчиво взглянулъ на меня.

— А какъ же старики говорятъ, что помнятъ?... И будто въ одинъ день что-то такое случилось, Кудай биляды [1]), только и море ушло, и Иртышъ за нимъ...

— Врутъ они все, твои старики — равнодушно возразилъ я...

Повидимому, и мой спутникъ потерялъ интересъ къ геологическимъ собесѣдованіямъ, ибо сряду же перешелъ на тему, какой хорошій городъ Кокпекты, куда мы держали путь — оказалось, впрочемъ, что онъ только два города и видѣлъ на своемъ вѣку: Зайсанъ да Кокпекты...

---

[1]) Богъ вѣдаетъ.

— Раньше онъ китайцамъ принадлежалъ, — повѣствовалъ онъ,—потомъ нашъ Акпадса [1]) себѣ взялъ... Сколько тамъ лавокъ теперь!.. Сколько пивныхъ... Веселый городъ...

— А ты пиво развѣ пьешь?...

— Почему не пить?.. Всѣ казаки пьютъ... Я и русскую араку [2]) пью,—похвастался Джакупъ.

— Вотъ это уже совсѣмъ нехорошо, — возразилъ я. — Вѣдь пророкъ-то вашъ какъ-будто не велитъ пьянствовать?..

— Не знаю... Можетъ-быть и не велитъ, — уклончиво отвѣтилъ онъ.—Да только всѣ пьютъ... Вотъ, тевхиды — это я твердо знаю, велѣно непремѣнно произносить каждый день... И омовеніе тоже должно дѣлать...

— Что это за тевхиды?..

— Развѣ тюре не знаетъ, — удивился мой спутникъ; — это молитва наша, которую мы читаемъ — „Алла иль Алла“... Самая святая молитва!... Такъ и ахунъ сказывалъ...

— А ты понимаешь, что значатъ эти слова, — продолжалъ я допрашивать.

Оказалось — не понимаетъ... Между тѣмъ, упомянутая имъ молитвенная формула, исповѣдающая единство Божіе, дѣйствительно является главнѣйшей въ мусульманскомъ вѣроученіи и полностью состоитъ всего изъ шести словъ — окончаніе ея мой киргизъ позабылъ...

---

[1]) Бѣлый царь; такъ киргизы зовутъ нашего Государя.

[2]) Водка.

Полюбопытствовалъ я, знаетъ ли онъ что-нибудь о Мохаммедѣ — но увы, кромѣ собственно имени опять-таки ровно ничего. Впрочемъ, даже въ мечети онъ бывалъ всего раза три-четыре въ жизни — самъ хорошенько не могъ припомнить... Зато Джакупъ крѣпко вѣрилъ въ шайтана [1]), въ албасты [2]), въ джиновъ [3]) и всякую иную нечисть, которая по его словамъ водилась чуть не на каждомъ шагу. Еще пуще вѣрилъ онъ, конечно, въ колдовство, въ дурной глазъ, во всевозможныя примѣты — вообще, правовѣрно-мусульманскаго въ немъ было не слишкомъ много...

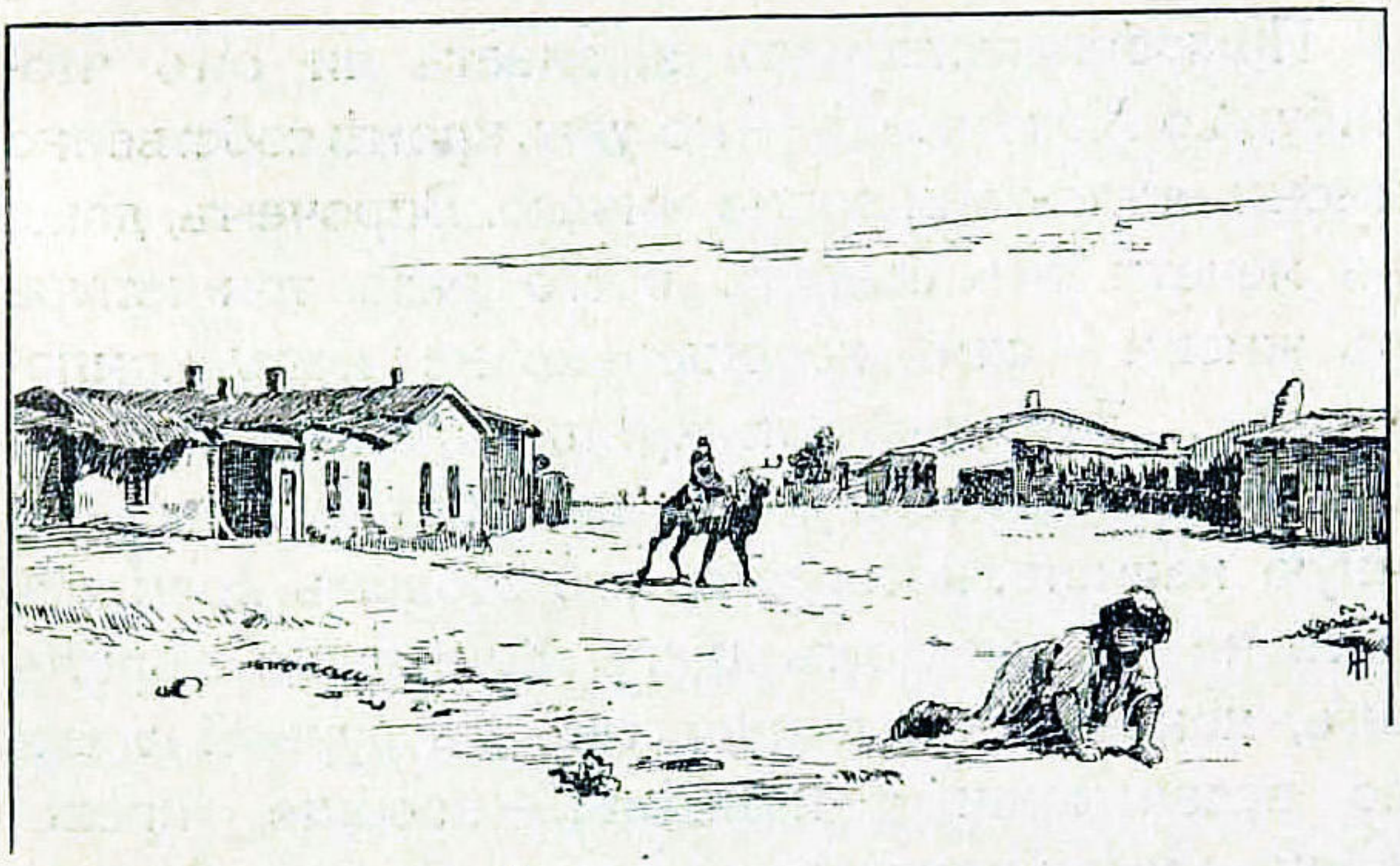
Наконецъ, вдали показался рядъ столбовъ — это былъ телеграфъ, проведенный вдоль тракта изъ Зайсана съ Устькаменногорскъ и далѣе, на сѣверъ — къ Омску... Вскорѣ мы двигались уже по этому тракту: до Кокпектовъ, судя по числу столбовъ, оставалось не болѣе 30-35 верстъ, и мой проводникъ увѣрялъ, что мы будемъ тамъ еще засвѣтло...

И правда — подъ вечеръ, мы добрались-таки до этого „веселаго“ города...

Кривая улица, скудно и безпорядочно обстроенная убогими, подслѣповатыми мазанками въ одно-два окошечка, вела въ глубь поселенія, должно быть къ базару... Гдѣ-то далеко

---

[1]) Дьяволъ.
[2]) Злой духъ, въ видѣ старой, безобразной женщины.
[3]) Злые духи, населяющіе, по повѣрью киргизовъ, вселенную.

благовѣстили въ церкви... Въ воздухѣ столбомъ стояла удушливая, солоноватая пыль, пахло баранами, навозомъ, а полное отсутствіе растительности какъ бы подчеркивало и безъ того унылый характеръ окружающаго...

На улицѣ не было ни души — точно вымерло все... Только на перекресткѣ, у пивной, увидали мы перваго мѣстнаго аборигена: это былъ совершенно пьяный киргизъ. Въ растерзанномъ халатѣ, безъ шапки, сидѣлъ онъ посреди улицы и сначала тупо пялилъ на насъ остекленѣвшіе глаза, но потомъ, словно испугавшись чего-то, вдругъ завопилъ не своимъ голосомъ и поползъ на четверенькахъ въ сторону...

Мы проѣхали мимо...

Немного спустя, встрѣтился намъ и второй кокпектинскій обыватель — на этотъ разъ трезвый — какой-то пожилой, долгобородый казакъ.

Я спросилъ, гдѣ живетъ армянинъ Саркисовъ, у котораго мнѣ рекомендовали остановиться

— У насъ, ваше благородіе, ихъ много, Саркисовыхъ-то, — степенно отвѣтилъ казакъ: — а звать его какъ — не знаете?..

— Не знаю.

— Вотъ такъ дѣла, — затруднился было мой собѣсѣдникъ; — да вамъ собственно зачѣмъ онъ надобенъ?..

Я объяснилъ.

— Тогда вамъ ни къ кому другому, какъ къ Карапеткѣ править надоть — по имени-то онъ дѣйствительно Саркисъ выходитъ, Саркисъ Карапетовъ... Какъ въѣдете на базаръ, такъ сейчасъ второй домъ отъ угла будетъ — по праву руку... Съ синими ставнями еще домъ-отъ... Тамо васъ и переночевать пустятъ, и проводника добудутъ, все въ лучшемъ видѣ... Нашъ Саркисъ мужикъ не худой...

Я поблагодарилъ, и мы разстались...

По мѣрѣ приближенія къ базару, на улицѣ становилось все оживленнѣе; все чаще попадались прохожіе и проѣзжіе... Въ домахъ и лавочкахъ зажигались огни, въ многочисленныхъ пивныхъ, что въ ульяхъ, гудѣли полупьяные голоса, и то и дѣло хлопали дверьми... На самой площади оказалось и совсѣмъ людно, даже шумно...

Пресловутый Карапетовъ, рябой и тощій армянинъ, съ добродушно лукавыми глазками

и огромнѣйшимъ кадыкомъ, встрѣтилъ меня чрезвычайно любезно, словно давняго пріятеля, и тотчасъ же предоставилъ въ мое распоряженіе небольшую каморку, гдѣ, однако, кромѣ колченогаго стола и обломка зеркала на стѣнѣ ровно ничего не было.

— А сидятъ у васъ на чемъ же, — поинтересовался я.

— Стулъ дадымъ... Караватъ дадымъ, — поспѣшилъ меня успокоить мой хозяинъ; — чиво желаишъ — усё дадымъ!.. Ужинать захочишь — и это мӧжно...

Отъ послѣдняго я, правда, отказался, попросилъ только поставить самоваръ.

— И это мӧжно, — скороговоркой повторилъ армянинъ и убѣжалъ.

Скоро я устроился какъ дома... Принесли мнѣ табуретъ, лампу, самоваръ, кровать, правда, довольно грязную и твердую, но все-таки кровать — а я уже давно не спалъ съ такими удобствами, да еще подъ защитой настоящаго потолка, окруженный настоящими, прочными стѣнами!.. И, сидя за чаемъ, я даже немного размечтался о томъ физическомъ наслажденіи, которое мнѣ предстоитъ, когда я, наконецъ, раздѣнусь и вытянусь подъ одѣяломъ, и буду ощущать подъ головой болѣе или менѣе мягкую подушку, а не жесткій куржумъ [1]), какъ во время степныхъ ночлеговъ... Вообще, надо со-

[1]) Переметная сума, для вьюка.

наться — сколько бы мы, европейцы, не привыкали къ кочевой жизни, какъ бы ни любили ее, но проклятый атавизмъ, въ видѣ длиннаго ряда предшествующихъ намъ осѣдлыхъ поколѣній, даетъ о себѣ знать, и какъ-то безотчетно чувствуешь себя спокойнѣе, когда попадешь подъ кровъ какого-нибудь дома, хотя бы и плохонькаго, въ родѣ Карапетовскаго... Къ несчастью, однако, моимъ надеждамъ на сладкій отдыхъ не суждено было осуществиться. Не успѣлъ я допить чай, какъ въ комнату, рядомъ съ моею, ввалилась цѣлая компанія и принялась такъ безцеремонно горланить, что съ меня сонъ какъ рукой сняло... А затѣмъ кто-то потребовалъ пива, послышался звонъ посуды, хлопанье откупориваемыхъ бутылокъ; въ довершеніе появились даже дѣвицы — какой уже тутъ сонъ!..

Оживленный разговоръ вращался преимущественно около золота — видимо, прибывшіе были изъ породы искателей этого благороднаго металла — назывались незнакомыя мнѣ фамиліи и невѣдомыя мѣстности, дѣлались какіе-то хитроумные расчеты и выкладки, сообщались самые свѣжіе эпизоды изъ промысловой практики, при чемъ счастливчиковъ неизмѣнно ругали, злобно и страстно ругали... А по временамъ все заглушалось взрывами смѣха, чоканьемъ стакановъ, женскимъ визгомъ... Каюсь, многое было ново для меня, и я не безъ лю-

бопытства вслушивался въ шумную бесѣду моихъ сосѣдей — къ тому же, все равно, не слушать ее было невозможно...

Только подъ утро публика, наконецъ, угомонилась, а часовъ въ восемь уже объявился ко мнѣ самъ Карапетовъ съ кипящимъ самоваромъ въ рукахъ: поневолѣ пришлось встать...

— А что, проводникъ мой, киргизъ, здѣсь, — спросилъ я его.

Оказалось — еще нѣтъ, хотя наканунѣ ему было строго-настрого наказано прійти, тѣмъ болѣе, что онъ обѣщалъ подыскать мнѣ и лошадей, и новаго проводника для дальнѣйшаго странствія по пріискамъ — въ Кокпектахъ я рѣшительно никого не зналъ...

— Пьянствуетъ, — кратко высказалъ догадку мой хозяинъ.

— Откуда вы знаете?..

— Усѣ киргизъ пьяница... Зачимъ ему вчера деньги давалъ? Теперь ны почемъ не найдешь!..

Несмотря на всю категоричность этого отзыва, я все-таки, послѣ чая, вышелъ изъ дому, въ сомнительной надеждѣ гдѣ-нибудь обрѣсти моего заблудшаго проводника и, конечно, безрезультатно — никто не зналъ его даже по имени...

— Стойте, тюре, стойте, — услыхалъ я вдругъ позади себя: — да подождите же!.. Туратуръ кишкине[1])!.. Тюре!..

[1]) Постойте немного...

Меня нагонялъ бѣгомъ какой-то тучный киргизинъ съ сіяющей во все лицо улыбкой. Не успѣлъ я сообразить, кто бы это могъ быть, какъ онъ уже овладѣлъ моей рукой и запыхавшимся голосомъ спрашивалъ:

— Тюре не узнаетъ меня?.. Я Джурабай Юсуповъ!.. Помните, въ Челектаѣ, на ярмаркѣ, вы еще останавливались у меня... Лошадь вмѣстѣ покупали!.. Помните?..

— Ну какъ же, отлично помню!.. Но какъ вы измѣнились, Джурабай, какъ раздобрѣли — я бы васъ не узналъ сразу...

— Ахъ, тюре, много радостей и горя довелось видѣть съ тѣхъ поръ!.. Всего не перескажешь... А вы какъ сюда попали? Зачѣмъ?..

Я разсказалъ.

— Бросьте искать вашего проводника, — утѣшилъ онъ меня; — все равно не найдете... Онъ теперь будетъ пьянствовать долго — городъ-то у насъ веселый... — И, подумавъ немного, продолжалъ: — да я самъ достану вамъ и лошадей, и проводника... Есть у меня здѣсь одинъ сородичъ — старъ онъ только немного, но все знаетъ... Тоже, вмѣстѣ со мною, золото копалъ въ этихъ краяхъ...

— Какъ, развѣ и вы золотомъ занимались?..

— Какъ же, какъ же, былъ грѣхъ!.. Да пойдемте ко мнѣ — я и за моимъ старикомъ оттуда пошлю... Чаю выпьемъ... Съ коньякомъ — можно?..

Жилье Джурабая оказалось въ одномъ изъ ближайшихъ отъ базара переулковъ... Это была крошечная, совсѣмъ вросшая въ землю хибарка, съ плоской дерновой крышей и двумя подслѣповатыми окошечками... Кругомъ — ни кола, ни двора — совершенно пустое, разгороженное мѣсто, посреди котораго одиноко догнивалъ старый, сломанный телеграфный столбъ, съ остатками разбитыхъ изоляторовъ... Внутри, жилище Джурабая выглядѣло столь же убого. Все его убранство состояло изъ низенькаго киргизскаго стола да дырявой кошмы на полу... Въ одномъ углу были свалены въ кучу обломки какой-то запыленной руды, въ другомъ — стояла круглая чугунная печурка съ эмальированнымъ чайникомъ на верхней канфоркѣ. Тутъ же валялась ступка для пробныхъ промывокъ золота и геологическій молотокъ, а на маленькой стѣнной полкѣ красовалась пара цвѣтистыхъ чашекъ-кесе и нѣсколько бумажныхъ свертковъ съ неизвѣстнымъ содержимымъ...

Я расположился на кошмѣ, а Джурабай принялся за хозяйскія хлопоты. Быстро растопилъ онъ печку, закипятилъ воду въ чайникѣ, потомъ ушелъ куда-то и, вскорѣ вернувшись, поставилъ передо мною на столѣ пачку печенья „Альбертъ“ и бутылку дешеваго Елисѣевскаго коньяку...

Мы принялись за чаепитіе.

— А, Кудаимъ-ай [1]), хорошее было время,

[1]) О, Боже мой!..

тюре, когда мы въ Челектаѣ встрѣчались, — сокрушенно повѣствовалъ мой амфитріонъ; — былъ я тогда, какъ вы знаете, волостнымъ управителемъ, всякимъ почетомъ пользовался, барана каждый день кушалъ, денегъ сколько черезъ пальцы мои проходило!.. А вотъ, подите же, затѣялъ разбогатѣть еще пуще, все бросилъ — и покой, и почетъ, и пустился золото рыть... Эхъ!.. Вотъ уже четвертый годъ, какъ я здѣсь — въ этомъ постыломъ городѣ околачиваюсь, — продолжалъ Джурбай, помолчавъ... — Не знаю даже, что съ моей семьей сдѣлалось тамъ — давно уже изъ дому вѣстей не получаю!.. Дважды богатѣлъ... Да какъ — тысячъ до 25 бывало на рукахъ!.. А потомъ, опять все уходило, какъ вода весной... Вотъ и теперь, доживаю послѣднее...

Джурабай вздохнулъ, отеръ рукавомъ халата потъ съ лица и наполнилъ опорожненныя чашки чаемъ, разбавивъ его изрядной порціей коньяка.

— Нѣтъ настоящаго дѣла сейчасъ, — продолжалъ онъ немного спустя; — хоть въ Китай идти!.. Тамъ, говорятъ люди, много золота гдѣ-то подъ Джаркендомъ находятъ... Будто такъ и валяется по землѣ, что песокъ... Только правда ли это?.. Какъ вы думаете, тюре?..

— Должно быть вздоръ, — отвѣтилъ я; — мало ли что люди болтаютъ...

— Я и самъ такъ думалъ, — меланхолически произнесъ мой собесѣдникъ... — И знаете, какая

обида — вѣдь мы недавно хорошую жилу нашли было, да потеряли... Вотъ и зарываемъ послѣдніе гроши, отыскивая ее... А она тутъ же гдѣ-то проклятая, близко — да нѣтъ удачи, и не найдешь ее, когда нужно!..

— А дается же иногда счастье людямъ!.. Взять хотя бы Прокудина — есть тутъ такой урусъ одинъ... Лядащій человѣкъ, только этимъ лѣтомъ откуда-то объявился, а золото къ нему сразу какъ потекло?.. Гдѣ не начнетъ рыть — всюду оно и есть... Ему шайтанъ помогаетъ, не иначе...

— При чемъ тутъ шайтанъ, — вступился я за компатріота; — должно быть, просто, онъ лучше другихъ дѣло понимаетъ — вотъ и все. Вѣдь вы то всѣ, знаю я, зря роетесь въ землѣ, а онъ...

— Нѣтъ, тюре, нѣтъ, — горячо перебилъ меня начинавшій хмѣлѣть Джурабай; — безъ шайтана никакъ тутъ не обойтись!.. А если не шайтанъ, такъ значитъ золотую свинью гдѣ-нибудь увидѣлъ — это тоже, говорятъ, шибко помогаетъ... Вы не смѣйтесь, вѣрно говорю вамъ — помогаетъ!.. Да, судите сами — уступилъ ему здѣсь одинъ промышленникъ такой маленькій клочекъ на своемъ пріискѣ, чуть побольше этой хаты, и что же вы думаете?.. Въ мѣсяцъ нарылъ онъ тамъ почти съ полпуда золота!.. Посчитайте-ка, полпуда!.. И жила-то шла на аршинъ отъ земли всего... А какъ дошла до конца участка, взяла и скрылась куда-то... Вотъ какія дѣла...

— А гдѣ же теперь этотъ Прокудинъ, или какъ его?..

— Выискалъ себѣ новый участокъ на Агакоктахъ, возлѣ самой дороги... И такой же богатый, если не еще богаче — опять золото прямо лопатой гребетъ!.. Ну, да не долго ему гулять — убьютъ его скоро, — увѣреннымъ тономъ добавилъ Джурабай.

— Какъ убьютъ?.. За что?.. — возмутился я.

— Да такъ, обыкновенно — какъ убиваютъ!.. Мало ли здѣсь народу пропадаетъ... Нельзя же одному все счастье у людей забирать!..

Джурабай замолчалъ и задумался... Не нашлось словъ возраженія и у меня...

Вдругъ на улицѣ раздался конскій топотъ, и мимо нашего обиталища съ трескомъ прокатилъ какой-то экипажъ... Я выглянулъ въ окно — въ нарядной казанской бричкѣ, запряженной парой бойкихъ киргизокъ, ѣхали двѣ молодыя женщины. Одна изъ нихъ, дородная и некрасивая, сама правила и чему-то весело смѣялась...

— Экъ ихъ!.. Опять разскакались — кобылы, — съ явнымъ неудовольствіемъ проворчалъ Джурабай; — это дочери Караваева, золотопромышленника одного здѣшняго... Тоже богачъ!.. Вотъ онѣ и кутятъ: пріѣдутъ въ городъ и давай по лавкамъ шнырять, наряды покупать... Сорятъ деньгами, пьянствуютъ... Иногда за одинъ пріѣздъ тысячи 2—3 здѣсь оста-

вляютъ!.. Самъ отецъ иначе, какъ кобылами, ихъ не зоветъ — да кобылы онѣ и есть... Тьфу!..

Правовѣрный противникъ женской эмансипаціи, Джурабай даже отплюнулся съ досады.

— А гдѣ же пріискъ Караваева, — спросилъ я.

— Недалеко, за Караджаломъ... какъ бы вамъ объяснить... Ну, около Сортолагая, что ли — гора такая есть... Да вы навѣрно къ нему заѣдете, человѣкъ-то онъ самъ по себѣ не плохой и дѣло свое тонко ведетъ... Вотъ я у него думаю теперь работой заняться — лѣсъ для крѣпей возить...

— Откуда же вы будете его возить?..

— Съ Иртыша — изъ-подъ Устькаменногорска... Ужъ очень хорошія деньги предлагаетъ... По рублю съ пуда за провозъ сулитъ...

— Неужели по рублю?.. Только за провозъ?..

— Да, только за провозъ... Здѣсь вѣдь лѣса вовсе нѣтъ, а крѣпи ставить надо — безъ нихъ ортовыхъ работъ производить нельзя, того гляди штольни обваливаться станутъ... А приработаю денегъ — опять за золото примусь!.. Есть у меня тутъ участокъ одинъ на примѣтѣ — никто его не знаетъ, а участокъ ужъ очень хорошій!..

— Знаете, Джурабай, что я вамъ посовѣтую, — серьезно обратился я къ нему; — пока не поздно — бросьте вы это золото!.. Повѣрьте, добра не будетъ!.. Вернитесь-ка лучше опять въ родную

степь, къ своему хозяйству; снова выберутъ васъ въ управители, заживете по прежнему, съ семьей, въ покоѣ, въ почетѣ...

— Іоппермай[1])!.. Да развѣ бы я самъ не хотѣлъ этого, тюре, — возбужденно воскликнулъ Джурабай и даже вскочилъ на ноги. — Сколько разъ бывало, заснешь и глядишь — степь, бараны, байбійча[2]) моя, дѣти бѣгаютъ... Эхъ!.. Да нѣтъ, нельзя этого сдѣлать!.. Какъ пьяница отъ водки, такъ и мы отъ золота отстать не можемъ — разъ уже кто попалъ на это проклятое дѣло, тутъ ему и пропасть!.. И пропадетъ, какъ собака пропадетъ, а не оставитъ!.. Не повѣрите — чуть увидишь промытое золото въ ступкѣ, да блеснетъ оно передъ глазами — все сразу и забудешь, и барановъ, и семью!.. Только бы сидѣлъ и любовался...

Въ это время со скрипомъ пріотворилась дверь, и вошелъ старый киргизинъ въ грязномъ, поношенномъ азямѣ и стоптанныхъ резиновыхъ галошахъ на босу ногу. Молча усѣлся онъ на корточки возлѣ входа...

— А, пришелъ наконецъ, — обратился къ нему Джурабай; — слушай, Мукзумъ, вотъ этотъ тюре мой давній тамыръ (пріятель); ему необходимо побывать на пріискахъ — поѣзжай съ нимъ проводникомъ... Лошадей найми поденно — у Ка-

---

[1]) Особое киргизское восклицаніе, на русскій языкъ непереводимое.

[2]) Старшая жена.

сыма можно достать хорошихъ, и недорого... Поѣдешь?.. Тюре тебя не обидитъ...

— Джарайды (ладно), — спокойно и односложно отвѣтилъ пришедшій.

— Выѣдете вы сегодня подъ вечеръ, — продолжалъ распоряжаться Джурабай; — переночуете на старомъ пріискѣ Даурова... Тамъ землянка исправная, и вода, и топливо есть — я знаю...

— Джарайды, — повторилъ киргизъ и, выпивъ предложенную ему чашку чая, всталъ и, не простившись ни съ кѣмъ, ушелъ...

Къ вечеру дѣйствительно все было налажено. Старикъ привелъ трехъ нанятыхъ имъ лошадей и, вмѣстѣ съ Джурабаемъ, быстро завьючилъ и засѣдлалъ ихъ. Джурабай даже уступилъ мнѣ свое щегольское, оправленное серебромъ и сердоликами сѣдло, въ которомъ сидѣлось какъ-то особенно удобно...

— Джолумъ болсунъ, тюре, джолумъ болсунъ (счастливаго пути), — твердилъ онъ, тиская на прощанье мою руку; — когда-то увидимся?.. Эхъ, хорошо бы еще на Челектаѣ пожить!..

И бѣдняга даже прослезился слегка...

— Хошъ, хошъ [1]), — сочувственно отвѣчалъ я ему; — Богъ дастъ свидимся еще не разъ... Даяръ-ма? (Готово-ли). Даяръ... Ну, такъ ѣдемъ... Гай да!..

— Бисмилляги, рахмани, рахимъ [2]), — торо-

---

[1]) Прощай.

[2]) Во имя Аллаха, милосерднаго, милостиваго...

пливо прошепталъ про себя Мукзумъ, и мы тронулись въ путь...

Мой проводникъ оказался не изъ разговорчивыхъ. На всѣ мои попытки завести бесѣду, онъ отвѣчалъ такъ односложно и явно неохотно, что я сталъ уже было опасаться за будущее — особаго удовольствія такой нѣмой проводникъ не обѣщалъ!.. Къ счастью, однако, Мукзумъ дичился только по началу, пока не привыкъ къ моему обществу — къ ночлегу онъ успѣлъ освоиться со мною и повелъ себя совсѣмъ прилично; окончательно же сблизили насъ папиросы, до которыхъ мой спутникъ оказался большой охотникъ...

Заночевали мы, какъ и рекомендовалъ Джурабай, на заброшенной выработкѣ какого-то Даурова, по разсказамъ Мукзума, очень богатаго, но затѣмъ разорившагося татарина: съ отчаянья онъ и повѣсился тутъ же, на поглотившемъ его состояніе пріискѣ, и даже въ той же землянкѣ, гдѣ мы расположились. Жуткій конецъ!..

Хорошо еще, что ночь выдалась довольно теплая, и потому мы могли устроиться съ обычнымъ передъ сномъ чаепитіемъ на свѣжемъ воздухѣ... Запылалъ костеръ, взошла сильно ущербленная луна... Кругомъ тѣснились небольшіе, причудливыхъ контуровъ холмы, надъ которыми смутно темнѣлъ одинокій, куполообразный горбъ Сортолагая — центръ мѣстнаго

золотоискательства... И могильная тишина царила въ воздухѣ — только потрескиваніе огня, да изрѣдка легкіе всхрапы лошадей нарушали ее...

— Отчего забросили пріискъ Даурова, — спросилъ я Мукзума; — развѣ онъ уже дочиста выработанъ?..

— Нѣтъ, тутъ еще золото есть, — отвѣтилъ тотъ; — только надо глубже въ землю идти, а это дорого стоитъ — однѣ крѣпи чего здѣсь стоютъ!.. Да и мѣсто больно нехорошее... нечистое...

— Ну, это-то, пожалуй, вздоръ, — возразилъ я; — вотъ, отчего бы вамъ съ Джурабаемъ здѣсь не попытать счастья?..

— Мы объ этомъ уже думали, много думали, — опасливо оглянувшись и понизивъ голосъ, произнесъ мой спутникъ; — почему же. Можетъ-быть и попробуемъ когда-нибудь...

И, помолчавъ, прибавилъ еще: — вотъ вы, тюре, я знаю, тамыръ Джурабая... Не выдадите насъ — правда?.. Такъ я вамъ... Здѣсь золота цѣлое богатство!.. Я уже рылся здѣсь не разъ... По ночамъ, тайкомъ!.. Даже Джурабай не знаетъ... Хотите — покажу?..

— Покажи...

Мукзумъ тотчасъ же всталъ отъ костра и, еще разъ внимательно оглядѣвшись кругомъ, безшумно исчезъ гдѣ-то за землянкой, а минутъ черезъ десять вернулся, бережно неся

что-то въ полѣ своего азяма. Подойдя къ огню, онъ высыпалъ содержимое передо мною...

— Вотъ, глядите...

Это были обломки давно знакомой мнѣ кварцевой руды — бѣлой и розовой — но когда

я поднесъ одинъ изъ нихъ къ свѣту, то невольно ахнулъ: весь камень былъ густо, какъ бы насквозь пропитанъ золотомъ, которое чарующе горѣло и переливалось!.. Такого же достоинства оказались и прочіе, принесенные Мукзумомъ, образцы — все это были почти самородки!.. Замѣтивъ мое изумленіе, Мукзумъ уже совсѣмъ таинственнымъ шопотомъ добавилъ:

— А посмотрите-ка, тюре, сюда...

И дрожащими руками вытащилъ изъ-за пазухи еще три камня — на этотъ разъ уже настоящіе самородки... Одинъ изъ нихъ не менѣе какъ фунта въ три вѣсомъ и притомъ почти безъ породы...

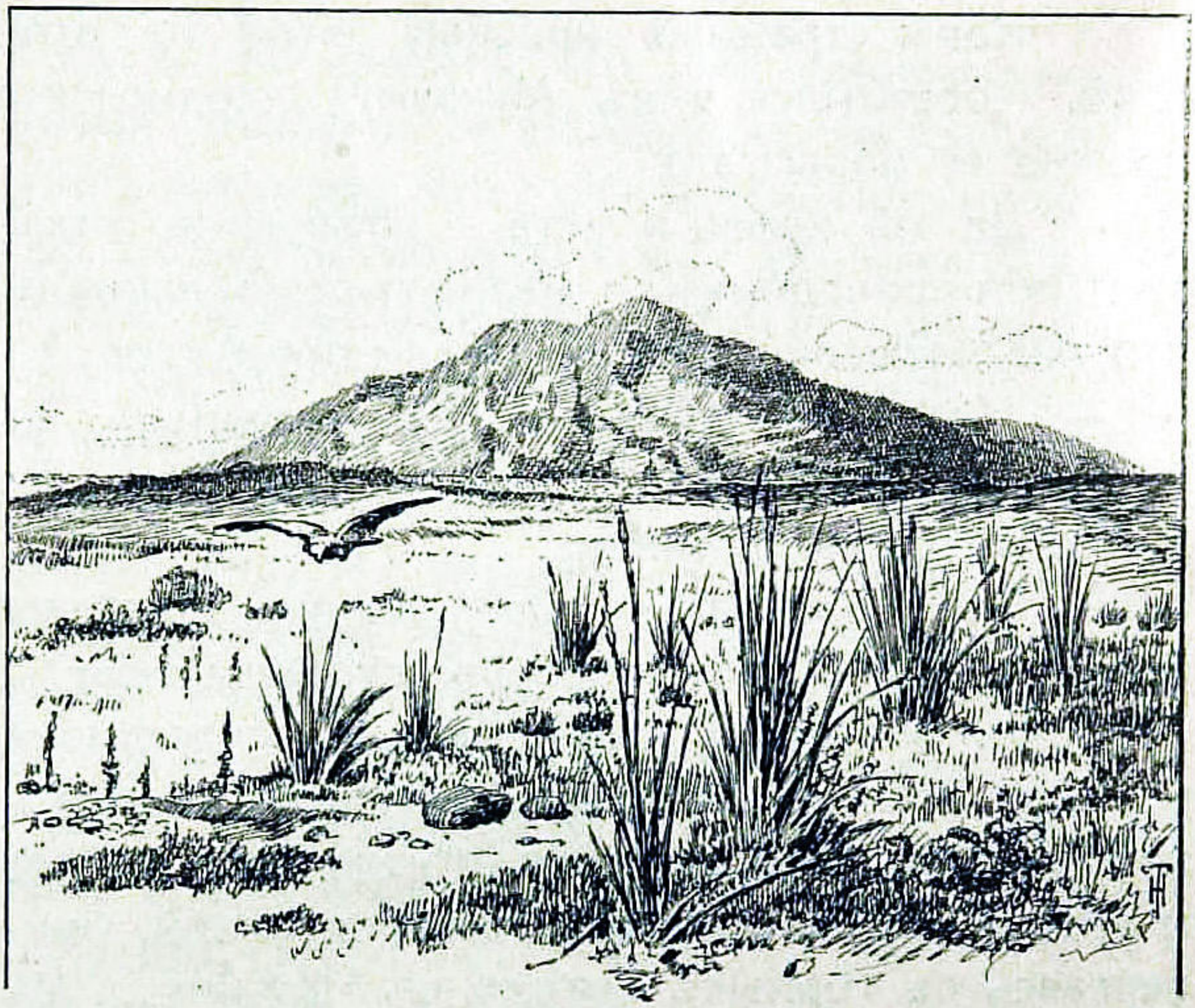
— Послушай, Мукзумъ, — воскликнулъ я; — да ты счастливецъ!.. Вѣдь здѣсь, только въ этихъ образцахъ, уже куча денегъ!.. Тутъ золота тысячи на двѣ, если не больше...

— Больше, — какъ-то нехотя возразилъ онъ, потупивъ заблестѣвшіе было глаза, затѣмъ торопливо собралъ свои камни и унесъ ихъ опять куда-то за землянку...

Послѣ этого эпизода Мукзумъ снова замкнулся въ себѣ и едва отвѣчалъ на мои вопросы. Подозрительный и жадный старикъ, видимо, только теперь сообразилъ всю опасность своей опрометчивой откровенности предъ невѣдомымъ урусомъ [1]) и, конечно, жестоко раскаивался въ ней... Онъ даже намекнулъ мнѣ на это и достаточно прозрачно...

Тщетно пытался я успокоить его на мой счетъ — ничего изъ этого, кажется, не вышло... По крайней мѣрѣ, всю ночь чудакъ проворочался съ боку на бокъ, вздыхалъ, бурчалъ что-то про себя (такъ и не далъ мнѣ заснуть, какъ слѣдуетъ), а раннимъ-рано, еще задолго до разсвѣта уже принялся суетиться и торопить

[1]) Такъ киргизы зовутъ русскихъ.

Сортолагай.

съ отъѣздомъ — надо же было поскорѣе спровадить куда-нибудь подальше непрошеннаго свидѣтеля своей удачи!..

. . . . . .

. . . . . .

Солнце только что взошло, когда мы подъѣзжали къ предгорьямъ Сортолагая... Красивая гора, вся точно изрытая потоками блестящаго бѣлаго кварца, вперемѣжку съ выходами ярко-алыхъ глинъ, горделиво вздымалась передъ нами, одна среди волнистой мѣстности... Небо было ясное и холодное, слегка морозило...

— Какія странныя красныя пятна на этой горѣ, — обратился я къ Мукзуму; — точно кто кровью ее обрызгалъ...

— Да это кровь и есть, — убѣжденно отвѣтилъ мой проводникъ; — развѣ тюре не слышалъ, что разсказываютъ наши казаки про эту гору?..

— Нѣтъ, не слышалъ — разскажи... Да, кстати, что собственно значитъ Сортолагай?.. Я что-то плохо понимаю...

— Это значитъ — горе вдовы старшаго брата... Вотъ... Ну, а теперь слушайте, тюре...

Давно это было, очень давно — счастливая, вольная степь благоухала тысячами цвѣтовъ, птицы пѣли свои весеннія пѣсни про любовь и радость жизни, ручьи громко журчали, низвергаясь съ горныхъ высотъ къ Иртышу... Въ это время задумалъ могучій батырь Имъяминъ-Асалатъ-Будакчи откочевать со своими стадами, и женами, и невольниками отъ Балхаша озера на ту сторону великой долины, къ дикокаменному Алтаю... И пошелъ онъ степью, и шелъ, не останавливаясь, три дня и три ночи, а на четвертый — достигъ береговъ Иртыша и разбилъ тамъ свои шатры среди зеленаго луга, ибо слишкомъ многоводенъ былъ еще Иртышъ и надо было обождать, пока спадетъ вода... И плѣнился младшій сынъ стараго Имъямина, любимецъ его, Алдаръ-Атрекъ, могучей рѣкой и задумалъ понѣжить въ ней свое юное, богатырское тѣло. Было ему въ то время всего

12 лѣтъ, но красотѣ его уже завидовали небесныя звѣзды и не находилось въ степи джигита [1]) отважнѣе его: онъ вскакивалъ на всемъ ходу на неосѣдланнаго коня, клычомъ [2]) перерубалъ сложенныя вчетверо двѣ бѣлыхъ кошмы, а голосъ его слышался за пять чакрымовъ [3])... Но воля Аллаха непознаваема для смертныхъ, и Алдаръ-Атрекъ, прелесть міра, надежда вселенной, утонулъ, купаясь въ мутныхъ, желтоватыхъ волнахъ Иртыша!.. И горько плакалъ старый Имъяминъ-Асалатъ, и рвалъ свою сѣдую бороду, и обѣщалъ половину своихъ стадъ, и женъ, и невольниковъ тому, кто найдетъ трупъ его любимаго сына. Но никто не могъ его найти...

Тогда сталъ онъ молиться, три дня и три ночи молился онъ, и задумалъ, наконецъ, запрудить рѣку повыше того мѣста, гдѣ утонулъ Алдаръ, и отвести въ сторону воду, и осушить дно, гдѣ покоилось его тѣло. А невдалекѣ отъ становища, на западѣ, возвышалась къ небу высокая гора, вотъ эта самая, — указалъ Мукзумъ рукою — что теперь Сортолагай зовется, и соорудилъ Имъяминъ при помощи другого своего сына, старшаго Алимбая-батыря, особыя носилки изъ кедроваго лѣса, что нарубили для этого невольники на кручахъ Алтая, и взва-

---

[1]) Удалецъ.
[2]) Сабля.
[3]) Киргизская мѣра разстоянія — около версты.

лилъ ту гору на носилки и понесъ, вмѣстѣ съ Алимбаемъ, къ Иртышу, повыше того мѣста, гдѣ утонулъ Алдаръ, чтобы запрудить ею рѣку. Алимбай держалъ носилки спереди, а отецъ его, Имъяминъ, сзади. Все было сдѣлано такъ, какъ указалъ Имъямину самъ Аллахъ въ часы его молитвы...

Но пока несли они гору — застала ихъ ночь, и утомились оба, и остановились отдохнуть. Алимбай сказалъ: „я пойду на наше кочевье, посмотрю, что дѣлаетъ тамъ моя жена Джаланумъ“ — то была его любимая жена... А Имъяминъ сказалъ: „не ходи“. Ибо онъ имѣлъ видѣніе, чтобы, пока не совершатъ они своего дѣла, не запрудятъ Иртыша и не найдутъ тѣла Алдара, имъ ни кумыса не пить, ни мяса не ѣсть, ни женщинъ не касаться — иначе не удастся выполнить самое дѣло. И боялся старикъ за Алимбая...

Но Алимбай все-таки хотѣлъ итти.

Тогда сказалъ ему Имъяминъ: „вотъ, когда я молился Аллаху, прося его помочь отыскать тѣло моего сына, а твоего брата Алдара, то услышалъ голосъ, который повелѣлъ мнѣ: пойди къ большой горѣ, что видна на западѣ, взвали ее на носилки и опрокинь въ Иртышъ — и найдешь тѣло... Только никого не бери съ собою, кромѣ Алимбая: вдвоемъ совершите это дѣло, но пока вы не совершите его, пока не запрудите рѣки и не добудете тѣла Алдара —

до тѣхъ поръ не должно вамъ ни кумыса пить, ни мяса ѣсть, ни къ женщинамъ прикасаться — иначе не удастся вамъ выполнить и самое дѣло“.

Но Алимбай и послѣ этого настаивалъ на своемъ, говоря: „я только провѣдаю семью и вернусь. Ибо если такова воля Аллаха, я ни кумыса пить не буду, ни мяса ѣсть не стану, ни жены не трону!.. Повѣрь мнѣ, отецъ, и отпусти меня. Къ утру я возвращусь“...

Тогда старый Имъяминъ уступилъ и, хотя съ тяжелымъ сердцемъ, но все же отпустилъ сына, а самъ остался одинъ на молитвѣ.

Пришелъ Алимбай домой, видитъ — сидитъ его любимая жена Джаланумъ передъ казаномъ, гдѣ шипитъ и скворчитъ вкусный куурдакъ [1]), тутъ же стоитъ полный турсукъ [2]) свѣжаго пѣнистаго кумыса, а сама Джаланумъ принарядилась въ лучшія свои одежды и, прекрасная какъ мѣсяцъ, улыбается ему и протягиваетъ свои нѣжныя руки для объятій... И забылъ Алимбай велѣніе всесильнаго Аллаха, и испилъ кумыса, и поѣлъ мяса, и всю ночь крѣпко цѣловался съ молодой женой...

Подъ утро вернулся онъ къ отцу своему, и засталъ того на молитвѣ, какъ оставилъ наканунѣ. И стыдно ему стало, и скрылъ онъ отъ стараго Имъямина, что онъ ѣлъ мясо, и кумысъ

---

[1]) Особое варево изъ баранины и лука.

[2]) Кожаный мѣшокъ.

пилъ, и жену ласкалъ... Молча стали они къ носилкамъ, какъ прежде, Алимбай — впереди. Имъяминъ — сзади, и взялись за рукоятки. И сказалъ Имъяминъ: „подымай!..“ Но покинула богатырская сила Алимбая, и не смогъ онъ поднять носилокъ, а старикъ поднялъ и опрокинулъ гору прямо на спину Алимбаю, и задавила его та гора насмерть!..

И грохотъ великій прошелъ по всей степи — отъ Балхаша и до Алтая, и услышала его Джаланумъ въ своей юртѣ. Поняла она, что случилось несчастье и прибѣжала... И, бросившись къ горѣ, пала ничкомъ на нее съ рыданьями и воплями, и рвала на себѣ платье, и терзала ногтями свои груди, и полилась изъ нихъ кровь и молоко, ибо Джаланумъ кормила въ то время ребенка, младшаго внука стараго Имъямина-Асалата... Вотъ и до сей поры видно — смотрите, тюре — какъ застыли по склону горы эти бѣлые и красные потеки: то молоко и кровь прекрасной Джаланумъ!..

Такъ погибли у Имъямина-Асалата-Будакчи оба его сына-батыря, а Сортолагай и понынѣ стоитъ на своемъ новомъ мѣстѣ и свидѣтельствуетъ объ истинѣ всего того, что я сейчасъ разсказывалъ... Да будетъ возвеличено имя гнѣвно обрушивающагося на своихъ рабовъ Аллаха, изъ вѣковъ въ вѣка и изъ рода въ родъ!..

. . . . . .

. . . . . .

Мы были у подножія Сортолагая... Кое-гдѣ виднѣлись уже зіявшіе выходы шурфовъ и штоленъ, изрѣзавшихъ его толщу во всѣхъ направленіяхъ, и кровавыя пятна по его склонамъ невольно будили тяжелыя, мучительныя мысли. Да, конечно, это кровь — но не кровь прекрасной Джаланумъ, нѣкогда оплакивавшей здѣсь любимаго супруга, а кровь тѣхъ жалкихъ, жадныхъ людей, которые бились, бьются и будутъ еще биться здѣсь, около этой проклятой горы, въ погонѣ за незаслуженнымъ богатствомъ и мимолетнымъ счастьемъ!.. Это кровь бѣднаго удавленника Даурова, уже заплатившаго жизнью за свои неудачи; это кровь Прокудина, которому можетъ быть вскорѣ предстоитъ разсчитаться тою же цѣною за завистливую корысть людскую... Да мало ли такихъ жертвъ?.. Гдѣ, вокругъ золота, разгораются самыя низменныя, самыя тлетворныя человѣческія страсти, тамъ никто не считаетъ жертвъ, тамъ онѣ представляются явленіемъ слишкомъ обычнымъ, даже нормальнымъ!..

— А что, если... — неожиданно пронеслось у меня въ головѣ, и, охваченный внезапной тревогой, я бѣгло оглянулся на Мукзума. Боже мой, какъ я былъ неосторожень вчера!.. Вѣдь изъ-за одного опасенія огласки своей тайны, развѣ не могъ онъ преспокойно меня зарѣзать?.. И даже совершенно безнаказанно зарѣзать?..

И рука моя осторожно нащупала револьверъ...

Но мой спутникъ, казалось, уже забылъ о вчерашнемъ. На видъ спокойный, даже беззаботный, ѣхалъ онъ рядомъ со мною, и съ легкой усмѣшкой указывая на заброшенную разработку, мимо которой мы въ это время какъ разъ проѣзжали, произнесъ:

— Вотъ тутъ, въ прошломъ году, пропало двое нашихъ киргизовъ-золотоискателей... Разбойники убили...

БАРАНЫ.

Въ 1586 году, въ г. Лейпцигѣ появилась на латинскомъ языкѣ книга подъ заглавіемъ „Orbis terrae partium succindo explicatio“ — нѣчто въ родѣ учебника всеобщей географіи. Принадлежитъ она перу нѣкоего Михаила Неандера (латинизированный Нейманъ), педагога по профессіи и гуманиста по направленію, и содержитъ, между прочимъ, прелюбопытное, какъ бы ботаническое описаніе киргизскаго барана...

Вотъ это описаніе въ дословномъ переводѣ.

„Въ той части Татаріи, которою владѣютъ заволжскіе татары, встрѣчается нѣкое сѣмя, подобное сѣмени тыквы, только нѣсколько побольше и покрупнѣе, во всемъ же остальномъ совершенно схожее. Если это сѣмя посадить въ землю, то изъ него выростаетъ нѣчто подобное ягненку, пяти дланей росту: на своемъ языкѣ жители даже называютъ его „Бакаиеисъ“, что и значитъ ягненокъ. Это „нѣчто“ имѣетъ голову, глаза, уши и все прочее, какъ у новорожденной овцы, а шкура его такъ чрезвычайно тонка, что многіе въ тѣхъ странахъ пользуются ею для подбоя своихъ шапокъ.

У этого растенія, если только правильно называть его растеніемъ, есть кровь, а мяса, собственно, нѣтъ — вмѣсто мяса у него нѣчто подобное мясу рака. Роговыхъ, какъ у овецъ, копытъ оно тоже не имѣетъ, но ступни сдѣланы изъ чего-то похожаго на рогъ. Изъ пупка, или середины живота, у него растетъ корень, и оно живетъ дотолѣ, пока не съѣстъ окружающей травы, а затѣмъ, корень отъ недостатка пастбища отсыхаетъ. И такъ удивителенъ вкусъ этого растенія, что волки и прочіе хищники нападаютъ на него въ одиночку и стаями, ибо, какъ извѣстно всюду на землѣ, для сихъ животныхъ самою любимою пищей служатъ растерзанныя овцы“...

Неправда ли, читатель, трудно представить себѣ что-нибудь болѣе неправдоподобно-наивное, даже благоглупостное, пожалуй?..

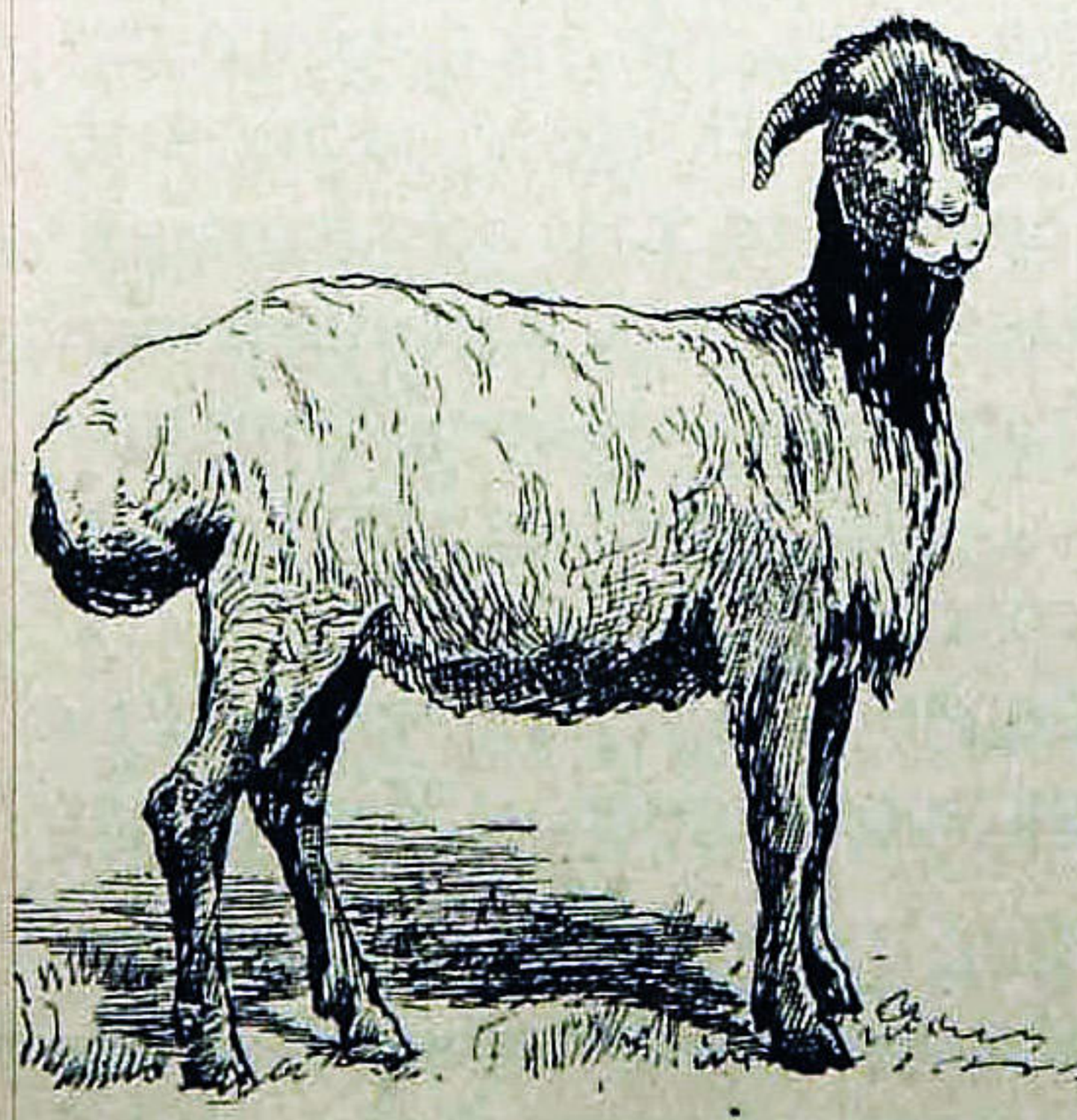
А все-таки, Неандеръ, по существу, правъ: какъ это не парадоксально, но глупый, степной баранъ дѣйствительно своего рода чудо природы, потому что, не будь его, безусловно не были бы мыслимы не только какіе-либо проблески культуры, но и самое пребываніе человѣка въ такомъ Богомъ обиженномъ краѣ, безплодномъ и безводномъ, какъ наша юго-западная сибирская равнина — за время моихъ многократныхъ скитаній по тѣмъ мѣстамъ, мнѣ не разъ приходилось въ этомъ убѣждаться!.. И вотъ почему я постарался поближе ознако-

миться со всѣми, поистинѣ удивительными свойствами киргизскаго барана, вотъ почему я постепенно проникся такими живыми симпатіями къ этому милому, безотвѣтному животному, что нынѣ чувствую себя прямо обязаннымъ посвятить настоящій, заключительный очеркъ именно ему, и только ему одному...

Пусть же приглядятся къ нему и другіе!..

Съ длинными, отвислыми ушами на голой мордѣ, съ вѣчно недоумѣвающимъ взглядомъ безцвѣтныхъ глазъ, одѣтый въ грубую, войлокоподобную власяницу и уснащенный неуклюжимъ, колышащимся сзади курдюкомъ, бѣдный киргизскій баранъ, увы, не блещетъ красотой внѣшней — зато

тѣмъ нагляднѣе выступаютъ другія неоцѣнимыя его качества...

Безъ него киргизъ не могъ бы обойтись и одного дня... Неоткуда было бы взять ему ни кошемъ, чтобы укрыть свою юрту и выстлать въ ней полъ, ни необходимой зимней одежды изъ домотканнаго сукна — шекпека, или, еще проще, изъ грубовыдѣланныхъ бараньихъ шкуръ, ни цѣлаго ряда мелкихъ хозяйственныхъ принадлежностей, въ родѣ веревокъ, куржумовъ [1]), мѣшковъ и проч.; не было бы у него, наконецъ, и тѣхъ узорчатыхъ баскуровъ [2]), ковриковъ и цыновокъ, которые такъ своеобразно украшаютъ примитивное жилье восточнаго номада и вносятъ элементы несомнѣнной эстетики въ его скудное впечатлѣніями существованіе... А какъ хороши эти бараньи кошмы, толстыя и мягкія — если бы вы только знали!.. Какъ сладко спится на нихъ послѣ долгаго переѣзда верхомъ по степи!.. И какъ часто мнѣ самому приходилось спасаться отъ осенняго ненастья, кутаясь въ туземный, изъ бараньяго же сукна азямъ, абсолютно непроницаемый ни для вѣтра, ни для дождя... Да, хорошъ этотъ степной товаръ — что и говорить!..

Но отъ того же барана киргизъ получаетъ и главнѣйшія средства пропитанія... Изъ бара-

---

[1]) Двойныя, переметныя сумки для вьюка.

[2]) Узкая, тканая дорожка, опоясывающая извнутри киргизскую юрту.

нины онъ приготовляетъ свой излюбленный куурдакъ — блюдо очень схожее съ нашимъ европейскимъ рагу — и обычную въ степи похлебку-сурпу, и, главное, чудесный бишбармакъ, неизбѣжное предпраздничное угощеніе всякаго мало-мальски зажиточнаго киргиза... А тюстюкъ, баранья грудинка, сочная и аппетитная, слегка пропеченная на огнѣ — развѣ не обворожителенъ?.. А бараньи губы и хрящики ушей, этотъ спеціальный степной деликатесъ, которымъ тамъ потчуютъ проѣзжаго знатнаго бая не хуже, чѣмъ у насъ парной бѣлужьей икрой, или свѣжею лангустой?.. А, наконецъ, отваренные глаза барана?.. Пожалуйста, не возмущайтесь духомъ, читатель, ибо сей препаратъ, едва ли не самый нѣжный и вкусный изо всего киргизскаго меню — повѣрьте на слово опытному гурману!.. Впрочемъ, для кочевника всего важнѣе въ баранѣ даже не мясо, а доставляемое имъ сало — чистое, бѣлое, безъ малѣйшаго запаха и привкуса, сало, которое во всѣхъ отношеніяхъ неизмѣримо выше пресловутыхъ „маслъ“, получаемыхъ нами изъ петербургскихъ молочныхъ и сливочныхъ... Не даромъ самое почетное степное ассату продѣлывается именно съ саломъ!.. А ассату — это обычай особаго гостепріимства, заключающійся въ томъ, что хозяинъ-киргизъ набираетъ полную пригоршню теплаго бараньяго сала и самолично спроваживаетъ эту порцію непосред-

ственно въ ротъ наиболѣе уважаемому гостю, послѣдній же, соблюдая отвѣтную вѣжливость, обязанъ все это проглотить, не давясь и отнюдь не морщась — Боже сохрани отъ такого скандала!.. Напротивъ, гостю всѣмъ существомъ полагается выражать благоговѣйный восторгъ признательности... Тяжелый обычай, скажете вы — правда, но что подѣлаешь противъ обычая, разъ, по преданію, самъ Мохаммедъ освятилъ его, угостивъ подобнымъ способомъ своего ближайшаго сподвижника Омара!..

Но и помимо ассату, баранье сало является главнѣйшимъ ингредіентомъ всей киргизской кулинаріи. Между прочимъ, киргизки большія мастерицы изготовлять на немъ прелюбопытное сладковатое печенье, именуемое „баурсаками“ — степной суррогатъ Эйнема и Сіу, а еще въ недавнее, сравнительно, время имъ сдабривали не безъ успѣха даже чай...

Молочные продукты степного овцеводства не менѣе многочисленны и разнообразны. Кромѣ обыкновеннаго молока, масла и сыра, сюда слѣдуетъ отнести, напримѣръ, крутъ, родъ отжатаго и просоленнаго творогу, заготовляемаго впрокъ, а также катыкъ (простоквашу), который, будучи разболтанъ водою, преобразуется въ довольно пріятный и освѣжающій кисловатый напитокъ — айранъ, и др. Долженъ, впрочемъ, сознаться, что упомянутый выше крутъ мнѣ такъ и не удалось попробовать:

спрессованный и засушенный на солнцѣ, онъ становится столь немилосердно твердымъ, что не размокаетъ даже въ кипяткѣ, и потому доступенъ развѣ только киргизскимъ зубамъ...

Наконецъ, нынѣ, съ постепеннымъ переходомъ хозяйства отъ натуральнаго къ денежному, баранъ, опять-таки, оказался на высотѣ своего назначенія, ибо съ одной стороны неожиданно пріобрѣлъ значеніе какъ бы монетной единицы, а съ другой — сдѣлался главнѣйшимъ объектомъ степной торговли, доходы отъ которой составляютъ не менѣе $^2/_3$ всего киргизскаго бюджета... Многими тысячами выгоняютъ ежегодно киргизы своихъ барановъ на разные базары и ярмарки, откуда ихъ затѣмъ доставляютъ еще болѣе крупными партіями къ желѣзной дорогѣ, которая и развозитъ ихъ, преимущественно въ раздѣланномъ видѣ, по всей Россіи и даже за границу. Баранье мясо, сало, шерсть, кожи, кишки, кости — все идетъ на потребу человѣческаго рода и доставляетъ пріятную возможность бывшему обладателю всего этого добра, киргизу, щеголять въ цвѣтистыхъ московскихъ ситцахъ, упиваться взамѣнъ кирпичнаго чая — фамильнымъ и слушать у себя въ юртѣ гнусавые звуки граммофона, или живое рокотанье швейной машинки Зингера, ловко управляемой рукой его благовѣрной байбійчи . . . . . .

. . . . . .

Койшы.

. . . . . .

. . . . . .

Но оставимъ на время меркантильныя разсужденія. Мнѣ почему-то вспомнился совсѣмъ иного порядка эпизодъ...

Вечеръетъ... По выжженной степи, среди полупрозрачнаго облака пыли, пропитаннаго розоватымъ золотомъ заката, медленно подвигается къ водопою пестрое стадо барановъ. Жадно шурша губами, словно торопясь, доѣдаютъ овцы свою дневную порцію осохшей полынной травы. Нѣсколько дюжихъ киргизскихъ псовъ, взлохмаченныхъ и чуткихъ, слѣ-

дуютъ по бокамъ стада, внимательно слѣдя за порядкомъ его движенія — подгоняютъ отсталыхъ, сбиваютъ въ общую кучу отдѣлившихся на стороны. Пропасть у нихъ хлопотъ!.. Но теперь ночлегъ близокъ, они это отлично сознаютъ и потому стараются изо всѣхъ силъ — хочется имъ поскорѣе добраться на отдыхъ, домой... А впереди, верхомъ на карнаухой, съ обломаннымъ рогомъ, черной коровенкѣ ѣдетъ и главный вожакъ стада, самъ пастухъ-койшы. Беззаботный, апатичный, уставился онъ взоромъ въ далекій горизонтъ и тонкимъ теноркомъ выводитъ какой-то мотивъ — заунывный и тягучій...

„Маленькая птичка соловей
„Не поетъ иначе, какъ на излюбленномъ кусту;
„Неужели я буду такъ несчастенъ,
„Что не найду себѣ мѣста среди сверстниковъ?..

Потрепанный халатъ распахнулся на груди пастуха, обнаруживъ его крѣпкое, бронзовое тѣло, бараній малахай сползъ ему совсѣмъ на затылокъ, а онъ, мечтательно переведя взглядъ на темнѣющее небо, все поетъ себѣ и поетъ...

„Увы, не всякому не дается счастье:
„Одинъ живетъ въ довольствѣ и веселье,
„Другой — скорчившись отъ болѣзней,
„А людское сердце ничего не умѣетъ предугадать...

Только изрѣдка оглянется пастухъ, пріостановится на мгновеніе, потянетъ за продѣтую скозь ноздри коровы веревку-поводъ и объ-

ѣдетъ стадо кругомъ, точно затѣмъ, чтобы убѣдиться, что все въ порядкѣ... Да и дѣйствительно — тамъ все въ порядкѣ, и снова занимаетъ онъ свое прежнее мѣсто и продолжаетъ прерванную пѣсню...

„Но зачѣмъ унывать?.. Мое новое сѣдло все въ серебрѣ,
„Я сегодня засѣдлаю имъ чалаго иноходца —
„И, какъ бѣлый лебедь,
„Полечу навстрѣчу своему счастью...

Но вотъ — нежданно, за уваломъ открылась небольшая степная лощинка съ нѣсколькими юртами, скромно пріютившимися у болотистой лужайки, образованной скуднымъ, солоноватымъ родничкомъ. Почуявъ воду, тревожно заблеяли овцы, и, обгоняя другъ друга, опрометью бросаются впередъ, слѣдомъ за ними съ лаемъ мчатся собаки, затрусила неуклюжей рысью и коровенка со своимъ сѣдокомъ... А навстрѣчу имъ несется отвѣтный собачій лай, и конское ржанье, и радостный визгъ ребятишекъ-киргизятъ... И изъ юрты выходитъ стройная дѣвушка съ кожанымъ турсукомъ на плечѣ — она идетъ за водой должно быть...

Ну, развѣ эта картинка не выхвачена прямо изъ какого-нибудь библейски-древняго сказанія?.. Не такъ же ли нѣкогда, въ Урѣ Халдейскомъ встрѣчала юная Рахиль стадо отца своего Лавана?..

И подобно ветхозавѣтному Лавану, современный киргизъ по своему любитъ и отечески

бережетъ своихъ овецъ: онъ заботливо строитъ для нихъ особые крытые загоны отъ степныхъ вьюгъ и непогодъ, усердно роетъ и чиститъ колодцы по пути своихъ кочеваній, въ послѣднее время, нерѣдко, заготовляетъ имъ даже запасы сѣна, на случай безкормицы или джута, а слабыхъ, молодыхъ ягнятъ послѣдняго помета неукоснительно держитъ при себѣ въ зимовкѣ, и безъ того душной и тѣсной, вплоть до наступленія весны... Особая привязанность кочевниковъ къ своему четвероногому кормильцу и поильцу выражается, между прочимъ, и въ томъ, что для каждаго бараньяго возраста онъ придумалъ спеціальныя имена: такъ, новорожденнаго ягненка онъ называетъ „козу“, къ осени того же года — козу переименовывается въ „токту“, или „марка“, со второй весны баранчикъ зовется уже „секъ“, съ третьей — „кунанъ кой“, съ четвертой — „дюнönъ кой“, и только послѣ этого превращается, наконецъ, въ настоящаго, великовозрастнаго барана — „байдака“, если же послѣдній пускается на племя, то его опять-таки зовутъ особо — „кушкаръ“... Какъ видите, цѣлая номенклатура, и притомъ достаточно сложная!..

Съ своей стороны, и баранъ не остается въ долгу передъ своимъ хозяиномъ, и словно старается, по возможности, облегчить затрачиваемые на него хлопоты и труды. Постепенно, длиннымъ рядомъ поколѣній, онъ сумѣлъ вы-

работать въ себѣ поразительную выносливость, крайнюю непритязательность въ пищѣ и питьѣ, и даже нѣкоторый специфическій, чисто философскій индиферентизмъ къ явленіямъ внѣшняго міра, что позволяетъ ему, при самыхъ казалось бы неблагопріятныхъ условіяхъ, не только жить и размножаться, но еще нагуливать себѣ, въ удивительно короткій срокъ, жировой курдюкъ чуть не пудового вѣса...

Но помимо этого, баранъ обладаетъ и еще однимъ, на сей разъ совершенно исключительнымъ, свойствомъ — онъ почему-то вовсе не боится самаго страшнаго врага степного скотоводства — небольшого, но очень ядовитаго паучка каракурта, укусъ котораго для прочихъ домашнихъ животныхъ почти безусловно смертеленъ: верблюдъ, напримѣръ, обычно погибаетъ уже черезъ 2—3 часа послѣ укуса!.. Между тѣмъ, баранъ преблагополучно поѣдаетъ этого самаго паука, и киргизы увѣряютъ даже, что подобное событіе служитъ источникомъ благополучія для всего стада — бараны будто бы особенно тучнѣютъ послѣ этого... Любопытна и степная легенда, поясняющая почему собственно каракурты не причиняютъ вреда именно баранамъ. Согласно этой легендѣ, души обиженныхъ при жизни людей переселяются послѣ смерти въ каракуртовъ и мстятъ всѣмъ живымъ существамъ за черствость ихъ сердца, но баранъ по природѣ такъ безконечно добръ и незло-

бивъ, что даже каракуртъ не осмѣливается проявлять на немъ свою мстительность и позволяетъ ему безнаказанно топтать и пожирать себя . . . . . .

. . . . . .

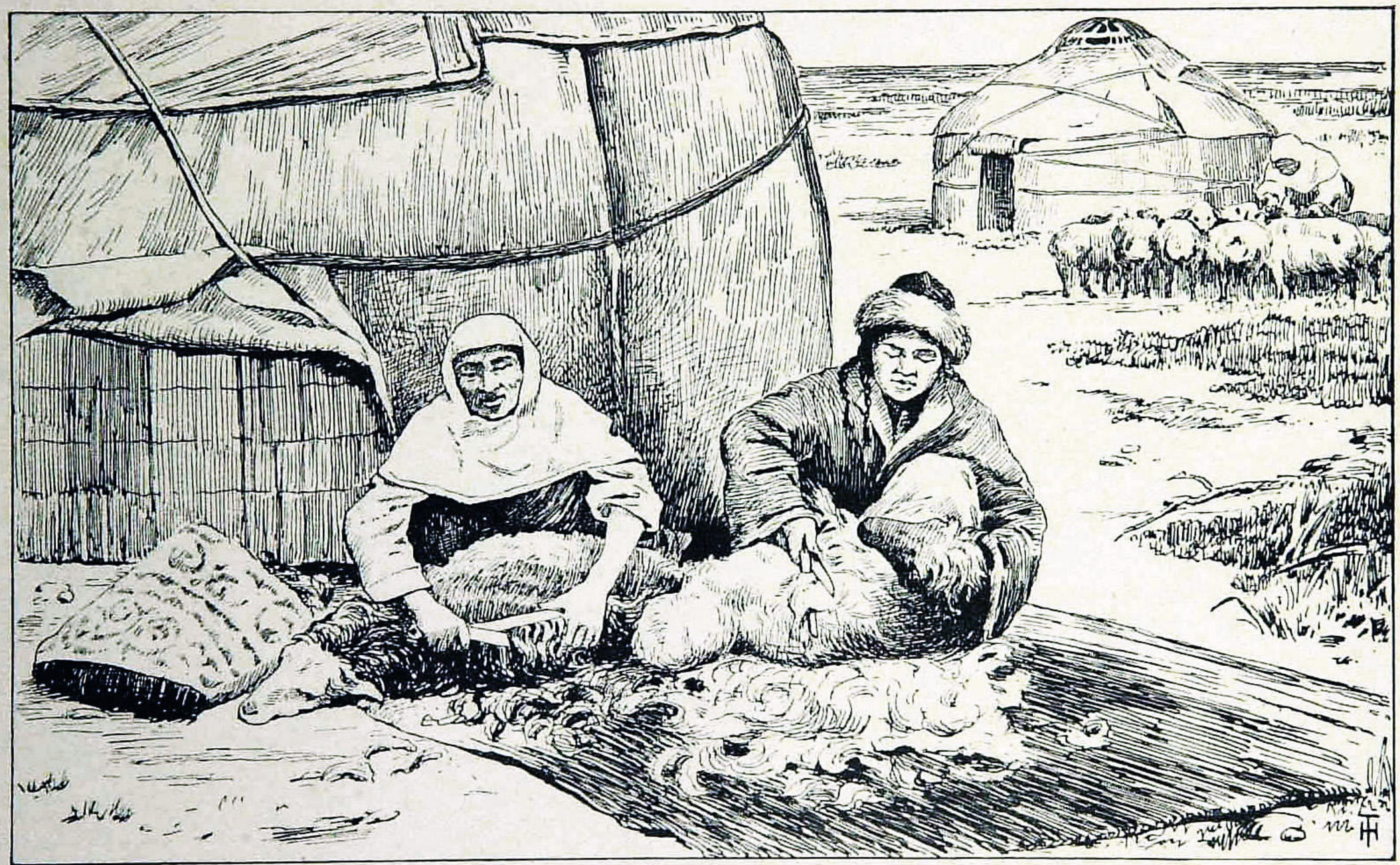
. . . . . .

А вотъ еще степная картинка, характеризующая живое участіе барана въ киргизскомъ житьѣ-бытьѣ...

Весна въ полномъ разгарѣ, все зеленѣетъ и цвѣтетъ кругомъ, солнце, теплое и яркое, только что поднялось надъ горизонтомъ и словно торопится осушить росистую траву, разсѣять голубоватую дымку тумана, скопившагося за ночь надъ ближайшимъ озеркомъ. Тутъ же, вдоль озера, разбросался и небольшой киргизскій аулъ...

Но почему это сегодня, уже съ самаго утра, тамъ царитъ такое сверхъординарное, словно праздничное, оживленіе?.. Отчего такъ хлопотливо снуютъ вокругъ юртъ принаряженныя женщины и носятся, взадъ и впередъ, неугомонныя дѣтишки?.. Отчего тамъ раздаются такіе громкіе возгласы и взрывы смѣха, и какъ-то особенно тревожно и недоумѣвающе блеютъ согнанные къ юртамъ бараны?.. Сегодня — первый день весенней стрижки овецъ, одно изъ самыхъ радостныхъ событій въ тусклой жизни кочевника, празднуемое имъ всегда по возможности шумно и весело...

Самая обстановка этого весенняго торжества напоминаетъ наши посидѣлки, или малорусскія вечерницы — только перенесенныя изъ душныхъ хатъ на свѣжій воздухъ, на открытый степной просторъ... Женщины и дѣвушки, вооруженныя здоровенными ножницами, какихъ-то преимущественно доисторическихъ формъ, разсаживаются по группамъ, кружками гдѣ-нибудь въ тѣни юртъ; вперемѣжку съ ними располагаются мужчины, которые должны яко бы помогать имъ въ работѣ — подводить очередныхъ овецъ, валить ихъ на землю, придерживать во время операціи стрижки и проч. Въ дѣйствительности, впрочемъ, развѣ одни только старики заняты дѣломъ сколько-нибудь въ серьезъ, а молодежь, Богъ ей прости, предается, какъ и вездѣ, флирту, во всѣхъ его общечеловѣческихъ проявленіяхъ. Здѣсь и мимолетныя рукопожатія, и обжигающіе взгляды, и робко украденные поцѣлуи... А для отвода глазъ сыпятся задорныя шутки, отпускаются каламбуры, разсказываются болѣе или менѣе пряные анекдоты, отъ которыхъ даже киргизскія красавицы притворяются подчасъ сконфуженными и стыдливо закрываютъ лица широкими рукавами своихъ рубахъ... Не правда ли, совсѣмъ, какъ у насъ?.. Но вдругъ кто-то изъ женщинъ взвизгнулъ — это сосѣдъ ухаживатель ущипнулъ ее, должно быть, и тотчасъ же послѣдовала основательная отвѣтная тукманка...

Стрижка овецъ.

О, степнячки умѣютъ постоять за себя!.. И всѣ зубоскалятъ, всѣ довольны, и всѣхъ больше, повидимому, самъ потерпѣвшій кавалеръ!.. А въ сосѣдней группѣ, рядомъ, меланхолически звучатъ струны домбры и льется тягучій, надрывающій мотивъ старинной пѣсни, гдѣ такъ образно описывается трогательная исторія любви двухъ молодыхъ сердецъ, полная замысловатыхъ злоключеній, но съ благополучною, какъ полагается, развязкой, что неизмѣнно вызываетъ всеобщее радостное сочувствіе... А тамъ, еще дальше, слышится спокойная, размѣренная рѣчь киргиза, повѣствующаго своимъ слушателямъ про подвиги какого-нибудь степного батыря, про то, какъ онъ безъ конца воевалъ съ разными страшными оборотнями и злыми джинами и, походя, разрушалъ ихъ заколдованные замки, наполненные несмѣтными сокровищами... И въ качествѣ аккомпанимента ко всѣмъ этимъ пѣснямъ, разсказамъ и анекдотамъ — цѣлый день безъ умолку лязгаютъ и стучатъ ножницы въ неутомимыхъ рукахъ домовитыхъ киргизокъ, и жалобно блеютъ терзаемые ими бараны.

Но наконецъ-таки, освободились злополучныя животныя отъ своихъ мучительницъ!.. Съ помятыми боками, ободранныя, въ конецъ обезображенныя торчащими клочьями неровно выстриженной шерсти, они стремительно бросаются вонъ изъ аула, въ степь, куда глаза

глядятъ... Глупыя, они и не подозрѣваютъ, сколько при ихъ благосклонномъ участіи зародилось, только что, любовныхъ интригъ!.. Сколько будущихъ семейныхъ благополучій они невольно, можетъ-быть, создали!.. Сколько возбудили надеждъ, сомнѣній и разочарованій!..

. . . . . .

. . . . . .

Минули веселые дни стрижки-кырку, жизнь аула давно уже вошла въ обычную, будничную колею, только у бѣднаго барана все еще ноютъ помятыя кости, все еще щемитъ и саднитъ его грѣшное, измученное тѣло... Но и это пройдетъ, да и что значатъ подобныя мимолетныя страданія сравнительно со многими другими, поджидающими барана въ сей земной юдоли?.. Хотя хозяева и любятъ его, и берегутъ, а въ предѣлахъ средствъ и силъ, подчасъ, даже какъ-будто балуютъ, но, при случаѣ, и они не прочь позабавиться за счетъ того же несчастнаго барана, притомъ самымъ жестокимъ, варварскимъ способомъ...

Знаете ли вы, напримѣръ, читатель, что значитъ драть барана?..

Въ заранѣе опредѣленное степное урочище, въ день, обычно пріуроченный къ какому-нибудь семейному или общественному празднованію, съѣзжаются сотни, а иногда и тысячи киргизовъ. Здѣсь выбирается подходящая долина, по возможности ровная и гладкая, окруженная

холмами, откуда публика могла бы съ удобствомъ наблюдать предстоящее зрѣлище. Самое празднество открывается обильнымъ ассомъ—угощеніемъ, которое продолжается нерѣдко 2—3 дня, при чемъ губится, конечно, великое множество бараньихъ душъ, и выпивается несмѣтное количество кумыса... Затѣмъ, начинаютъ чередоваться всяческія увеселенія—разнородная борьба, скачки на призы, обыкновенный бѣгъ и бѣгъ въ мѣшкахъ, пѣніе улянчей-сказателей народныхъ легендъ и др.; порою, сверхъ того, даются и цѣлыя акробатическія представленія, а изрѣдка появляются даже заправскіе фокусники...

Въ заключеніе же „дерутъ“ барана...

Изъ толпы участниковъ этого дранья отдѣляется одинъ всадникъ, держа передъ собою, поперекъ сѣдла, барана. Отъѣхавъ нѣкоторое разстояніе, онъ пускаетъ лошадь вскачь, и за нимъ, какъ по сигналу, устремляются съ гикомъ и визгомъ остальные киргизы: задача состязанія—завладѣть бараномъ и привести его къ мѣсту начала скачки...

Дикая погоня!.. Окруженный преслѣдователями, всадникъ съ бараномъ мечется между ними, какъ затравленный звѣрь!.. Но куда бы онъ но повернулся—всюду враги; со всѣхъ сторонъ настигаютъ его напряженныя руки, которыя цѣпко хватаются то за него самого, то за барана; трещитъ пола азяма, малахай

давно сбитъ съ головы, но вдругъ — неловкій поворотъ, толчекъ какой-то... и всадникъ лежитъ уже на землѣ, подъ копытами лошадей, а баранъ выскользнулъ у него изъ рукъ и исчезъ куда-то, точно его и не было никогда!.. Новая погоня, новая жесточайшая свалка, среди которой опрокидываются и кони, и люди, всѣ изступленно кричатъ до хрипоты, даже лошади словно осатанѣли и яро визжатъ и кусаются — а баранъ, тѣмъ временемъ, успѣваетъ уже перейти къ третьему всаднику, потомъ къ четвертому, пятому и т. д.

Въ началѣ все идетъ еще относительно благополучно для безропотнаго животнаго, но чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе разгораются страсти, тѣмъ злобнѣе и крѣпче хватки мускулистыхъ киргизскихъ рукъ... Трещатъ уже не одни азямы, трещатъ живыя бараньи жилы и кости, и, наконецъ, безпомощнаго, обезумѣвшаго отъ страха и боли барана разрываютъ на части!.. Развѣ это не ужасно?..

А участники состязанія воютъ, какъ помѣшанные!.. Обагренные горячей кровью, растерзанные, большею частью простоволосые, бѣшено кружатъ они по долинѣ, стараясь отнять куски бараньей туши отъ завладѣвшихъ ими нѣсколькихъ счастливцевъ. У кого задняя нога, у кого голова, у кого кровоточащій бокъ, съ волочащимися позади внутренностями — отвратительная, незабываемая сцена!.. Тѣмъ

болѣе отвратительная, что здѣсь собственно никогда не бываетъ побѣдителей... Налицо только одни побѣжденные — безжалостно замученныя ради людской потѣхи, безобиднѣйшія живыя существа . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Но и нормальный конецъ бараньяго бытія не слаще — безотвѣтному животному приходится оплачивать цѣною жизни всякое сколько-нибудь выдающееся событіе въ степномъ обиходѣ... Празднованіе киргизскихъ родинъ, обрѣзаній, бракосочетаній, благополучныхъ возвращеній изъ хаджа, счастливыхъ выздоровленій, наконецъ, похоронъ — ничто не обходится безъ болѣе или менѣе обильной гекатомбы барановъ, которые тысячами приносятся въ жертву человѣческому обжорству и тщеславію... Прозаически-жалкое существованіе завершается не менѣе безцвѣтнымъ аккордомъ — равнодушный ударъ ножа, слабый хрипъ, судорожный трепетъ агоніи... и все кончено!..

И только послѣ смерти барана ждетъ хоть нѣкоторое, съ позволенія сказать, возмездіе за добродѣтель... Его рога, особенно если они крупны и красиво изогнуты, пользуются повсемѣстно чрезвычайнымъ почетомъ среди киргизовъ... И нерѣдко въ степи можно и доселѣ, то тамъ, то здѣсь, увидать одинокую могилу какого-нибудь невѣдомаго святаго-аулія, укра-

шенную цѣлой грудой бараньихъ роговъ, принесенныхъ сюда усердными паломниками, въ качествѣ непреложнаго символа крѣпости въ вѣрѣ и кроткаго благочестія усопшаго... Да будетъ привѣтливъ къ нему Аллахъ во всѣ дни его загробныхъ странствій, и да не отвратитъ отъ него своего милостиваго взгляда въ страшный часъ послѣдняго судилища...

Q.C.P. - N.Ver

Оглавленіе.

	стран.
Рыбаки.	1— 24
Ночлегъ на Кара-су	25— 56
Степные призраки	57— 74
На кладбищѣ	75— 88
На утиномъ перелетѣ	89—110
Дуодакъ.	111—134
Байга	135—168
Легенда о Сортолагаѣ.	169—200
Бараны	201—224